

ДВОЙНОЙ
СМЕШНОЙ
ДЕТЕКТИВ

Ташна КУЛИЖОВА

РУКОПАШНАЯ
С МЕНДЕПЬСОНОМ

ШОКОПАДНОЕ
УБИЙСТВО

Двойной смешной детектив

Галина Куликова

**Шоколадное убийство.
Рукопашная с Мендельсоном**

«ЭКСМО»

2008, 2009

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Куликова Г. М.

Шоколадное убийство. Рукопашная с Мендельсоном /
Г. М. Куликова — «Эксмо», 2008, 2009 — (Двойной смешной
детектив)

ISBN 978-5-04-189938-7

Шоколадное убийство В фонтане городского парка утонул знаменитый рок-музыкант, в собственной ванной погиб авторитетный коллекционер, а в декоративном прудике модного ресторана захлебнулась одна из посетительниц. В трагическую случайность никто не верит, ибо обстоятельства гибели каждой из жертв довольно странные. Для следователей в перспективе - это три очевидных «глухаря». А вот для блестящего аналитика Сильвестра Бессонова - возможность в очередной раз проявить уникальный талант частного сыщика... Рукопашная с Мендельсоном Лайма Скалбе, командир группы «У», спецподразделения службы безопасности, получила новое задание. Лайма и ее верные помощники отправляются в город Чисторецк, где проходит фестиваль народной музыки. Под видом гостей сюда должны прибыть террористы, которых интересуют трое ученых, работающих над секретным проектом в институте нанотехнологий. С целью глубокой конспирации бойцы группы «У» решают стать участниками музыкального конкурса и превращаются в фольклорный ансамбль «Заводные матрешки»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189938-7

© Куликова Г. М., 2008, 2009

© Эксмо, 2008, 2009

Содержание

Шоколадное убийство	7
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Галина Куликова
Шоколадное убийство
Рукопашная с Мендельсоном
(сборник)

© Куликова Г. М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Шоколадное убийство

Глава 1

Богатые тоже читают. Труп номер один

Вячеслав Аленочкин был просто-таки воплощением жизненного успеха – высокий, широкоплечий, модно и со вкусом одетый молодой мужчина с приятным загорелым лицом и обаятельной улыбкой. Дорогой костюм, дорогие туфли, очень дорогие часы. Не хватало только инкрустированной бриллиантами таблички с победным лозунгом «Жизнь удалась!».

В настоящий момент все это великолепие, только что покинувшее эксклюзивный салон своего роскошного авто, неспешно двигалось пешком по Моховой в сторону Воздвиженки, принимая как дань восхищенно-тоскливые женские и недобро-завистливые мужские взгляды.

Однако вопреки предположениям, которые могли строить на его счет многочисленные прохожие, направлялся Аленочкин не в шикарный офис, не в салон, торгующий лимузинами, и не в пафосный ресторан. И женщины, готовые по первому сигналу составить счастье этому фантастическому парню, и мужчины, желающие набить ему морду или как минимум наступить грязным ботинком на его безукоризненные туфли, сильно бы удивились, узнав, куда идет прекрасный незнакомец.

А шел Вячеслав Аленочкин в библиотеку. В Российскую государственную библиотеку, она же – Ленинка.

Слава Аленочкин не был здесь очень давно. Когда он был студентом геофака МГУ, то довольно часто пользовался услугами библиотеки, но последний раз входил в подъезд монументального здания, к созданию которого приложили руку известные архитекторы и скульпторы, на пятом курсе. Ему тогда потребовались дополнительные материалы для дипломной работы, а где было взять редкие, даже уникальные издания, на использовании которых настаивал дипломный руководитель, как не в Ленинке?

Поднявшись по стертým многими поколениями читателей ступенькам, Аленочкин оказался на знаменитой, неровно выложенной серыми плитками площадке. Вячеслав застал время, когда на этой площадке назначались романтические свидания, а на ступеньках люди с интеллигентными лицами делились информацией обо всем на свете, философствовали непризнанные гении и задумчиво размышляли о чем-то ученые, бьющиеся над разгадкой неведомых тайн. Здесь устраивали коллективные экспресс-перекуры перед тем, как с головой погрузиться в океан знаний.

В настоящий же момент самые нижние ступени оккупировали бомжи и профессиональные нищие, отдыхающие перед плановым нашествием на богатый и щедрый к ним Новый Арбат. Выше, с неизменными пивными бутылками в руках, сидели и лежали неряшливые молодые люди, которых можно было заподозрить в чем угодно, только не в знакомстве с алфавитом.

Вячеслав не был человеком сентиментальным, ностальгия его не мучила, и жизнь он принимал такой, какой она была в настоящий момент, во всем ее многообразии. Однако увиденное его не порадовало, к тому же на ступеньках царил атмосфера вялой агрессии. Аленочкин почувствовал себя павлином, случайно приземлившимся на картофельное поле, где хозяйничает стая ворон.

Брезгливо поморщившись, он продолжил свой путь, перешагнув через чьи-то тощие волосатые ноги. Но прежде чем приступить к делам, Вячеслав решил уделить несколько минут памятнику, которого в годы его студенческой юности здесь не было. Раньше как-то случай не представлялся – пролетал мимо на машине, что там можно рассмотреть?

Памятник Аленочкина повеселил – с одного бока он удивительным образом напоминал Льва Толстого, и лишь анфас оказывался Федором Михайловичем. Здесь же была и надпись, подтверждавшая – да, действительно Достоевский. К тому же великий писатель, странно скособочившись, как бы сползал с постамента, напоминая неловко присевшего в господской гостиной дворника.

«В принципе, – подумал Аленочкин, – такую скульптуру можно к нам в офис заказать. Поставить в холле и назвать «Вызов в службу персонала для увольнения по возрасту». Эта мысль подействовала на Вячеслава благотворно, настроив на рабочую волну. В конце концов, он же сюда не на экскурсию приехал, а по делу. По очень важному, срочному и, надо заметить, весьма необычному делу.

* * *

Быстро пройдя несложную процедуру оформления, он приятно удивился тому обстоятельству, что довольно консервативное библиотечное дело уверенно шагает в ногу со временем и старается соответствовать современным реалиям – новые технологии и все такое. Тебя фотографируют, тут же заносят в реестр читателей и выдают ламинированный пропуск. Очередей нет, повсюду световые табло – красота!

Наконец Аленочкин приблизился к заветной цели. Теперь предстояла очень серьезная работа – найти правильный источник информации, если он вообще существовал. Изучить, сопоставить факты и сделать выводы. Какие – другой вопрос, но Аленочкин верил в успех. Он ведь реалист и прагматик, иначе и не взялся бы за это дело. «История с какао не может быть случайностью, – твердил он себе, роясь в картотечных ящиках и тщательно изучая карточки. – Таких случайностей не бывает. Здесь чувствуется закономерность и логика, а раз так – я выясню, где тут собака зарыта».

Для начала Вячеслав решил пройтись по информационному океану неводом и составить максимально полный список существующей литературы о мексиканских индейцах – история, география, религия, фольклор, этнография. Затем, отсеяв откровенно ненужное, превратить список в шорт-лист и уже там пытаться обнаружить хоть крупницу истины.

Через два часа изнурительных поисков Аленочкин понял, что для составления более-менее полного списка ему потребуется день или два. А сколько займет просмотр всего этого богатства, Вячеслав старался даже не думать. Но решение было принято, и отступать он не собирался.

Если он на правильном пути, его усилия окупятся с лихвой. А это в бизнесе – главное.

* * *

Вячеслав Аленочкин, серьезный, успешный бизнесмен, кроме офиса и ресторанов появлявшийся лишь в гольф-клубе, стал прилежным посетителем одного из читальных залов Ленинки. Все текущие дела он взвалил на проверенного зама, оставив за собой лишь принятие окончательных решений по стратегическим и особо деликатным вопросам. Несколько следующих дней он провел в окружении стопок книг, альбомов и брошюр о жизни, традициях и обычаях индейцев Мексики.

«Если бизнес накроется, смогу выступать с лекциями или работать экскурсоводом в музее этнографии», – веселился Аленочкин в конце очередного рабочего дня, проведенного за чтением специальной литературы. Женская часть коллектива заинтересованно поглядывала на диковинного посетителя, сильно выделявшегося на фоне традиционного читательского контингента. Однажды Вячеслав услышал фразочку, брошенную одной из девушек:

– А мужик-то, похоже, в шоколаде!

И едва не расхохотался – настолько близко это было к действительности.

Тем временем круг поисков сужался, но ничего, что приблизило бы его к разгадке тайны какао-бобов, Вячеслав не обнаружил. Никаких упоминаний о неизвестных и странных свойствах шоколада, никаких намеков на аномалии при выращивании или переработке сырья. Ничего!

На шестой день поисков, окончательно выбившись из сил и озверев от замысловатых имен и названий, где самыми простенькими были Нетзахуалькойотль и Коатзакоалькос, Аллочкин решил прибегнуть к помощи консультанта.

Преодолев традиционную подозрительность делового человека к включению в бизнес-процесс посторонних, он кратко и в самых общих чертах изложил суть проблемы. И не прогадал. Очень серьезная женщина средних лет, похожая на его школьную учительницу физики, быстро просмотрев составленный им список, объяснила, что он неверно сформулировал тему, поэтому мимо него прошло немало интересного. И сразу же подсказала, где может находиться еще одна информационная жила, вполне способная стать для него золотой.

Именно там, среди диссертаций, докладов и отчетов, Вячеслав и наткнулся на весьма любопытный документ начала прошлого века – отчет руководителя британской научной экспедиции, долгое время изучавшей обычаи коренных народов Америки. И вот что он узнал из этого документа.

На территории стран, некогда населенных индейцами, существует немало мест, где сохранились остатки древних поселений. Кто жил в них, ученые определить так и не смогли. Единственный источник информации – фольклор, легенды, предания. Одно из наиболее загадочных мест находится в мексиканских джунглях. В непроходимых дебрях скрываются каменные руины – на этом месте когда-то стоял город. Почему люди покинули его, установить не удалось. Сами руины заинтересовали исследователей несколькими странностями. Стены зданий и внутри, и снаружи были покрыты огромным количеством рисунков. Рисунки наносились беспорядочно, накладывались друг на друга, перекрывали старые барельефы. Но больше всего ученых поразил сам характер изображений. Они сохранились не лучшим образом, но то, что осталось, поразительно напоминало сюрреалистическую живопись. Ни один специалист по индейским культурам не смог внятно интерпретировать эти изображения.

Еще одна странность – в центре поселения была вырыта большая яма, выложенная изнутри камнем. Больше всего она напоминала резервуар для воды. На дне ее возвышалась каменная фигура неизвестного божества. Сотрудники экспедиции предположили, что это может быть водное божество, по каким-то причинам ставшее здесь во главе пантеона.

Ничего похожего в других индейских культурах, по заключению автора отчета, не встречалось.

Неподалеку от развалин находилась индейская деревушка, жители которой передавали из уст в уста предания об ужасной судьбе обитателей древнего города. Смысл их сводился к следующему. Давным-давно, когда город был на пике могущества, его жители выпустили на свободу непонятное зло, которое поработило их разум. Они стали поклоняться некоему демоническому божеству, забросив все остальные дела. Сельское хозяйство, ремесла, строительство – все остановилось. И однажды их божество пришло за ними и увело их в море. Все до единого жители города утонули. Индейцы свято верили в эту легенду, а также и в то, что в руинах до сих пор живет злой дух. Они предпочитали обходить это место стороной.

Аллочкин прочитал все это на одном дыхании. Интуиция подсказывала – искомое здесь, рядом. Но когда открыл приложения – карты и рисунки, – то непроизвольно издал такой радостный вопль, что сидящие в читальном зале одновременно повернулись на звук. А радоваться Вячеславу было отчего – и рисунок, и словесное описание, приведенные здесь же, не оставляли сомнений – именно эту статую копировала таинственная фигурка, наполненная какао-бобами. Та самая, что досталась ему по наследству от погибшего друга.

* * *

Верный принципу «доверяй, но проверяй», Аленочкин еще один день посвятил перепроверке полученной информации. Однако, к своему изумлению, никаких упоминаний о загадочном племени, каменных руинах и странном божестве в более поздних изданиях не нашел. Создавалось впечатление, что отчет англичан – единственный в своем роде документ. Почему так случилось – объяснить сложно. Вероятно, научный мир скептически отнесся к итогам их работы, а там началась Первая мировая война, и стало не до индейцев с их странными мифами.

Так или иначе, приходилось опираться лишь на этот документ. Но и его находку можно было считать победой – теперь Вячеслав имел примерные координаты места, где, возможно, и произрастает неизвестный сорт какао. По всему выходило – надо было лететь в Мексику и на месте разбираться, что к чему. Многодневному сидению в ставшей ему родным домом библиотеке настал конец. Однако просто уйти, не поблагодарив свою благодетельницу, Аленочкин не мог.

– Вот, – улыбнувшись голливудской улыбкой, сказал Вячеслав, протягивая женщине огромную коробку совершенно немислимых по красоте конфет. – Это вам. С благодарностью за неоценимую помощь!

Та недоуменно посмотрела сначала на него, потом на конфеты и поинтересовалась:

– Вы это о чем?

– Ну как же, – заторопился Вячеслав, – вы мне очень помогли! Я сам с этими индейцами так и не разобрался бы до конца!

– А... – протянула женщина, – вспомнила. Простите, за день столько людей обращается. Но только это, – она кивнула на коробку, – лишнее. Мы делаем свою работу.

– Но ведь от чистого сердца, – настаивал Аленочкин, хотя уже понимал, что женщина конфеты не возьмет ни за что. Для очистки совести предпринял еще одну попытку, но быстро отступил.

– Хорошо, тогда просто – большое спасибо! – изящно поклонившись, сказал Вячеслав.

– Не за что, не за что, – быстро пробормотала дама, словно желая побыстрее отделаться от навязчивого посетителя. Но когда Аленочкин уже сделал шаг к выходу, произнесла: – Так странно...

Чуткий ко всяким нюансам и неожиданным реакциям Аленочкин мигом развернулся на месте:

– Простите, что странно?

– Да так, ничего.

– Нет-нет. По-моему, вас что-то удивило. Что вы хотели сказать? Что странно?

– Просто я работаю здесь очень давно. И на моей памяти этой темой так глубоко заинтересовались впервые. Но зато – сразу два человека. Странно.

– Действительно странно, – задумчиво протянул Вячеслав. – Хотя...

Тут он вроде как вспомнил о чем-то и хлопнул себя по лбу:

– Склероз! Я же недели две назад посылал сюда свою помощницу подбирать мне материалы. Это была моя Екатерина, наверное, она к вам обращалась.

– Нет, это было ровно месяц назад, я как раз вышла после отпуска. И это был мужчина, постарше вас.

– Может быть, он тоже пишет диссертацию? – задумчиво, как бы про себя, пробормотал Аленочкин. – Надо бы с ним познакомиться... Не поможете?

– Нет. Он здесь часто бывает, только последние дни что-то не видно. Может быть, закончил работу или заболел.

Аленочкин понимал, что больше, как ни старайся, ничего из нее не вытащит. Однако возникновение на горизонте незнакомца, интересующегося его индейцами, настораживало. Совпадение? А что, если не совпадение, а промышленный шпионаж? В любом случае неизвестного мужчину стоило отыскать. Еще раз поблагодарив строгую женщину-консультанта, Вячеслав отправился домой.

* * *

Аленочкин умел правильно подбирать кадры. Поручив дело своему специалисту, он мог быть уверен, что тот добьется максимального эффекта. Поэтому, отдав распоряжение разыскать любителя мексиканских индейцев, он не удивился, когда через три дня на его стол легла докладная записка, где помимо отчета о проделанной работе содержались полные сведения о человеке, который его интересовал.

Вызвав к себе начальника службы режима и безопасности, Вячеслав задал только один вопрос:

– Как удалось?

Тот расплылся в довольной улыбке:

– С вашей подсказки. Его отследили прямо у картотеки. У меня есть один человек – ас в таких делах. Остальное – дело техники. Точнее – спецтехники.

Аленочкин откинулся в кресле и принялся читать отчет.

Имя: Томилин Андрей Николаевич, отставной военный, уволился в запас с должности начальника штаба полка в звании майора. Занятие в настоящее время: торгует по Интернету часами, копиями известных швейцарских брендов. Свою квартиру использует также и в качестве офиса. Адрес, телефон, номер личного автомобиля – все как полагается.

«Да, интересное занятие для бывшего начштаба полка, – усмехнулся Вячеслав, – да еще эти индейцы. Они-то ему зачем понадобились? Или опытного вояку кто-то нанял для выполнения особых поручений? В любом случае придется знакомиться. Только повод хороший надо придумать, а то контакт не состоится».

Неожиданно взгляд его упал на следующую фразу: «Работал завхозом в Фонде поддержки малых народов Америки, полгода назад уволен по собственному желанию». Аленочкин присвистнул. Вот так дела! Он ведь был спонсором этого самого фонда, перечислял деньги на его нужды. А этот Томилин до недавнего времени состоял в штате. Потрясающее совпадение. Нет, конечно, Аленочкин не знал, кто там завхоз, в этом фонде, откуда? Не его уровень. Вот с руководством он хорошо знаком, это да.

Все же пока он решил не делать ставку на то, что они оба имеют отношение к одной и той же организации. Аленочкину нужен был убедительный повод для знакомства. И он его нашел. Предполагаемая покупка большой партии часов – лучше не придумаешь. Аленочкин решил, что свяжется с Томилиным через секретаря и потребует личной встречи для обсуждения деталей крупного контракта. А там под виски или водочку – разговоры о всякой всячине, хобби и так далее, по обстоятельствам. Глядишь, всплывут в дружеской беседе бледнолицых братьев и мексиканские аборигены. Вдруг товарищ майор просто так интересуется, ради общего развития?

Он все замечательно продумал. Одно раздражало – Томилин второй день не отвечал на телефонные звонки. Настораживало и то, что признаков жизни не подавала его электронная торговая площадка.

На третьи сутки Аленочкин решил лично выяснить, что происходит, и ближе к вечеру поехал на Каширское шоссе, в квартиру-офис Томилина. Поехал один, без сопровождения, так как была вероятность, что визит потянет за собой проблемы, о которых знать никому не следует.

Аленочкин думал, что таких подъездов в Москве уже нет, однако он ошибался. Убогая панельная пятиэтажка, с проросшими на балконах сорняками, встретила его распахнутыми настежь дверьми подъездов. Прочитать номера квартир на проржавевших табличках, укрепленных сверху, было невозможно, и Вячеслав был вынужден по очереди заглянуть в каждый подъезд, пока не высчитал, что квартира Томилина должна находиться в третьем.

В подъезде пахло гнилой картошкой и еще чем-то кислым. Пешком поднявшись на четвертый этаж, Вячеслав огляделся – никого. Тогда он нажал кнопку звонка. Однако ни приближающихся шагов, ни вопроса «Кто там?», да и вообще каких-либо звуков не услышал. У соседей напротив за дверью орал телевизор. Квартира Томилина настораживала абсолютной тишиной.

«Если я сейчас возьмусь за ручку двери, а она со скрипом начнет приоткрываться, будет совсем как в плохом детективе», – вдруг подумал Аленочкин.

Не желая оставлять здесь свои отпечатки, он тихонько пнул дверь ногой. С противным скрежетом она приоткрылась внутрь, словно приглашая незваного гостя войти в коридор. Тот вздрогнул, по спине побежали противные мурашки. Превозмогая страх, он все-таки вошел в квартиру. Первое, о чем он успел подумать – не забыть протереть звонок перед уходом. Он уже догадался, что сейчас увидит, только еще не решил – стоит ли звонить своим или убираться подобру-поздорову. Милицию он вызывать не собирался.

Квартира оказалась довольно большой и светлой и совсем не походила на офис. Коробок – надо полагать, с часами – обнаружилось всего несколько штук. Во всех комнатах было чисто убрано, вещи лежали на своих местах. Обстановка строгая и простая, лишь веселого цвета шторы ломали классический деловой стиль. На кухне царил образцовый порядок, а в ванне плавал хозяин квартиры – Андрей Томилин. Голый и мертвый.

* * *

Аленочкин не забыл протереть звонок, покидая страшную квартиру. Покойников он не то чтобы боялся. Просто как любой молодой и здоровый мужчина инстинктивно отгораживался от этого напоминания о тщете всего земного. Но если внутри его тела все еще бушевал адреналин, то разум уже работал холодно и четко: «Что это – самоубийство, несчастный случай, убийство? Как теперь выяснить, чем занимался покойный в библиотеке? И если его убили – то кто и за что?»

Всю обратную дорогу Аленочкин размышлял об этом, но ответов, естественно, не было. Дело принимало скверный оборот. Не скажи консультантша про Томилина, готовился бы он сейчас спокойно к поездке в Мексику и не думал ни о каком трупе. Нет, о трупе вообще лучше никому ничего не рассказывать. Подключишь пусть даже и своих спецов – утечка может произойти, а там, не дай бог, и обвинят в чем-нибудь. Нет, лучше забыть все как кошмарный сон.

И он постарался забыть.

Глава 2

Здравствуйте, я ваша тетя! Расследование начинается

На кнопку звонка давили так настойчиво, так безапелляционно, что сразу же приходила в голову мысль о чрезвычайной ситуации. Сильвестр поспешил к двери и припал к глазку, уверенный в том, что увидит с той стороны милицейский отряд или пожарную команду. Однако – ничего подобного. Прямо перед его носом возникло незнакомое женское лицо – круглое,

живое и дерзкое. Его обладательница выглядела лет на шестьдесят, и вид у нее был такой, словно она пришла биться не на жизнь, а на смерть.

Сильвестр помедлил, размышляя. Но как только визитерша снова потянулась к звонку, поспешно открыл. Она стояла в позе завоевателя, уперев руки в боки. На полу, возле ее ног, лежали две битком набитые спортивные сумки.

– Здрасьте, – вежливо сказал Сильвестр. – По-моему, вы ошиблись адресом.

Визитерша несколько мгновений смотрела на него снизу вверх – ростом она была с этажерку на колесиках. Одна ее бровь изогнулась, а глаза заискрились смехом.

– Да нет же! – воскликнула она. – Ничего я не ошиблась. Сильвестр, голубчик, как же я рада тебя видеть...

Незваная гостья раскинула руки, шагнула вперед и обняла хозяина квартиры поперек туловища. Хватка у нее оказалась железной. Даже одета она была не так, как подобает даме приятного пожилого возраста – в бриджи с многочисленными молниями, рубашку мужского покроя и кеды. Короткая стрижка довершала облик, делая ее похожей на участницу туристического похода. Возможно, прямо из похода она сюда и явилась. Кожура загара на ее лице казалась жесткой, а прямая линия спины наводила на мысль о веслах и горных перевалах.

– Извините великодушно, но что-то я не припоминаю, – сообщил Сильвестр ей в макушку и попытался вырваться. – Меня трогает ваша радость, но, честное слово...

– Я – тетя Вера! – провозгласила гостья, отстраняясь. Глаза у нее были задорными и горели восторгом собаки, отыскавшей заблудившегося хозяина.

У Сильвестра не было ни одной тети, о которой можно было бы позабыть. Поэтому он тотчас уточнил:

– Чья тетя?

– Андрюши Томилина. Ну-ка, напряги извилины, мой мальчик! Мы же провели вместе незабываемые каникулы!

– Боже мой...

Сильвестр немедленно вспомнил давнее прошлое, службу в армии, своего приятеля Томилина и его тетку, Веру Витальевну, которая вполне могла стать кошмаром человека, привыкшего к упорядоченной жизни. Вероятно, это она и есть. Хотя в те времена, о которых гостья только что напомнила, выглядела она совершенно по-другому.

– Может быть, все же пригласишь меня? – поинтересовалась Вера Витальевна. – Думаю, сумки лучше всего внести в квартиру.

Она бодро шагнула внутрь, потопталась на лежавшей у порога мокрой тряпке, скovyрнула с ног кеды и, оглядевшись по сторонам, непререкаемым тоном заявила:

– У тебя просто нечеловеческий порядок! В таких помещениях хочется ходить на цыпочках. На следующий день рождения придется подарить тебе напольную вазу или плюшевого медведя.

Сильвестр против воли представил, как тетя Вера располагается в его квартире и живет здесь припеваючи до его дня рождения.

– Почему ты нахмурился? Не любишь, когда что-нибудь мешает под ногами? Хорошо, остановимся на милых маленьких безделушках, которые можно расставить на книжных полках.

В этот самый момент дверь ванной комнаты распахнулась, и оттуда вышла симпатичная девушка в махровом халате, с полотенцем, обернутым вокруг головы.

– Ой, надо же! – немедленно воскликнула гостья и всплеснула руками, шагнув девушке навстречу. – Сильвестр, ты женился?! Какой умник! Нужно будет рассказать тебе о том, как сохранить брак на долгие годы. Я хочу, чтобы ты был счастлив!

Вере Витальевне чувствовалась энергия, которая наверняка могла бы обогатить ряды борцов за какое-нибудь справедливое дело. Перед столь напористыми дамами бледнеют офи-

цианты и теряют свой гонор работники жилищно-эксплуатационных контор. Девушка тоже растерялась.

– Здравствуйте, я Вера Витальевна! – широко улыбаясь, сообщила между тем гостя. – А вы?

– Майя.

Девушка позволила потрясти себя за руку, после чего, извинившись, нырнула в комнату.

– Это не жена, – пояснил Сильвестр, тяжело вздохнув.

Вздыхал он не потому, что сожалел о вышеизложенном факте. Просто-напросто предстояло в сотый раз объяснять новому человеку, что Майя Долинина не только не его жена, но даже не его девушка. Она – его помощница, обходиться без которой ему, увы, в настоящее время весьма тяжело.

– А зачем тебе помощница? – удивилась Вера Витальевна, выслушав его короткое заявление. – Ты что, сам не можешь справиться с хозяйством?

Сильвестру пришлось признаться, что он действительно не может справиться с хозяйством. Он болен. У него аллергия. Не какой-нибудь насморк, донимающий его в ту пору, когда летит тополиный пух. Кое-что посерьезней. Его организм обостренно реагирует на слишком многие вещи. На животных, на продукты, на бытовую химию и десятки других предметов. Это сильно затрудняет общение с внешним миром. Из-за своей болезни он ушел из армии и развелся с женой.

– Моя вторая половина не смогла смириться с произошедшим, – объяснил он.

– Жены уходят не потому, что перестают выносить тяготы семейной жизни, – тотчас возразила Вера Витальевна. – Они перестают выносить мужей. Вероятно, подхватив свою аллергию, ты стал несносным, голубчик.

Сильвестр криво ухмыльнулся. В глубине души он знал, что Вера Витальевна права, и это его сердило. Какого черта? Появляется почти чужой человек и так, между прочим, выдает собственное резюме, подводя черту под его жизнью.

Впрочем, долго обижаться на гостью не было никакой возможности. Она постоянно изрекала некие сентенции, и довольно быстро Сильвестр понял, что принимать их близко к сердцу все же не стоит. Он позволил Вере Витальевне осмотреть свой кабинет, после чего завел на кухню, усадил на табурет и, дружелюбно улыбаясь, задал сакраментальный вопрос:

– Так какими судьбами?..

О Томилине он ничего не слышал лет пять-шесть, если не больше. С какой стати тетка давнишнего приятеля вторглась на его территорию, Сильвестр мог лишь предполагать.

– Хорошо, что у тебя такое особенное имя, – вместо ответа сказала Вера Витальевна. – Сильвестров Бессоновых в Москве больше нет. То есть ты такой один, радуйся.

– Я радуюсь, – сдержанно ответил хозяин квартиры.

– Послушай, а кем ты работаешь?

Она придвинула к себе тарелку с печеньем и принялась азартно жевать, роняя на колени крошки и сахарную обсыпку. Сильвестр налил в чайник воды и достал с полки три чашки. Им наверняка предстоит разговор по душам. Да и печенье надо чем-то запивать.

– Я кинокритик, – ответил он, расставляя посуду на столе. – Сочиняю рецензии на художественные фильмы. Их публикуют газеты и журналы. Не слишком прибыльное дело, но я и этому рад.

Вера Витальевна замерла, не донеся очередной кусок до рта:

– Какая жалость! А я-то в глубине души надеялась, что ты прокурор или следователь. Андрюша рассказывал мне, как ты в свое время, когда еще полком командовал, мастерски распутал убийство начальника склада. Все думали, будто он повесился, а оказалось, что его прикончили торговцы оружием. Об этом все газеты писали. Ведь это правда?

– Правда, – вынужден был признать Сильвестр. – Но я не могу быть ни прокурором, ни сыщиком. Активная жизнь не для меня.

Вера Витальевна метнула в него испытующий взор, который вполне мог проткнуть насквозь любую защитную оболочку. Так, вероятно, она отправляла ножи в самый центр мишени, сидя у вздрагивающего костра где-нибудь в непроходимом карельском лесу. Сильвестр прикинул, как он выглядит со стороны. Выше среднего роста, с широкими плечами и гладкой физиономией. Подбородок тяжелый, как и положено сильным натурам. Глаза пронизательные и дерзкие. Внешность на все сто – ему не раз говорили об этом. Однако что толку? Пользоваться своим телом на полную катушку Сильвестр не мог, и это обстоятельство навсегда испортило его характер.

– Нет, я была уверена, что ты работаешь в органах! – не сдержала своего разочарования Вера Витальевна. – Ну да ладно. Тут главное мозги, а не запись в трудовой книжке.

– Где – тут? – спросил Сильвестр с подозрением.

– В нашем деле, – ответила его собеседница. И с чувством добавила: – Сильвестр, ты просто не можешь обмануть моих надежд.

Вера Витальевна стукнула ладонью по столу, и все, что лежало на нем, немедленно вздрогнуло.

– Смотря какие надежды вы на меня возлагаете, – дипломатично ответил тот. И сразу же спросил: – А что с Андреем?

Она вскинула на него глаза и сморщила нос:

– Так и знала, что ты не в курсе! В противном случае ты бы сам объявился, правда?

– Лучше не тяните. Говорите все как есть.

Сильвестр уже понял, что не услышит ничего хорошего. Вероятно, Томилин влип в криминальную историю и его в чем-то обвиняют. Может быть, даже посадили в тюрьму. Поэтому слова Веры Витальевны его по-настоящему ошарашили.

– Дело в том, – сказала она мрачно, – что Андрюши с нами больше нет. Он умер. Утонул в собственной ванне. К сожалению, его нашли слишком поздно. Он проглотил пару таблеток успокоительного, напустил воды и заснул. Ну... по крайней мере так говорят.

Сильвестр выпрямился и несколько мгновений молчал, переваривая услышанное.

– Знаете, я сожалею, – пробормотал он наконец и с силой провел рукой по собственному затылку, взъерошив волосы. – Какая чертова несправедливость...

– Несправедливость – это не то слово!

– У него была семья? Мы слишком давно не виделись. Мне сейчас трудно поддерживать отношения...

Расстроенный Сильвестр поднялся со своего места, сходил за чайником и поставил его на стол.

– А где заварка? – с подозрением спросила Вера Витальевна. – Если ты собираешься сунуть в мою чашку какую-нибудь фигню на веревочке, то я против. А что касается семьи, то – увы! У Андрюши с этим не ладилось, как и у тебя. То есть у него были женщины... Я нашла целую кучу фотокарточек с надписями и другие... хм... признаки того, что дамы присутствовали в его жизни. Однако жена от него тоже сбежала, причем давным-давно. Впрочем, она была той еще вертихвосткой!

Сильвестр принес заварочный чайник и поставил его на стол. Из носика потянулась вверх нежная струйка пара.

– Жасминовый? – спросила гостя с подозрением. – Жасминовый я не люблю. Такое впечатление, что пьешь какие-то духи. Или это не жасминовый?

Сильвестр заверил, что в чае нет никаких добавок. Тут как раз пришла Майя и подтвердила, что Сильвестру ни в коем случае нельзя употреблять чай с добавками, поэтому волноваться не о чем. Вере Витальевне девушка понравилась. Она была стройной и симпатичной. Но

самое главное – в ней чувствовалась косточка, придающая личности тот особый шарм, которого лишены многие писанные красавицы. Сразу обращали на себя внимание пытливые зеленые глаза и яркая родинка над верхней губой.

– Умер один мой друг, еще по армии, – ввел Сильвестр помощницу в курс дела. – Вера Витальевна – его родная тетя. Она разыскала меня, чтобы сообщить.

– Чушь собачья! – неожиданно перебила его гостья. – Я разыскала тебя совсем не для этого.

Она легла на стол грудью, а руки положила перед собой ладонями вниз. Вид у нее сделался мрачным.

– Серьезно? А я было подумал...

– Мне кажется, – она понизила голос, как будто кто-то посторонний мог их подслушать, – что моего племянника... убили.

– Убили? – переспросила Майя, тоже подавшись вперед. – Убили! Но как это случилось? Милиция что говорит?

– Милиция говорит, что Андрюша проглотил несколько успокоительных таблеток, запил их коньяком и решил понежиться в теплой водичке. Будто бы у него на теле нет никаких следов насилия. В квартире порядок. Поэтому следователи пришли к выводу, что налицо несчастный случай. Я, конечно, высмеяла их! Сказала этим... этим... все, что я о них думаю. «Покончил с собой!» Как бы не так. Андрюша любил жизнь до умоисступления.

Майя живо представила, как Вера Витальевна отбила следователя, и криво улыбнулась.

– Вот тут я и вспомнила про тебя, Сильвестр. Понимаю, вы дружили довольно давно, но все же Андрюша тебе не чужой, правда? Я подумала – ты не сможешь от меня отмахнуться.

Отмахнуться от этой женщины было бы в любом случае непросто.

– Если кого-то интересует мое мнение, то вы пришли по адресу, – заявила Майя и посмотрела на своего босса с вызовом.

Она искренне считала, что его мозги устроены особым образом: он умеет замечать детали и видит связь между явлениями и событиями, которая ускользает от простых смертных.

– Я и не собираюсь отмахиваться, – заметил Сильвестр, обращаясь к обеим женщинам сразу.

Майя наклонилась к Вере Витальевне и заговорщическим тоном сказала:

– Вы не волнуйтесь, Сильвестр Семенович уже помогал распутывать преступления. У нас есть знакомый оперативник...

– Алкоголик, – подсказал ее босс мрачно.

– Он иногда приходит за помощью, и Сильвестр Семенович всегда откликается.

– Еще бы. От твоего Половцева можно отвязаться, только пристрелив его.

– Он вовсе не «мой Половцев», – возмутилась Майя. – Если вам что-то такое пришло в голову...

– Конечно, пришло, – язвительно заметил Сильвестр. – Думаешь, старший лейтенант появляется здесь потому, что не справляется со своими прямыми обязанностями? Чушь собачья.

– Просто он понял, какой у вас потенциал!

– Он положил на тебя глаз, – безапелляционно заявил босс.

– Да что за ерунда! Он приходит к вам, а не ко мне! – воскликнула Майя. Тем не менее щеки ее заметно порозовели.

Вера Витальевна наблюдала за ними с неподдельным интересом.

– Если бы моей помощницей была старушка с морщинистой шеей, его бы и след простыл.

– Да он не появлялся здесь уже целых три месяца и четыре дня! – яростно сверкнув глазами, бросила Майя и тут же прикусила язык.

Сильвестр посмотрел на нее насмешливо.

– Знаете, что у меня в сумках? – неожиданно спросила Вера Витальевна, с лукавой улыбкой переводя взгляд с одного спорщика на другого.

Оба повернули головы и посмотрели на нее непонимающе.

– Ну, вы ведь заметили, что у меня с собой две сумки, – продолжала она. – Думаете, там пижама, шлепанцы и носки? Так вот, дудки! Там – моя коллекция. Я собираю ее уже пятнадцать лет. Я объездила всю страну в поисках экспонатов. Была за Уралом, на Алтае, в Крыму... Да где только не была! Облазила все пансионаты и дома отдыха, часами просиживала в кафе и залах ожидания аэропортов... Кстати, вокзалы и гостиницы – самые лучшие места для того, чтобы пополнять мою коллекцию новыми экспонатами!

Она вся лучилась гордостью. Закинула ногу на ногу и обвила коленку руками, демонстрируя позу победительницы.

– И что же вы собираете? – спросил Сильвестр с подозрением. – Пробки от бутылок?

Вера Витальевна ничуть не обиделась.

– Ха! Вы никогда не догадаетесь, ребятки. У меня уникальнейшая в мире коллекция. Я собираю... любовные письма.

– Вот это да! – восхитилась Майя и от неожиданности даже присвистнула. Потом схватила печенье и быстро съела. Спор с Сильвестром по поводу нежной привязанности к старшему лейтенанту Половцеву лишил ее сил.

– А зачем вам это? – спросил хозяин дома, глядя на нее с непониманием.

– Ну как – зачем? Зачем люди коллекционируют всякую дрянь? Перочинные ножи или фарфоровых лягушек? Для удовольствия, разумеется. Но у меня есть и высшая цель, – добавила она и собрала губы бантиком. Морщинки, таившиеся под коркой загара, мгновенно углубились, превратившись в темные разветвленные каналы. – Любовь – это добро. Собирая любовные письма, я концентрирую энергию добра. Она обладает мощным энергетическим зарядом, который влияет на мир вокруг нас.

Сильвестр с опаской покосился в сторону двери. В коридоре на полу лежали две тяжеленные спортивные сумки. Две бомбы, начиненные любовными письмами. По всему выходило, что держать их в квартире небезопасно. В любой момент они могут взорваться, обрушив на голову Сильвестра и Майи обломки сотен романтических историй, которые завалят все вокруг и погребут под собой их спокойную жизнь.

– И какими же способами вы добываете экспонаты для своей коллекции? – спросил он мрачно.

– Легальными, не беспокойся. – Вера Витальевна относилась к своему делу с серьезностью ребенка, строящего пирамиду из кубиков. – Я умею разговаривать людей, затронуть самые чувствительные струнки... И вот что я вам скажу, дорогие мои. Жизнь дается человеку для любви! В самом широком смысле этого слова. Для того, чтобы он насыщал эмоциями мир вокруг себя! Для того, чтобы создавал в своем мозгу положительные вибрации и таким образом позитивно влиял на всю биологию планеты.

Майя сделала большой глоток чая, против воли прикидывая, соответствует ли она столь высокому предназначению. Тотчас решила, что нет. Вот, например, вчера пенсионер Чепукин, живущий в соседней квартире, настроил ее на весьма агрессивный лад. Он постоянно выкидывал какие-то штуки, стараясь испортить настроение окружающим. Ненавидевший современную жизнь и нынешнее правительство, Чепукин редко высовывал нос из квартиры, однако ухитрялся быть у всех на виду. Не так давно он повадился выставлять мешки с мусором прямо на лестничную площадку. Мешки всегда были драными и оставляли за собой длинный шлейф овощной трухи, карандашных очисток и обглоданной кильки. Они, разумеется, отвратительно пахли, вызывая негодование жильцов и приходящей уборщицы. Кому-нибудь из добровольцев приходилось запихивать их в мусоропровод, а потом возвращаться домой для того, чтобы

вымывать руки. Зачастую этим «кем-то» была Майя. И она точно знала, что если ей удастся выманить Чепукина из квартиры, ее человеколюбию на время придется поджечь хвост.

– Вот поэтому, дорогая моя девочка, – обратилась к ней Вера Витальевна и даже настаивала на нее всезнающий указательный палец, – ты не должна стыдиться своей любви, даже если объектом ее является старший лейтенант-алкоголик.

Майя укоризненно посмотрела на Сильвестра.

– Ну, насчет алкоголика... Это я преувеличил, – вынужден был признать тот. – И в смысле любви... Здесь все довольно запутанно.

– Тогда надо взять – и распутать! – отрезала Вера Витальевна и тут же сама себя перебила: – Впрочем, мы уклонились от темы. Сильвестр, когда ты примешься за дело?

Она посмотрела на него светлым и беспощадным взглядом миссионера, готового рискнуть жизнью за идею.

– Вы всерьез решили, что я могу просто так, с бухты-барахты раскрыть убийство? – скучным голосом уточнил тот, осторожно поставив чашку на блюдце. Смотрел он прямо в эту самую чашку, хотя Вера Витальевна не сводила глаз с его высокого лба.

– У тебя есть способности к сыску, в прошлом ты их проявил, – настаивала она. – И вы с Андрюшей дружили. На его стеллаже стоит фотография в рамке, где вы сняты вместе... Собственно, именно поэтому я и вспомнила о тебе и том деле с начальником склада... Посмотрела на фотографию и подумала: «А почему бы не обратиться к Сильвестру?» Так что? Когда мы приступим? Когда отправимся в его квартиру?

– Туда, где он умер? – уточнила Майя с дрожью в голосе.

Дрожь в голосе была вполне оправданна. Все же – место убийства! Ванная, в которой лежало тело... Бр-р-р. Кроме того, она беспокоилась за Сильвестра. Всякий выезд из дому становился для него настоящим испытанием: за пределами квартиры его здоровье подвергалось опасности на каждом шагу.

– Андрюшино жилище в моем полном распоряжении, – кивнула Вера Витальевна. – Ключ здесь. – Она похлопала себя по карману рубашки. – Я ничего не трогала. Ни одной вещи не переложила с места на место. Все это время ночевала в гостинице. Сразу подумала, что ты захочешь осмотреться и своими глазами увидеть все то, что видели эти сыщики.

– Ладно, – сказал Сильвестр. – Я поеду с вами. Только давайте сначала поговорим. Вы ведь готовы ответить на мои вопросы?

Вероятно, он с самого начала принял решение заняться расследованием смерти друга, Майя просто не сразу это поняла. Лицо ее просветлело. Она считала, что босс незаслуженно прозябает в безвестности, просматривая сотни лент, большей частью бездарных или подражательных, и его огромный киношный опыт никогда не сможет помочь ему почувствовать себя по-настоящему востребованным. А вот расследование убийств... Это совсем другое дело. Такой путь личностного роста она одобряла всецело.

– Выходит, Андрей жил один? – уточнил Сильвестр, сложив ладони перед собой.

– Один как перст. Постоянно где-то мотался, насколько я знаю. Сто раз хотела приехать к нему погостить, а он все отнекивался: «Теть Вера, да я уезжаю на неделю. Теть Вер, да у меня командировка на все выходные!» В последний раз виделись полгода назад. Это же страшно даже подумать! А ведь я – его единственная родственница, между прочим.

– Чем он занимался?

Вера Витальевна сердито крикнула.

– На мой взгляд, он занимался совершенно дурацким делом. Был владельцем магазина – только такого... ненастоящего.

– В каком это смысле – ненастоящего?

– Он был владельцем интернет-магазина. Продавал часы через компьютер. Подделки под продукцию известных марок, задешево. Глупость, а не работа, правда? Вот раньше он зани-

мался очень понятным и вполне человеческим делом – служил завхозом в одном фонде, который поддерживает дружбу между русскими и латиноамериканцами. Получал зарплату, все как положено.

– Фонд дружбы с латиноамериканцами? Неужели у нас и такой есть? – пробормотала Майя.

– А потом там у них, в этом фонде, что-то случилось. – Вера Витальевна скорбно выпятила губу. – Неприятность какая-то. Андрюша как лицо материально ответственное оказался крайним, и его попросили написать заявление по собственному желанию. Он написал и – вот, пожалуйста, с головой ушел в этот самый Интернет. Разве подходящее занятие для здорового мужчины – сидеть целый день за компьютером?

– Да уж, у здоровых мужчин и работа должна быть... ого-го! – кисло подтвердил Сильвестр.

– Может быть, отправимся прямо сейчас? – с надеждой спросила Вера Витальевна. – В самом деле, зачем нам медлить?

Однако Майя погасила ее энтузиазм, непререкаемым тоном заявив:

– Сильвестру Семеновичу необходимо подготовиться. Экипироваться. Аллергия – она, знаете ли, не любит легкомысленного к себе отношения. В квартире вашего племянника наверняка пыльно, нам нужна маска... Впрочем, комплект специального снаряжения для срочных выездов у нас есть. Сильвестр Семенович?

Она посмотрела на босса с тревогой неопытной медсестры, которой предстояло сделать укол вредному больному.

– В квартире наверняка скопилась пыль, я мгновенно выйду из строя. Сначала – пропылесосить, потом – расследовать, – решил босс. – У нас есть приходящий уборщик, он справится с этой проблемой.

– Пылесосить?! – со священным ужасом переспросила Вера Витальевна. – А следы? А отпечатки? Все будет затоптано! Вы знаете, что делают уборщики, когда дорываются до квартиры? Они повсюду лазят и все хватают руками!

– Меня не интересуют отпечатки, – повел бровью Сильвестр. – Я концентрируюсь не на следах, а на личных впечатлениях.

– Ну, раз так... – пробормотала Вера Витальевна, – тогда – что ж... Зовите своего уборщика.

Однако было ясно, что она не верит в личные впечатления и переживает из-за наверняка пропущенных милицией следов, которые вскоре будут навсегда утрачены.

Кстати, гостя сообщила, что останется в квартире Сильвестра до тех пор, пока тот не раскроет тайну смерти ее племянника. В квартире Андрюши ей, разумеется, не по себе. А ее собственная расположена в Подмоскowie – слишком далеко, чтобы мотаться сюда за новостями. Сильвестр возражать не посмел. Тетя Вера решила, что ответ, конечно, положительный, и внесла сумки в маленькую комнату.

Глава 3

Человек проходит как хозяин. Запах детства и запах денег.

Загадочные зерна и смутные ощущения

Вся эта удивительная история, которая привела Вячеслава в Ленинку, началась с покупки шоколадной фабрики. Аленочкин отлично помнил тот день, когда принял судьбоносное решение. И как был озадачен этим решением его заместитель. Как он сказал ему после большого совещания, трагически понизив голос:

– Я просто не представляю, что этот актив добавит вашей небольшой многопрофильной империи. Меня лично гораздо больше волнует вопрос о нашем участии в финансировании строительства сети супермаркетов.

– Я тоже пока не представляю, – признался Аленочкин.

Оставшись в кабинете один, он развернулся в кресле и задумчиво смотрел на хмурое темное небо, обещающее если не грозу, то как минимум дождь. Господи, ну для чего ему эта кондитерская фабрика? Алчностью он не страдал, манией приобретательства – тоже. В делах всегда взвешенно подходил к любым решениям, особенно когда дело касалось приобретения непрофильных активов. Но в данном конкретном случае он вдруг засомневался. Почему? Может быть, в нем заговорил маленький мальчик, для которого слово «шоколад» – волшебное слово, пропуск в мир безотчетной радости и хорошего настроения? Нет, чушь собачья. Серьезный бизнесмен Аленочкин не позволил бы доминировать эмоциям при решении серьезных дел. Значит, он увидел здесь некую, пусть пока и слабенькую, перспективу. Покупка фабрики его не разорит, а выгодной она со временем будет в любом случае. Каждое дело может приносить прибыль, если его правильно организовать. И все, хватит об этом.

* * *

Как только Аленочкин вошел в цех, на него одновременно обрушились адский грохот работающих машин и пленительный аромат свежего шоколада. Этот запах неожиданно напомнил ему один эпизод из детства. Ему было лет восемь, родители повезли сына кататься на речном трамвайчике по Москве-реке. Он сохранил от той поездки лишь смутные воспоминания, но одно впечатление запало в память: волшебный запах шоколада, исходивший из недр кондитерской фабрики, которая расположилась на набережной. И вот много лет спустя он снова вдыхал этот аромат, все меньше жалея о покупке.

Изначально Аленочкин не планировал заходить в цеха, ему достаточно было переговорить с директором предприятия. Но он любил быть в курсе всего, что происходит в компании. Дотошность и внимание к деталям составляли основу стиля его работы, поэтому после беглого первичного знакомства с документами Вячеслав отправился осматривать новые владения.

Огромный зал был под завязку заполнен хитрыми механизмами, среди которых озабоченно сновали люди в белых халатах. Повинуясь их командам, шоколадная масса текла по трубам, прокручивалась, перемешивалась, растрясалась, охлаждалась, заполняла формы. Еще теплые плитки попадали в упаковочные аппараты, прятались в яркие бумажки и отправлялись дальше.

Аленочкин с хозяйским видом прошелся вдоль конвейера, по которому непрерывным потоком текли шоколадки. Главный технолог, сопровождавший его, ловко подхватил с ленты одну плитку, развернул и протянул Аленочкину:

– Не желаете продегустировать? Свежайший шоколад, такой можно попробовать только непосредственно на производстве.

– Почему бы и нет? – охотно согласился Аленочкин, большой любитель сладкого. Через минуту от шоколадки осталась только обертка – продукт был оценен по достоинству. Желая до конца вжиться в новую для него роль кондитера, Вячеслав изъявил желание поближе познакомиться с оборудованием цеха. Особенно его заинтересовала одна машина, из которой торчали трубки и шланги, а каркас был усыпан датчиками и переключателями. Технолог подвел нового владельца к лесенке, по которой Аленочкин вскарабкался наверх и стал с интересом наблюдать, как жидкий шоколад неторопливо вытекает из трубы и заполняет формы. Зрелище было впечатляющее и настолько аппетитное, что он едва не поддался соблазну зачерпнуть пальцем немножко сладкой массы. Поборов искушение, он поспешно спустился из шоколадного рая на грешную землю, и ознакомительная экскурсия продолжилась.

Из цеха они прошли в специальную лабораторию, где химики и биологи раскладывали на молекулы выпускаемые сладости. Именно от них зависело, сколько покупателей останется в живых после продажи очередной партии шоколадок. Поскольку работу местных спецов нельзя было увидеть невооруженным глазом, Аленочкин лишь мимоходом заглянул в какую-то комнату, где задумчивые люди сидели, склонившись над микроскопами. Вслед за своим провожатым он проследовал в главный зал. Молоденькие лаборантки как по команде оторвались от своих дел и повернулись в его сторону, и Аленочкин поприветствовал их кивком головы.

– А что у вас в этих шкафах? – обратился он к своему спутнику. Тот перехватил его взгляд и с готовностью ответил:

– Здесь хранятся образцы всех сортов какао, которые когда-либо закупала наша фабрика.

Три высоких стеллажа скорее напоминали витрину кофейного магазина, чем лабораторные шкафы. За стеклом выстроились ряды аккуратных баночек с зернами. На каждой банке наклеен ярлык, на котором написаны страна произрастания и название сорта. Технолог объяснил, что из разных какао-бобов получают множество разновидностей шоколада. Но крупные кондитерские концерны неустанно прочесывают тропические страны в поисках все новых сортов какао.

– Это еще зачем? – удивился Вячеслав. – Плюс-минус тот же шоколад.

– Не скажите, тут любая нечаянная находка может обернуться прорывом на рынке. Вкусовые оттенки, иное воздействие на организм – миллионы любителей сладкого в мире с удовольствием станут покупать что-нибудь необычное. Разрекламировать можно, продавать эксклюзивно...

Слушая собеседника, Аленочкин задумчиво крутил в руках банку африканского какао – ее специально для него достали из запертого стеллажа. Абстрактное до сих пор шоколадное производство постепенно становилось зримым и осязаемым.

Вдруг совершенно неожиданно у него возникло странное ощущение того, что нечто похожее с ним уже было. Что именно спровоцировало это ощущение – кондитерские запахи, баночки с какао, шоколадные обертки, кто-то из персонала, Аленочкин не понимал. «Дежавю, бывает», – уговаривал он себя. Однако уже точно знал – пока не поймет причины, не успокоится. Свойство натуры, тут уж ничего не поделаешь. Однако фабрику Вячеслав покинул, так ничего и не вспомнив.

* * *

В тот же вечер, сидя в своем кабинете, Аленочкин подводил итоги рабочего дня. Такова была одна из полезных привычек, выработанных за последние годы: сесть, расслабиться, спокойно все проанализировать.

Ритуал требовал расположиться почти горизонтально в удобном кожаном кресле, устроить ноги на краю большого рабочего стола, попросить секретаря принести чашку горячего чая и взять в руки деревянную фигурку неведомого божества. Искусно сделанный неизвестными умельцами деревянный идол, единственная память о погибшем школьном товарище, уже много лет обитал на его письменном столе.

И если кресло способствовало релаксации уставшего тела, чай бодрил и стимулировал мыслительный процесс, то фигурка помогала ему концентрироваться. Когда он перекачивал ее между ладоней, она издавала приятный монотонный шелестящий звук. Звук напоминал шуршание волн, набегающих на морской берег, и производил на Аленочкина почти гипнотическое воздействие. Кроме того, он считал ее своим талисманом, приносящим удачу и счастье.

Вот и сейчас он медленно потряхивал в руке приятную на ощупь деревянную фигурку, прикрыв глаза и пытаясь сосредоточиться на решении непростой проблемы инвестиций в угольную отрасль. Прежде чем погрузиться в расчеты, он попытался представить себе, как там, внутри деревянной фигурки, перекачиваются то ли камешки, то ли мелкий песок, образуя волшебные звуки морского прибоя...

И вот тут, совершенно неожиданно, его осенило. Почему камешки, какой песок?! Он же совершенно точно знал, что там, внутри. Ведь сразу после смерти Васи Юганова он тщательно исследовал оставленную другом странную деревянную фигурку. Обнаружил, что она разбирается на две неравные части, внутри полая, и заполнена... Ну конечно! Сложилась картинка, полдня не дававшая Аленочкину покоя и к угольной отрасли не имеющая никакого отношения. Вот оно, его «дежавю»! Сегодня он держал в руках банку с такими же зернами, какие были внутри его талисмана. Или очень похожими. Он открывал фигурку идола лишь один раз, боясь, что может сломать или испортить ее. Он не знал, как выглядят какао-бобы, и в тот раз просто не понял, что перед ним. А теперь – понял.

Осторожно, чтобы не повредить старинную вещь, Аленочкин повернул верхнюю часть деревянного туловища против часовой стрелки и аккуратно разъял фигурку на две части. Затем высыпал ее содержимое на предварительно расстеленный на столе лист бумаги.

Похоже было, что Вячеслав не ошибся – внутри находилась весьма приличная горсть зерен, очень похожих на те, которые ему сегодня демонстрировали на кондитерской фабрике.

Глава 4

Детство, отрочество и юность бизнесмена Аленочкина.

Загадка древнего божества. Этот сладкий, сладкий бизнес

Тогда еще школьник Слава Аленочкин учился в десятом классе самой обычной московской средней школы. Вообще Слава принадлежал к тому счастливому типу парней, которые успевают хорошо учиться, принимать участие в общественной жизни школы и посещать разнообразные секции. Все предметы – от математики и физики до литературы и английского языка

давались ему легко, поэтому проблемы с поступлением в вуз не предвиделось. Кроме того, Слава одинаково легко находил общий язык как с зубрилами-отличниками и маменькиными детками, так и с отчаянной дворовой шпаной. Причем в обеих средах пользовался неизменным и искренним уважением. У первых – за эрудицию, сообразительность и отличную успеваемость, у вторых – за решительность, умение кулаками отстаивать свою правоту и уникальную спортивность, позволявшую Славе быть лидером в любом виде состязаний, будь то футбол, хоккей или волейбол. Мальчики Славу ценили, девочки, разумеется, в него влюблялись.

Но несмотря на обилие приятелей и знакомых, друг у него был один. С Васей Югановым они познакомились, когда им было лет по десять. Незадолго до зимних каникул перед началом урока классная руководительница привела и представила классу худого смуглого и черноволосого паренька. Дружный коллектив, учившийся вместе уже четвертый год, оживился – новенький!

Свободных мест практически не было, поэтому Юганова временно посадили за парту рядом с Аленочкиным, сосед которого, Илюша Розенблат, был в это время болен. Болел Илюша долго, потом поехал лечиться в санаторий, а потом его и вовсе перевели в какую-то спецшколу. В общем, само собой получилось так, что место осталось за Югановым.

Подружились они сразу, вероятно, потому, что были очень непохожи. Заводной и открытый Слава источал энергию постоянно и в больших количествах. Молчаливый, немного замкнутый Вася словно копил в себе энергию для рывка. Но зато рывок этот был молниеносный и очень эффективный. Особенно сдружили их занятия в детско-юношеской футбольной школе «Динамо», куда они попали после очень придирчивого отбора. Через три года они имели устоявшуюся репутацию перспективных юных дарований, тренеры прочили им чемпионское будущее. Но в какой-то момент Славе наскучил футбол, и он там же, на «Динамо», перешел в школу самбо, решив попробовать свои силы на борцовском ковре. Юганов футболу не изменил, но дружба не прервалась, и они почти все свободное время по-прежнему проводили вместе: во дворе, у приятелей, дома у Славы. К себе домой Васька никого не приглашал да и сам старался при первой возможности улизнуть из квартиры. Аленочкин был единственным из ребят, кто знал причины такого поведения друга.

Отца Васька почти не помнил, знал о нем в основном по рассказам матери. Это был человек необычной судьбы, испанский мальчик, родители которого погибли, защищая Мадрид от наступающих войск франкистов. Его ребенком вывезли в СССР, и он воспитывался в детском доме, получив новые, русские, имя и фамилию.

Юганов-старший пропал, когда Ваське было четыре года. Ушел на работу – и не вернулся. Он был инженером в каком-то оборонном институте, поэтому его исчезновением занималась не только милиция, но и КГБ. Однако безрезультатно – человек как в воду канул.

Васькина мать, Наталья Сергеевна, после случившегося замкнулась в себе, сыном занималась мало, все искала утешения в работе. Потом стала выпивать, все больше и больше. Затем выхлопотала себе пенсию по инвалидности, и к тому времени, как ребята перешли в старшие классы, это уже была совершенно седая и спившаяся старуха, хотя ей было чуть за сорок.

Слава никогда не пытался разговаривать с приятелем о матери, но всегда старался отвлечь его от домашних проблем и помогал, если возникала необходимость. Они отвозили ее в больницы во время приступов, несколько раз разыскивали по всему району, так как Наталья Сергеевна вдруг исчезала из дома неизвестно куда.

В десятом классе пришлось задуматься, что делать дальше. Слава в принципе свой выбор сделал немного раньше – вот уже год он посещал курсы при МГУ, имея твердое намерение стать студентом географического факультета. Ему казалось, что так сбудутся мечты о путешествиях и приключениях, он объездит все страны, увидит древние города, загадочные племена, неизведанные земли.

Васька, казалось, ни о чем серьезно не помышлял. Когда заходили разговоры о том, что же делать после окончания школы, он шаблонно отвечал, что, наверное, пойдет в институт физкультуры, куда настойчиво рекомендовал поступать его футбольный тренер.

До выпускных экзаменов оставалось меньше месяца, когда в один прекрасный день после уроков Вася вдруг спросил:

– Слушай, ты не считаешь меня сумасшедшим?

– А ты с ума сошел? – усмехнулся Слава, но, увидев совершенно серьезные глаза друга, сменил тон: – Конечно, нет. Что с тобой? Что-то случилось?

– Случилось. Не поверишь, тут такое дело – вчера иду с тренировки. У подъезда толкуются мужики, трое. Лица странные – темные такие, очень загорелые. По виду – иностранцы, куртки клевые, с бахромой. Штаны кожаные. Как в этих фильмах про индейцев.

– С Гойко Митичем?

– Ага. Короче, иду мимо, а они ко мне – сначала руки протягивали, а потом на колени – раз, и встали.

– А ты?

– Что я? Стою, как идиот, не знаю, как быть. И главное – бабки тут же на лавочке сидят, глазуют, уже пальцами стали тыкать. Сейчас, думаю, они милицию вызовут. Я – в подъезд, а эти вскочили – и за мной. Короче, приперли они меня к двери квартиры. Думаю – все, дальше не пойду, пусть делают, что хотят. А они опять на колени, и один протягивает мне какую-то штуку деревянную. Я отталкиваю, а он мне снова сует. И говорит что-то, вроде по-русски, только плохо очень.

– Может, надо было милицию вызвать? – перебил Слава, с тревогой слушавший странный рассказ.

– Да они вроде мирные были, драться не лезли. И не пьяные.

– Ну а дальше что?

– Вот. Стал я прислушиваться, о чем он там лопочет. А он что-то вроде того говорил, что я единственный потомок какого-то вождя из Мексики, или племени. Что мои предки были вывезены в Испанию, а я теперь должен получить из их рук наследие и хранить его.

– Наследие? Сокровища? – оживился Слава, мигом представив вероятную перспективу поиска сокровищ.

– Какие сокровища?! Я только понял, что теперь должен всю жизнь хранить священный предмет, куда жрецы племени поместили зло.

– Чего поместили?

– Какое-то зло. Я ничего не понял.

– И что дальше?

– Они сунули мне в руку эту штуковину. Еще сказали, что я должен его оберегать.

– Кого оберегать?

– Зло. Или штуку эту. Говорю же – не понял, он еле-еле по-русски говорил. Что-то еще про чужаков, которые пришли на их земли и могут нарушить гармонию. Потребовали, чтобы я обещал. Я и обещал. А что оставалось делать? Потом сразу в квартиру – ведь страшно было, вдруг соседи выйдут?

Поздно вечером того же дня Васька пришел домой к другу и принес странный предмет, который ему оставили незнакомцы. Это была мастерски вырезанная из дерева фигурка, по всей видимости, какого-то божества. Внутри нее что-то гремело и перекатывалось.

– Погремушка! – вынес приговор Слава. – Давай посмотрим, что там такое внутри.

– Да ну ее к черту, – мрачно заметил Васька. – Мне же сказали, что там – зло. Его выпускать наружу нельзя.

– Да брось. Сказки какие-то!

Тем не менее в этот день ничего трогать ребята не стали, и Васька ушел, оставив неизвестное божество у друга. А на следующий день произошла трагедия.

Как рассказывал потом Славе их участковый, Наталья Сергеевна после очень долгого перерыва вдруг ночью решила закурить. И уснула с зажженной сигаретой. Пожарные не успели спасти ни ее, ни сына.

Деревянная фигурка неизвестного божества осталась у Славы как память о лучшем его друге.

* * *

Для полной уверенности Аленочкин уже на следующий день отправил несколько найденных им зерен в фабричную лабораторию на анализ. Хотелось убедиться, насколько он прав в своих предположениях. Не более того. Конечно, это была блажь – какао-бобы или нет, какая в принципе разница? Допустим, специалисты доложат ему, что это какао, сорт такой-то, растет там-то. А дальше что? Скорее всего, сорт растет там, где проживал тот умелец, что изготовил фигурку. Допустим, там жили и те похожие на индейцев гости, которые приезжали к его погибшему другу. И узнает Аленочкин, откуда вел свою родословную Вася Юганов, если только те люди говорили правду и не были сумасшедшими. Только вот Васе это уже все равно.

Через несколько дней на стол Аленочкина, за текучкой успевшего подзабыть эту историю, лег отчет специалистов. Занятый более важными делами, он отложил чтение документа на вечер, когда будет поспокойнее.

Но, прочитав отчет, не поверил своим глазам. Сделал это еще раз и молча уставился в пространство. Такого, честно говоря, новый владелец кондитерской фабрики не ожидал.

В бумаге, присланной ему заведующим лабораторией, говорилось, что на анализ были представлены именно какао-бобы. Установлено, что они обладают рядом уникальных свойств, которые позволяют выделить их в особый, официально не зарегистрированный сорт.

Но и это не главное. В какао-бобах, извлеченных из деревянного божества, обнаружены следы неидентифицированных веществ, способных, по всей вероятности, оказывать на человеческий организм воздействие, сходное с воздействием антидепрессантов.

Аленочкин захотел прояснить ситуацию и немедленно позвонил в лабораторию. Заведующий, лично занимавшийся конфиденциальным поручением, долго, путано и с ненужными подробностями принялся рассказывать ему о проведенных исследованиях.

Любящий конкретику Вячеслав прервал его на полуслове и попросил вкратце объяснить ему, каким именно действием обладают бобы этого нового сорта.

– Какао-бобы, – вежливо поправил его собеседник.

– Плевать. Пусть какао-бобы. В двух словах можете сказать?

– К сожалению, нет. Чтобы ответить на этот вопрос, нужны углубленные исследования. Возможностей нашей лаборатории здесь недостаточно, надо заказывать специальную экспертизу. Сорт действительно новый, мы с ним дела никогда не имели. Впрочем, такое редко, но случается – находят неизвестные сорта шоколадных деревьев. Но вот эта его непонятная составляющая... Лично я впервые такое встречаю. И в литературе ничего подобного не описано, нет научных статей на эту тему.

– Говорите, говорите, – поторопил его заинтригованный Аленочкин.

– Не факт, что и специальная экспертиза сможет идентифицировать найденные нами вещества. То, что я вам сказал, – мое частное мнение. Оно основано, конечно, на профессиональном опыте, но в большей степени – на профессиональной интуиции.

– А ваши коллеги? – осторожно спросил Аленочкин.

– Я не стал никого погружать в проблему. Тем более – это был ваш личный запрос, поэтому я сам составлял отчет, сам его вам отправил.

– Настоятельно вас прошу – пусть все это остается между нами. Договорились? Я пока не решил, как поступить. В любом случае будем считать, что это коммерческая тайна. Вы меня поняли?

– Разумеется. Вы можете не беспокоиться, я хочу продолжать руководить лабораторией.

– Вот и замечательно. Если все будет так, как мы договорились, вы будете и дальше ею руководить. Причем с гораздо большей зарплатой.

Глава 5

Независимое расследование: улики против эмоций.

Жил такой парень... Сильвестр делает выводы

– Пыль владеет городами, – заявила Вера Витальевна, поднимаясь по лестнице. – Я наблюдала, как этот ваш приходящий уборщик засасывал в пылесос целые клубки, лежавшие вдоль плинтуса. И откуда они только берутся в квартире, где уже никто не живет? Ужас. Поневолу помешаешься на влажной уборке и будешь по выходным вместо прогулок вдоль прудика вытряхивать ковры и стучать выбивалкой по подушкам. Сдвинешься на почве уборки, короче говоря.

Если это была шпилька в адрес Сильвестра, то он предпочел ее не заметить. Взгляд его обшаривал территорию и фиксировал подробности. Распахнутая деревянная дверь в подъезд, тесный лифт, скрежещущий где-то внутри дома, словно ржавое сердце, стены, окрашенные народной зеленой краской...

– Ключи у меня, – напомнила Майя.

Уборщик Степан, который провел ювелирную уборку в квартире Андрея Томилина, не сдвинув с места ни одной вещи, отрапортовал о проделанной работе сегодня утром. По всяким мелким признакам Майя догадалась, что босс волнуется. Все-таки квартира старого друга. И еще – место его гибели. А вот для постороннего глаза Сильвестр наверняка выглядит спокойным и собранным.

– До выключателей, я полагаю, можно смело дотрагиваться, – с легким раздражением констатировала Вера Витальевна.

Она с трудом переварила мысль о том, что так называемого сыщика не интересуют отпечатки пальцев, брызги слюны и обрезки ногтей, которые могли оставить в квартире матерые преступники.

В коридоре вспыхнул свет, и Вера Витальевна все тем же тоном продолжала:

– Снимать обувь, я думаю, тоже бессмысленно. Следов уж нет, а наши никого не озаботят. Честное слово – впервые слышу, чтобы на месте предполагаемого убийства перед началом расследования делали уборку... Кстати, пока не забыла. Этот ваш уборщик велел передать, что в коридоре прямо перед шкафом была рассыпана арахисовая шелуха. Он собрал ее и куда-то припрятал. Если что, готов отдать.

– Арахисовая шелуха? – удивленно переспросил Сильвестр.

– Ну, не та, жесткая, из которой добывают орехи. А такая тонкая, красненькая пленка. Когда арахис жарят, она становится ломкой и может замусорить все вокруг. Наверняка ты в курсе.

– Спасибо, что сказали. Надеюсь, это пригодится.

– Пригодится?! Если тебе, милый мальчик, удастся что-нибудь отыскать, я буду считать тебя гением. Впрочем, ты, может быть, действительно гений. Иначе не давал бы мне ложной надежды. Ложная надежда – это меч, которым срубают голову всякой мечте.

Судя по всему, Вера Витальевна была наспигована цитатами, выуженными из любовных писем. Теперь она растрчивала богатство, копившееся годами, поражая окружающих неожиданными метафорами.

– У Андрея простая обстановка, хотя он говорил, что поддельные часы приносят ему хорошие деньги. Не думаю, что ему хватило бы на яхту, но зато он не экономил на мелочах. Ни разу не видела на нем старых носков. Или носок... Не знаю, как правильно... Впрочем, это неважно!

Не обращая на ее болтовню никакого внимания, Сильвестр замер в центре коридора. Со стороны казалось, что он окидывает обстановку рассеянным взглядом. Но это наверняка было не так. Вот он подошел к шкафу для одежды и распахнул дверцы.

– Почему, интересно, верхняя полка пустая? – вслух подумал он. – Обычно наверху все бывает забито каким-нибудь хламом.

– У меня под потолком сложены старые пледы и подушки, – поделилась Вера Витальевна не подходящим к случаю хвастливым тоном.

– Вот-вот, и я про то же, – пробормотал Сильвестр.

Поднял телефонный аппарат, стоявший на тумбочке перед зеркалом, и проверил, не спряталась ли под ним какая-нибудь записка. Выдвинул один за другим все имевшиеся в наличии ящики, пробежал глазами чеки и счета, найденные внутри. Покатал в пальцах болт, обнаруженный на обувной полке, прикидывая, откуда он мог взяться.

Из коридора переместился в гостиную. Женщины следовали за ним, словно две любопытные птицы – глаза у обеих были круглыми, блестящими, нацеленными на поживу.

– У Андрюши почти такой же порядок, как у тебя, – сообщила Вера Витальевна. – В доме нет ни одного милого уголка, где можно расслабиться! Чтобы лежала смятая подушка, валялись тапочки и все такое... Что поделаешь? Молодость, проведенная в казарме, стерилизует ту часть мозга, которая отвечает за уют. В конце концов, воин не создан для того, чтобы думать об интерьере...

Она тарахтела без умолку, вертелась под ногами и то и дело заглядывала Сильвестру под локоть. В дальних странствиях тете Вере часами приходилось выслушивать чужие истории, и теперь она брала реванш. Через некоторое время Майя просто перестала вникать в ее слова, которые лились нескончаемым потоком, пересыпаемые парадоксальными заявлениями типа: «Однотонные шторы провоцируют приступы меланхолии», «Маленьких собачек заводят люди, которые в прошлой жизни были китайцами», «Главное оружие женщины – маникюрные ножницы» и «Тот, кто ест редьку, делает жизнь микробов в организме невыносимой».

Притормаживала она только тогда, когда Сильвестр задавал ей вопросы. Разумеется, первым делом он отправился в ванную комнату.

– Здесь было сухо?

– То есть абсолютно, – заверила она. – Милиция искала влажные полотенца или половую тряпку, пропитанную водой, но ничего не обнаружила. Впрочем, если убийца вытер пол, тряпку он мог выбросить по дороге.

– Где лежали таблетки?

– На подоконнике возле пепельницы. Облатка была почти полной, значит, он не собирался кончать с собой. Иначе проглотил бы целую пригоршню успокоительного. Рюмка стояла тут же, он устроил ее на салфетку. Он вообще не любил, когда на мебели оставались следы от посуды. Бутылка обнаружилась в баре. Вполне в его духе – налил, закрутил пробку, поставил на место. Если бы он был расстроен, то забыл бы об аккуратности, верно? Хотя... Она была у него в крови, так что – кто знает?

В маленькой комнате, служившей спальней и кабинетом одновременно, Сильвестр вел себя гораздо менее сдержанно. Он поднял ковер, снял абажур с торшера, стащил с постели покрывало, поснимал со стен фотографии и проверил каждую рамку. Потом раскачал пальцами шурупы, на которых висели снимки, постучал по стене.

– Руки бы обломать тому, кто обои наклеивал, – вставила свой комментарий Вера Витальевна. – Узоры не совпали, и вот здесь край неровный, как будто его обглодали клопы.

Ту фотографию, которая стояла на стеллаже и спровоцировала Веру Витальевну обратиться к нему за помощью, Сильвестр проверил весьма тщательно. Однако ничего особенного не обнаружил.

Первые четверть часа Майя следила за Сильвестром с жадным любопытством. Но поскольку он никак не комментировал своих действий и не высказывал мыслей вслух, она вскоре скисла и заскучала. И встрепенулась лишь тогда, когда босс неожиданно громко чихнул и заметил:

– В комнате определенно есть какая-то гадость.

– Гадость? – вскинула брови Вера Витальевна. – Это вряд ли. Мусор был тщательно просеян и рассортирован по пакетам. И вы эти пакеты осмотрели. А ваш уборщик уничтожил все заваливавшиеся под стульями крошки... О! Это страшный человек. Если бы я не знала, чем он занимается, то решила бы, что он профессиональный убийца – такой у него пронзительный взгляд.

– Кажется, это здесь, – не слушая ее, пробормотал Сильвестр и приблизился к платяному шкафу. – Как раз хотел его осмотреть.

Распахнув дверцы, он очутился лицом к лицу с аккуратно развешенными рубашками и костюмами. На многочисленных полках ровными стопками были сложены свитера и футболки.

– Фу, точно, гадость находится поблизости. Ну-ка, помоги мне.

Майя уже знала, что нужно делать. На выезды она всегда собирала большую сумку со всякими причиндалами, которые могли понадобиться им вне дома. В том числе там имелись герметичные пластиковые пакеты, куда можно было засунуть опасную вещь, угрожающую здоровью Сильвестра.

Тот уже извлек откуда-то из недр шкафа искомую футболку и, держа ее двумя пальцами, быстро перебрал помощнице. Она поймала и, прежде чем убрать с глаз долой, развернула, отодвинув подальше от себя.

– Фотография, – пояснил Сильвестр. – Снимок, переведенный на ткань. Наверное, левые красители – у меня в носу настоящий муравейник.

– Здесь как раз Андрюша и его школьные друзья – Мережкин и Василенко, – всхлипнула Вера Витальевна, кивнув на фотографию, довольно четкую, к слову сказать. – Столько лет – не разлей вода. Им бы еще дружить и дружить... – Она подцепила непрошеную слезу кончиком ногтя.

На снимке, кроме Андрея Томилина, который показался Майе похожим на молодого Жана Габена, были изображены еще двое мужчин. Маленький, в кепке, держал над головой какую-то вещь вроде кубка и потрясал ею в воздухе. Второй, повыше и покрепче, салютовал бутылкой вина. У него были широкие плечи и смутная ускользающая улыбка. Сам Томилин с яркими глазами, явно украденными у знаменитого француза, шутовски демонстрировал батон копченой колбасы. Вероятно, это была какая-то вечеринка, где друзья весело позировали фотографу.

– Поверни футболку ко мне лицом, – потребовал Сильвестр. Майя подчинилась, но не успела даже толком расправить ткань, как он приказал: – А теперь поскорее засунь в пакет. Гадость – она и есть гадость.

– По-моему, так совсем ничем не пахнет, – пожала плечами Вера Витальевна. – Впрочем, не буду спорить с вашим носом. Когда от остроты нюха зависит жизнь, поневоле начнешь проворно шевелить ноздрями.

Когда футболка была надежно запакована, Сильвестр вновь обернулся к шкафу.

– Андрей все свои вещи сдавал в чистку?

– Полагаю, да, – откликнулась Вера Витальевна. – Девушка, с которой он в последнее время крутил роман, не годится для того, чтобы следить за чем-то, кроме собственной внешности. Ну, знаете, короткая юбка, голый пупок, нечеловеческий бюст – лица и не разглядеть. Зовут ее Лида. Она приходила на похороны, выражала соболезнование. Была в темных очках. И все время двигала челюстями. Надеюсь, это был тик, а не жевательная резинка.

– Хотелось бы мне кое о чем спросить эту самую Лиду, – сказал Сильвестр. – Вы знаете, как с ней связаться?

– А о чем спросить? – тотчас насторожилась Вера Витальевна. – Ты заметил что-то особенное?

– Вы же ничего не уносили из квартиры? – продолжал тот, не обращая внимания на ее тон.

– Не-е-ет. Ни единой пуговицы. Что же я – дуручка совсем?

– Видите, – Сильвестр отступил в сторону, – эта одежда явно только что из чистки. Она надета на проволоочные вешалки, и на каждой вещи сверху – прозрачный пакет. А вот на этих трех рубашках от пакетов остались только огрызки.

Майя вытянула шею. В самом деле – вокруг металлических вешалок торчали неровные куски полиэтилена.

– Кто-то оборвал пакеты, – констатировала она.

– Возможно, Андрюша выбирал рубашку и просто избавился от них. Выбросил в мусорное ведро, – предположила Вера Витальевна.

– Майя, – тотчас приказал Сильвестр. – Подойди сюда. Предположим, ты решила надеть чистую одежду. Как ты это сделаешь? Давай. Смелее!

Его помощница молча приблизилась к шкафу.

– Будь естественной. Представь, что это твой собственный гардероб.

Майя протянула руку, сняла одну из вешалок, вытащила из шкафа и, держа ее в одной руке, довольно ловко сняла пакет, подцепив его снизу.

Пакет остался целым и приятно зашелестел, опадая на пол.

– А теперь попробуй сорвать его грубо, чтобы остались куски, как здесь.

Сильвестр подал ей следующую вешалку и отступил назад, сложив руки перед грудью и приготовившись к роли зрителя.

Представление длилось всего несколько секунд. Майя резко рванула пакет в сторону, мягкая пленка потянулась, но не порвалась. Только с третьей попытки девушке удалось справиться с ней. Пленка уступила, оставив за собой длинный рваный хвост, свесившийся с воротника рубашки.

– Видели? – торжествующе обратился к Вере Витальевне Сильвестр. – Расправляться с пакетами подобным образом чертовски неудобно. Полиэтилен трудно разрывать, зато он довольно легко соскальзывает с вешалки, если обращаться с ним нежно.

– И о чем это говорит? – спросила та, насупившись. Роль недогадливой помощницы детектива ей не нравилась.

– Как – о чем? О том, что пакеты срывали в спешке. Не думая о том, удобно это или нет.

– Возможно, Лида собирала свои пожитки. Если они, например, поссорились с Андрюшей. Или пакеты ей потребовались для чего-то еще. Мой племянник славился своей аккуратностью. Он никогда не оставил бы эти клочья в своем шкафу.

– Возможно, к тому времени он был уже мертв, – возразил Сильвестр.

Однако Лида о пакетах ничего не знала. Это выяснилось довольно быстро. Когда Вера Витальевна позвонила ей и рассказала, что находится сейчас в квартире Андрея вместе с... хм... ну... частным сыщиком, та выразила желание с ним переговорить. Работала она мастером в соседней парикмахерской, и Томилин наверняка приходил к ней делать стрижку. Она брала его голову своими ловкими руками, и он таял от нежных прикосновений. Сильвестр всегда считал, что парикмахер может вить из вас веревки, а вы лишь покоряетесь его воле.

– У меня как раз обед, – торопливо сообщила Лида. – Я скоро буду.

Сильвестр двумя руками проголосовал за встречу с девушкой погибшего друга. Ему было важно задать ей несколько вопросов. Несмотря на то что Вера Витальевна поддерживала с племянником довольно тесные отношения, все же жила она отдельно и о многих вещах могла просто не знать или неверно их истолковывать.

– Мне нужно позвонить, – неожиданно заявил Сильвестр. – В прачечную.

В руках он держал квитанцию и, сверяясь по ней, набрал номер телефона. Майя и Вера Витальевна молча слушали его разговор. Дело оказалось минутным. Сильвестр желал знать, сдавал ли заказчик номер такой-то в недавнем времени белье для стирки.

– Жена уехала в отпуск, – виновато заметил он. – И не сказала, нужно ли забирать...

Оказалось, забирать ничего не нужно. Нового заказа от клиента под указанным номером не поступало.

– Хм, – задумчиво пробормотал Сильвестр, повесив трубку. – Пакеты из чистки и отсутствующее белье в прачечной...

– Не понимаю я, какое значение имеют эти самые пакеты, – проворчала Вера Витальевна. – Ну допустим, с вешалок их сорвал убийца. И что из этого? Пакетов в мусорном ведре нет, следов нет, так что нам за дело до того, каким способом их извлекали из шкафа?!

Когда ей что-то не нравилось, вид у нее становился брезгливым, как у кошки, которую заставляют служить за кусок сосиски.

Говоря по правде, Майя тоже не могла сообразить, чем могут помочь в расследовании обрывки пакетов из химчистки. Не совладав с любопытством, она спросила:

– Они имеют большое значение?

– Сами по себе нет, – неохотно пояснил босс. – Если бы не простыня. Смотрите, – предложил он, направляясь к кровати. – Постель застелена странно. На пододеяльнике и обеих подушках белое белье в желтый цветочек. А простыня синяя, явно от другого комплекта. Простыни же в желтый цветочек нигде нет – ни в стопках из прачечной, ни в самой прачечной, ни в корзине с грязным бельем, я проверил. Ее вообще нет в доме. Понимаете?

Его спутницы по очереди кивнули. Некоторое время в комнате царила тишина, нарушаемая лишь шагами Сильвестра, который расхаживал взад и вперед, глядя себе под ноги.

– Возможно, Андрей пил в постели какао и пролил жидкость на простыню, – наконец высказала робкое предположение Вера Витальевна. – Ну, или вино – от него тоже остаются безобразные пятна.

– Пролил вино на простыню и сразу выбросил испачканную вещь? – с сомнением спросил Сильвестр. – Если сдаешь белье в прачечную, почему бы и эту простыню тоже не сдать? Вдруг пятно отойдет?

– А что, если он прожег ее сигаретой? Мужчины обожают курить в постели, – авторитетным тоном заявила Майя.

– Полагаю, эту ценную информацию ты почерпнула не из личного опыта, а из фильмов с Бельмондо, – заметил Сильвестр, почесав бровь. – Ерунда все это. Сдается мне, дело совсем в другом. – Он подошел к окну и проверил, как открываются и закрываются жалюзи, пробормотав: – Простыня от другого комплекта и сорванные с вешалок пакеты...

– Дались ему эти пакеты, – шепотом сказала Вера Витальевна, приблизившись к Майе. – Не вижу никакой логики.

Она привыкла докапываться до сути вещей и, когда чего-нибудь не понимала, против воли начинала раздражаться. Уже было открыла рот для того, чтобы высказать очередное ценное замечание, когда раздался звонок.

Вера Витальевна немедленно устремилась к двери, подобно курице, привлеченной горстью пшена.

– Это Лида! – крикнула она на ходу. – Сейчас вы сами все поймете!

Какие выводы они должны были сделать, встретившись с Лидой лицом к лицу, было не очень понятно. Вероятно, Вера Витальевна имела в виду, что эта женщина ну никак не подходила ее обожаемому племяннику.

Лида оказалась невысокой женщиной с томными глазами. Рыжие волосы, небрежно заколотые на макушке, открывали высокие скулы и крепкую шею. Ногти на руках и ногах были покрыты ярко-красным лаком. Между джинсами и короткой майкой виднелась загорелая полоска тела с блестящей висюлькой на пупке. Разговаривала Лида хриплым тягучим голосом и бросала на Сильвестра долгие взгляды, что задевало не только его помощницу, но и Веру Витальевну.

– Интересно, о чем думает человек, когда ему протыкают пупок? – шепотом спросила она, наклонившись к Майе.

Та непроизвольно потеряла собственный живот. Она всегда с подозрением относилась к женщинам, которые выставляли напоказ свою сексуальность. Ей казалось это нечестной игрой. Такие женщины, конечно, имели право на существование, но лишь в фильмах, которые ее босс смотрел десятками. Именно там была их стихия, их законное место.

После того как Вера Витальевна познакомила присутствующих друг с другом, Лида немедленно сосредоточила свое внимание на единственном представителе сильного пола.

– Неужели Андрея действительно убили? – спросила она, устроившись на стуле с высокой спинкой.

Остальные тоже сели, исключая Сильвестра, который остался на ногах. Он отошел к окну и встал к нему спиной, скрестив руки на груди. Взгляд его время от времени убегал от женщин, продолжая путешествовать по комнате.

– Убили? Не могу сказать ничего определенного, – почти равнодушно ответил он, пожав плечами.

– Но зачем тогда вы пришли сюда? Зачем продолжаете... упорствовать? – удивилась Лида и вопросительно поглядела на Веру Витальевну.

В сущности, она верно определила эпицентр этого упорства. Эпицентр сидел смирно, скрестив ножки в кедрах, шнурки которых были завязаны целомудренными бантиками. Лицо у него было вредным.

– Решили убедиться в том, что это несчастный случай, – спокойно продолжал Сильвестр. – А вы разве не хотели ничем со мной поделиться? Что-то рассказать?

– Я? Да нет, я не знаю, что рассказывать. В тот день я вообще уезжала из города. У меня даже алиби проверяли – так было неприятно...

– Но вот только что, когда вы узнали, что в квартире Андрея находится частный детектив, то немедленно загорелись прийти, – не отставал Сильвестр.

Лида открыла и закрыла рот, явно медля с ответом.

– Просто мне хотелось узнать, что вы тут нашли, – наконец сказала она. – Вдруг обнаружили что-нибудь такое...

– Мы обнаружили, что из квартиры пропала простыня! – неожиданно заявила Вера Витальевна мрачным тоном. – Хорошая прочная простыня в желтый цветочек. Спрашивается – где она?

– Простыня в желтый цветочек? – изумленно повторила за ней Лида.

– Вот именно. Все комплекты постельного белья – целые. И только одной простыни недостает. Как-то это подозрительно... Если ее прожгли сигаретой, так и скажите!

– Я ничего не прожигала, – возмущенно отозвалась Лида, глядя на Веру Витальевну с неудовольствием. – И ничего из этой квартиры не выносила. Если вы намекаете...

– Зачем мне намекать? Я просто спрашиваю, нет ли у вас дома нашей простыни, – продолжала наступать та.

– Да у меня даже ключей от квартиры Андрея никогда не было! Мы любили друг друга, но Андрей ни разу не предлагал жить одним домом.

– При осмотре я не заметил ничего женского, – заметил Сильвестр безо всякого выражения.

– Я не оставляла в квартире Андрея даже мелочей, – надменно ответила Лида. – Не чувствовала себя хозяйкой.

– Хозяйка хозяйке рознь, – вставила Вера Витальевна. – Одной, для того чтобы чистоту навести, нужен пылесос последней модели, а другой и веника хватает.

– Вы упрекаете меня в том, что Андрею было со мной плохо? – Лида задохнулась от нахлынувших чувств.

– По-моему, здесь довольно чисто, – поспешно сказала Майя, решив, что ссора ни к чему хорошему не приведет.

Однако остановить Веру Витальевну оказалось не так-то просто.

– Не верю я в это, – снова встряла она. – Ни одной личной вещи? Какой-никакой халат, мягкие тапочки, фен... Быть того не может, чтоб в чем пришла, в том ушла! Не по-человечески это.

– Полагаю, вы забрали все свои мелочи, когда поссорились с Андреем, – заметил Сильвестр.

Он говорил мягко, но смотрел при этом таким пронизательным взглядом, что Лида против воли разволновалась. Щеки ее вспыхнули, и она нервно поправила юбку, проведя двумя руками по бедрам.

– А-а! Так вы с Андрюшей все-таки ссорились! – воскликнула Вера Витальевна с таким азартом, как будто билась об заклад и неожиданно выиграла. – Я так и думала.

– Мы не ссорились!

– Не выдумывайте, – непререкаемым тоном заметил Сильвестр. – Вы разругались в дым. В спешке собирали свои пожитки. Нервничали, кричали.

– Наверняка простыня так и уплыла, – поддакнула Вера Витальевна. – Хватала все что ни попадя...

– Вам могли понадобиться пакеты. Вы брали из шкафа пакеты?

– Там следы остались, – злорадно заметила Вера Витальевна. – Ключья полиэтилена. На них наверняка найдутся отпечатки пальцев!

Майя ждала, что Лида просто не выдержит и разразится гневной тирадой. Или вообще выскочит из квартиры, хлопнув дверью. Однако та и не подумала сбегать.

– Ключья полиэтилена? – удивленно переспросила она. – Отпечатки пальцев? Я вообще не понимаю, о чем вы говорите.

– Пойдемте, – приказал Сильвестр, широко махнув рукой.

Лида послушно встала и отправилась вслед за ним в маленькую комнату. Вера Витальевна хвостом увязалась за ними. Майя тоже пошла – не сидеть же одной на диване как бедной родственнице. Сильвестр приблизился к шкафу и распахнул дверцы, после чего продемонстрировал Лиде рубашки со следами оборванной пленки.

– Вам могла понадобиться тара для того, чтобы уложить свои вещи, – пояснил он. – Вероятно, вы сорвали упаковку с этих рубашек – просто чтобы не тратить время. Это так?

– Нет, не так! – воскликнула Лида. Она вытянулась в струнку и выглядела теперь весьма воинственно. – Ну, допустим, кое-что в этом доме действительно принадлежало мне... В шкафу стоял чемоданчик, в который я сложила вещи. Не понимаю, как вы узнали. Я не хотела, чтобы вы думали, будто я отсюда что-то взяла.

– Господи, почему бы сразу не сказать? – удивился Сильвестр.

– Потому что она унесла простыню, – тотчас высказала свое мнение Вера Витальевна.

Лида обернулась к ней и резко бросила:

– Да зачем мне постельное белье?! У меня своего полно. В самом-то деле! И пакеты с вешалок я не срывала. Все в чемоданчик поместилось.

– А в коридоре были ваши вещи? – Сильвестр неожиданно вспомнил о пустой полке. – Были?

– Только летний плащ. Он висел на вешалке. Больше я ничего из квартиры не выносила. Клянусь.

– И как давно это было? – нахмурился Сильвестр. – Когда вы поссорились?

– За неделю до того, как... За неделю до Андрюшиной смерти.

– По вашему мнению, он мог свести счеты с жизнью?

– Никогда! – выпалила Вера Витальевна, сделав шаг вперед и ударив себя кулаком в грудь. – Он любил жизнь и всяческие излишества. А человек, любящий излишества, добровольно ни за что от них не откажется.

– Я Лиду спрашиваю, – едва заметно улыбнулся Сильвестр, а Майя завела глаза к потолку. На его месте она уже давно дала бы тете Вере по башке.

– Нет, Андрей не специально это сделал, – энергично помотала головой Лида, и ее волосы взметнулись рыжим костром. – Наверное, заснул в теплой воде. Если думаете, что он из-за меня переживал, то зря. Мы несколько раз после ссоры разговаривали по телефону – вполне мирно. Ничего душераздирающего. И он не хотел, чтобы я вернулась. А я тоже не очень-то хотела!

– Это почему же? – с недоверием спросила Вера Витальевна. – Может быть, на горизонте уже другой замаячил?

Сказав это, она внезапно вся подобралась, глаза ее загорелись фанатичным огнем, и она схватила Сильвестра за рукав.

– Точно! Новый ухажер мог ревновать. Это ж надо же, как я не подумала раньше? Вот вам и подозреваемый! Что это за тип? – обернулась она к Лиде и сдвинула брови так, будто та уже находилась на скамье подсудимых.

– Боже мой, оставьте человека в покое! – простонала Лида и сжала пальцами виски, как это делают актрисы в мелодрамах, показывая, что находятся на грани срыва. – Его милиция допрашивала! Он уважаемый человек, профессор...

– Какой у него рост, у вашего профессора? – тотчас спросил Сильвестр, явно заинтересовавшись новым персонажем.

Майя только головой покачала. С ее точки зрения, никакой логики в вопросах, занимавших ее босса, не было. Вот и старший лейтенант Половцев тоже обычно поражался логике Сильвестра. Половцев, которого она так давно не видела...

Лида тем временем отняла руки от лица и неожиданно застенчиво ответила:

– Рост профессора? Метр шестьдесят семь. Он на два сантиметра выше меня, а что? Разве это важно?

– Возможно, и нет, – задумчиво ответил Сильвестр. – А возможно, и да. Я пока не решил.

– Можно, я пойду? – спросила Лида, нервно поведя плечами, и посмотрела на него снизу вверх. Никакого кокетства в ее взгляде уже не было и в помине.

– Идите, – разрешил он. – Если что, я вам позвоню. Или вот Майя...

– А вы простыню точно не забирали? – уточнила Вера Витальевна, отправляясь провожать Лиду до двери. – Я это спрашиваю не в смысле за руку схватить, а для порядка, чтобы мы попусту не искали.

– У меня нет простыни!!!

– Вы могли случайно прихватить. Может, заворачивали в нее свои платья, нельзя же исключать такой момент...

– Господи, какая же вы зануда! – выпалила невидимая уже Лида где-то в глубине коридора.

– Ведь вы наверняка утащили из Андрюшиной квартиры что-нибудь себе на память. Вы кажетесь такой жадной, Лида!

Майя и Сильвестр озадаченно посмотрели друг на друга.

– Вероятно, набивать сумки любовными письмами гораздо легче, чем любить людей, так сказать, непосредственно, – заметил Сильвестр. – Блестящие теоретики поголовно терпят фиаско, когда дело доходит до реальной жизни. Вот и тетя Вера туда же.

Тетя Вера возвратилась обратно вполне довольная собой.

– Как вы узнали? – спросила она Сильвестра, потирая руки.

– Узнал – что?

– Что они поссорились и Лида собрала манатки?

– Я всего лишь предположил. Я видел сотни фильмов и сотни сцен расставания. Обычно мужчина выходит из дому, сжимая в зубах сигарету. Женщина либо убегает босиком по снегу, либо, завывая, как корабельный ревун, укладывает пожитки. В пакете с мусором я нашел целых три сломанных ногтя. Для женщины, которая следит за своими руками – а она следит, я сразу заметил! – Лида что-то слишком разошлась. Вопрос: каким образом женщина может переломать ногти? Ответ: она не в себе, она торопится, ей в данный момент не до красоты. Она хватается вещи, не задумываясь о том, что может испортить маникюр.

– Вон оно что...

– А милиция разве не видела обломки ногтей в мусоре? – с недоверием спросила Майя.

– Наверняка видела, – пожал плечами босс. – Ну и что из того? Если бы на теле Андрея нашли царапины, тогда другое дело. А так... Кого это могло заинтересовать, подумай сама?

– А какое значение имеет рост профессора? – продолжала упорствовать Майя. – Вот вы даже фамилии его не спросили...

– Зачем мне его фамилия? Я с ним детей крестить не собираюсь. Меня интересует картина, так сказать, в целом. Пока что я рисую ее крупными мазками...

– Эта Лида мне не понравилась! – внезапно сообщила Вера Витальевна, заложив руки за спину и пожевывая нижнюю губу. – Женщины, которые ставят в шкаф любимого мужчины чемоданчик на всякий случай...

– Я хочу увидеть фотографию, – неожиданно заявил Сильвестр.

Вера Витальевна, готовившаяся изречь очередную сентенцию, замолчала на полуслове.

– Какую фотографию? – изумленно спросила она.

И Майя тоже удивилась вслед за ней:

– Какую фотографию?

– Ту, которую использовали для изготовления футболки. Майя, поищи ее. Вера Витальевна, вы знаете, где Андрей хранил свои архивы?

– Ну... да. В книжном шкафу, внизу. На каждый год по отдельному альбому. Я уже предавалась воспоминаниям, листая те самые, где Андрюша еще молодой, в военной форме.

Она тяжело вздохнула.

– Как вы думаете, в альбоме за какой год следует искать снимки с той дружеской вечеринки? – уточнила Майя.

– Судя по запаху краски, футболка была сделана недавно. Просмотри этот год и прошлый. Ищи Андрея с двумя приятелями.

– Витей Мережкиным и Костей Василенко. Это его школьные друзья. А правильное сказать – дворовые, – пустилась в объяснения Вера Витальевна. – Такие шпанюги! Окна камнями били, прохожих по ночам пугали, терроризировали владельцев личных автомобилей. Я грешным делом думала – сопьются и в тюрьму загремят. Ан нет, все в люди вышли. Василенко строительную бригаду сколотил, а Мережкин шофером работает, на машине грузы возит. Сам себе хозяин. И Андрей мой так хорошо начинал! И вот – нате вам. Скатился до поддельных часов.

Она горестно вздохнула. Тем временем Майя уже приступила к поискам. Она устроилась прямо на ковре, обложившись фотоальбомами.

– Мне нужна или та самая фотография, или похожие, но с той же вечеринки, – напутствовал ее Сильвестр.

– А что? – тотчас заинтересовалась Вера Витальевна. – Что в ней такого? Я и рассмотреть-то толком не успела.

– Там фон необычный, – признался Сильвестр. – Очень странное место. Похоже на какую-то пустыню.

– Ерунда! – возразила Вера Витальевна, подключаясь к поискам и тоже усаживаясь на ковер. – В пустыне не может быть копченой колбасы, которую держал в руках Андрей. Откуда?

– Вы наблюдательны.

– Еще бы! Как только тебе переваливает за шестьдесят, сердце становится зорче глаз. Я всегда знаю, на что обратить внимание.

Майя молча листала страницы альбома за прошлый год. Здесь было очень много фотографий Лиды. Позируя, она кокетничала и выглядела очень хорошенькой. Секси – как сказала бы подруга Майи, помешанная одновременно на блинчиках и похудении.

Когда Майя перешла к более ранним альбомам, Лида исчезла, уступив место целой череде милых мордашек, сменявших одна другую с довольно высокой скоростью. Девушки призывно улыбались в объектив.

– На обороте они обычно пишут всякие глупости, – заметила Вера Витальевна, занятая параллельным поиском. – Что-нибудь типа: «Мое горячее сердце согреет тебя холодными ночами».

– Вы же собираете любовные письма, – удивилась Майя. – Там наверняка те же самые глупости.

– Разве можно сравнить любовь и все эти сюси-пуси?

Фотографий, хотя бы отдаленно напоминающих ту, которая была переведена на футболку, в архиве Томилина не обнаружилось.

– Очень странно, – пробормотала Вера Витальевна. – Андрюша был таким педантом...

– Возможно, снимки делал не он, – сказала Майя. – А футболку ему друзья подарили.

И Сильвестр тут же заметил:

– Мне нужно будет встретиться с друзьями.

– Если Вера Витальевна попросит, думаю, они смогут заехать к нам на чашку чая.

– Вы попросите, Вера Витальевна? – уточнил он, продолжая кружить по комнате и осматривать вещи. – Заодно спросите про фотографию. У кого-то из них должен быть оригинал. Я хочу взглянуть на него.

– Спрошу, хотя и не улавливаю смысла, – откликнулась та. – Пакеты, простыня, фотография, рост профессора... Жутко странный набор. И вообще. Я люблю, когда мне все растолковывают. А ты держишь меня в неведении. Мое любопытство уже раздулось до размеров дирижабля.

– И мое, – поддакнула Майя, хотя точно знала, что босс ничего объяснять не станет. До последнего момента он всегда темнит. И настаивать бессмысленно.

Как она и думала, Сильвестр проигнорировал женское любопытство. Он повертел в руках памятный флажок, на котором было написано «Фонд поддержки малых народов Америки», и сказал:

– Думаю, стоит узнать поточнее, почему Андрей уволился из этой организации. Судя по некоторым признакам, работой своей он дорожил и даже гордился. Я тут просмотрел бумаги в столе... Записки, заметки, напоминания. Что-то там должно было случиться серьезное, если он внезапно ушел. Майя, ты сегодня же должна собрать информацию об этом фонде. И попробуй найти там человека, который согласится поговорить о Томилине, хорошо?

Глава 6

В Мексику, по делу. Если фонды создаются, значит, это кому-нибудь нужно

Было уже глубоко за полночь, но Аленочкин все расхаживал по квартире с чашкой кофе в руке и пытался собраться с мыслями – возникло слишком много вопросов, на которые он при всем желании не мог дать немедленного ответа. Труп Томилина в остывшей воде... История как минимум подозрительная. Утопленник мог быть посланцем конкурентов и чем-то им не угодил, за что поплатился жизнью. А мог – одиноким рассеянным книжным червем, который имел несчастье поскользнуться в собственной ванне.

Вячеслав прекратил свои перемещения в пространстве и приземлился за письменный стол, под уютный свет настольной лампы.

– Ну, представим, что он искал именно мое какао и был за это убит, – рассуждал Аленочкин, мысленно уже считавший таинственные бобы своими.

– Хотя, собственно, за что «за это»? Мне же технологи на фабрике рассказывали – новые сорта постоянно находят, и шоколад из них делают, и все живы-здоровы... Нет, тут что-то другое.

Еще немного поразмыслив, Аленочкин решил не забивать голову нерешенными загадками, а сосредоточиться на организации мексиканского вояжа. Сегодня это было гораздо важнее проблемных трупов.

– Время, время поджигает, – бормотал он, словно старик, которому не с кем поговорить, кроме как с самим собой. – Надо срочно лететь в Мексику и уже на месте разбираться. Если найдем зерна – посмотрим, как поступить дальше. Другое дело – найдем ли? Почему раньше никто не нашел? Какие-нибудь ушлые американские кондитеры?

Представители крупных корпораций так и шастали по всему миру, добывая информацию для своих щедрых хозяев. Куда они только не проникали! Какими только способами не добились своих целей – хитрость, подкуп, лжесвидетельство, убийство...

Страхнув навалившуюся сонливость, Аленочкин достал большой рабочий блокнот, снял с подставки ручку и принялся составлять план действий на ближайшие дни. Работал с энтузиазмом – в случае успеха он мог эффектно выйти на рынок со свежим оригинальным продуктом и превратить свое новое приобретение – кондитерскую фабрику – в современное высокодоходное предприятие.

Была и еще одна причина. С детства Вячеслав мечтал о приключениях в непроходимых лесах и болотах, воображал себя пиратом, индейцем, охотником на диких зверей. Долгое время его кумиром был Индиана Джонс. С годами мальчишеская восторженность и жажда экзотических приключений уступили место иным страстям и эмоциям. Но в нем по-прежнему, как в детстве, настойчиво пульсировала жилка романтического авантюризма. Именно благодаря ей прагматик Аленочкин вдруг кидался в рискованные предприятия, как будто пренебрегая

трезвым расчетом. Правда, всегда выходил победителем – даже его авантюризм нес в себе конструктивное начало.

А в истории с какао все было как на заказ: руины древнего города, джунгли, племена индейцев и сокровище в виде бесценных зерен. Это приятно грело душу и щекотало нервы.

Закончив писать, он с наслаждением откинулся на мягкую спинку кресла и позволил себе немного поспать. День предстоял насыщенный, и надо было немного отдохнуть.

* * *

Наступившее утро громко заявило о себе истерикой предусмотрительно заведенного будильника. Не открывая глаз, Аленочкин протянул руку и прервал его истошные вопли. Неспешно поднялся с кресла, потянулся, зевнул и прошествовал на кухню. Беспокойный сон и раннее пробуждение почти никак не отразились на его самочувствии. Бизнес приучил его спокойно переносить мелкие неудобства вроде недостатка сна. Дожевав бутерброд, он вышел на широкий балкон. Глянул с высоты двадцать первого этажа на пробуждающийся город и стал методично перебирать в уме содержание плана поездки, по привычке пытаясь обнаружить слабые места и несостыковки.

Разумеется, прежде чем отправляться в долгое путешествие, Вячеславу было необходимо передать дела кому-то из заместителей. Он практически сразу решил – кому. У него был в штате компетентный специалист и грамотный управленец. Ну, и преданный, конечно. Именно он способен обеспечить стабильность бизнеса в отсутствие генерального директора и главного акционера.

По дороге Вячеслав тщательно обдумал, какие отдать распоряжения по текущим делам и что отложить до его возвращения из Мексики. После двухчасового стояния в пробках он все же добрался до своего кабинета. Провел два расширенных совещания и одно узкое, с топ-менеджерами. Затем обрабатывал их по одному: подробнейшим образом инструктировал и засыпал ценными указаниями на все случаи жизни.

По дороге домой Аленочкин заехал в большой книжный магазин и купил дорогой красочный путеводитель по Мексике. В конце концов, ему же нужно как-то подготовиться к поездке. Хотя бы теоретически. Иметь в виду всякие бытовые мелочи, знать, чего следует опасаться, как вести себя в экстренных ситуациях.

Еще Вячеславу предстояло сделать один очень важный звонок. Собрать такую сложную экспедицию, экипировать ее, разработать маршруты и так далее ему самому было не под силу. Зато он точно знал, куда следует обратиться, чтобы все прошло по высшему разряду. Поэтому, едва войдя в квартиру, Аленочкин сразу же набрал знакомый номер.

* * *

– Фонд поддержки малых народов Америки, – веселой скороговоркой произнес звонкий девичий голос на том конце провода. Голос принадлежал девушке-секретарю, которой, похоже, очень хотелось казаться серьезной и важной. Впрочем, пока у нее это не очень получалось.

За последние несколько лет фонд расцвел, превратившись в весьма солидную организацию. Созданный совместными усилиями энтузиастов как общественная организация, он довольно долго существовал на небольшие государственные дотации, зарубежные гранты и довольно скромные частные пожертвования. Тем не менее здесь получили жизнь и довольно интенсивно развивались многие гуманитарные программы, велись серьезные научные исследования, в том числе по изучению традиций и культуры коренных жителей американских континентов.

И занимались здесь не только индейцами США и Мексики, но и аборигенами стран вроде Гватемалы. А после того как фондом заинтересовался серьезный бизнес, ресурсов стало хватать не только на достойные зарплаты сотрудникам, но и на поддержание собственного статуса.

– Могу ли я поговорить с Александром Майским? – поинтересовался Аленочкин строгим голосом, едва удержавшись от соблазна телефонного флирта, в котором почитал себя большим специалистом.

– Пожалуйста, скажите ваше имя и цель звонка, – ответила девушка, изображая корректную строгость.

– Конечно, к вашим услугам. Вячеслав Аленочкин. Цель звонка – обсуждение совместного научного проекта.

Фамилия Аленочкин была для сотрудников фонда столь же священной и почитаемой, как фамилия Королев для персонала космодрома Байконур. Только по причине более прозаической – успешный бизнесмен Аленочкин был постоянным и весьма щедрым спонсором фонда.

«Удивительно, что порой делают с нами воспоминания», – порой думал он, подписывая очередной счет на перевод денег фонду. Конечно, изначально им двигала память о друге детства, удивительным образом оказавшемся потомком древнего племени мексиканских индейцев. Но потом одна из его компаний обнаружила серьезные интересы в Южной Америке, и филантропию потеснил обычный коммерческий расчет. Грубо говоря, Аленочкин не без основания полагал, что сможет при необходимости использовать некоторые возможности и привилегии фонда для осуществления некоторых своих операций.

С руководством фонда Вячеслав поддерживал ровные, рабочие отношения, а вот с Александром Майским, молодым талантливым ученым, специалистом по культуре майя, почти подружился. Когда Аленочкин впервые предложил фонду свою поддержку, Майский только занял должность руководителя научной секции, был полон оптимизма и грандиозных планов.

Вячеславу импонировал энергичный исследователь, и они быстро нашли общий язык. Иногда он давал деньги специально на проекты Майского, благо в идеях у того недостатка не было. Правда, в последнее время Майский, понимая, что работает с большой отдачей, стал вести себя более независимо, чем прежде, почувствовал уверенность в своих силах. Впрочем, он по-прежнему оставался отличным парнем.

Тем временем девушка-секретарь наконец выполнила свою главную функцию, и в трубке прогремело:

– Слава тебе, Слава!

Ученый был, как обычно, бодр и весел.

– Привет и тебе, друг краснокожих, – проворчал Аленочкин. – Сильно занят?

– Через полчаса совещание, потом придет делегация, потом...

– Ладно-ладно. Самый занятой в мире человек, я понял. Тем не менее нам надо обсудить одну тему, только срочно. И конфиденциально.

– Тогда давай встречаться вечером. – Майский любил посиделки с друзьями и знакомыми. – Нам, холостякам, встречи лишь в удовольствие. Холостяки никогда не смотрят диким взглядом на часы и не ерзают за бокалом вина. В этом их огромное преимущество перед жена-тиками.

– Тогда вечером в нашем ресторане, философ, – усмехнулся Вячеслав. – Обсудим все за ужином. Проглотишь мою новость вместе с бифштексом.

– Договорились, – охотно согласился заинтригованный Майский. – Надеюсь, твоя новость внесет оживление в мою жизнь. А то рутина, рутина...

День близился к концу, когда Аленочкин и Майский, сидя в небольшом ресторанчике, спрятавшемся в тихом старом переулке, приступили к обсуждению плана экспедиции. Ужин прошел под разговоры «за жизнь». Когда принесли кофе, Вячеслав перешел к делу.

– Так вот, насчет моего сегодняшнего звонка. Есть серьезные планы по бизнесу, только это между нами, понял?

– Естественно. Могила!

Несмотря на то что Майский добился очень многого на поприще науки, выглядел он как студент, сбежавший с лекции на свадьбу. Костюмчик будто бы взятый напрокат, очки, взъерошенные волосы и малахольная улыбка. Если бы у практичного Аленочкина было столько обаяния, он разливал бы его по бутылкам.

– Хочу организовать экспедицию в мексиканские джунгли. Причем в кратчайшие сроки. Дело личное. На мне, естественно, вся финансовая сторона.

– Организуем, не впервой. И сроки меня не пугают, у нас ведь уже тропинка протоптанная. А не расскажешь, откуда вдруг интерес?

– Пока не расскажу, и не обижайся, пожалуйста. Заранее говорить о деле – значит подвергать его риску. Это я тебе с полной ответственностью заявляю. Кроме того, я собираюсь действовать на свой страх и риск. Вот если что-то выгорит, тогда все расскажу.

– Ладно, ладно. – Майский поднял вверх обе руки, показывая, что капитулирует. – Так куда конкретно мы отправляемся?

Аленочкин полез во внутренний карман пиджака, достал сложенный вдвое листок, развернул его и с запинкой прочитал:

– Чьям-пас. Переводится как Город художников.

– Вот как... – Майский задумался. – Давно там никто не бывал, очень давно.

– Да, забытое место, я знаю, – согласился Аленочкин. – Мне нужно, чтобы все было готово недели за две, не больше. Средства есть, можешь завтра получить.

– Знаешь, я тебя честно предупреждаю – это будет непросто, обычно подготовка идет месяца два-три.

– Саш, я в курсе, – сдержанно улыбнулся Аленочкин. – Но у меня так складываются обстоятельства, что просто необходимо уложиться в конкретные сроки.

– Сделаем все, что в наших силах, и даже сверх того.

– Значит, договорились. И спасибо тебе, друг, заранее. Если все пройдет удачно – не обижу.

– А вот этого мог не говорить. Ты же знаешь – мы, ученые, люди странные. Деньги не любим, только науку.

– Мой бухгалтер думает иначе. В общем, мы друг друга поняли.

– Как всегда, – откликнулся Майский и поднял бокал.

«Прекрасно, одной проблемой стало меньше», – подумал Аленочкин с удовлетворением и в ответ поднял свой.

Глава 7

Скажи мне, кто твой друг. И снова «шерше ля фам»?

– Он испугался, – уверенно заявила Майя.

Когда Сильвестр попросил устроить встречу с друзьями Томилина, девушка решила, что легко справится с заданием. Однако не тут-то было. Костя Василенко, стоявший первым в списке, от разговора отказался наотрез.

– Чем мотивировал? – поинтересовался Сильвестр.

Босс сидел в своем кабинете, обложенный коробками с фильмами, и, вместо того чтобы заканчивать рецензию, рисовал на бумажке какие-то закорючки.

– Сказал, что должен срочно уехать по семейным делам. И даже объяснил. Двоюродная сестра, говорит, строит дом в Псковской области, он обещал помочь. Сначала мне показалось, что я его все-таки дожду. Но стоило спросить о той фотографии, как все изменилось. Он стал вилять, путаться, отговариваться, как школьник, который диктант прогулял. Заявил, что понятия не имеет ни о какой футболке, что у них с Мережкиным ничего похожего нет. И про пустыню и пикник вспомнить не может.

– Так-так, – сказал Сильвестр, отодвинув свое творение в сторону. – Это становится интересным. Хорошо, что мы забрали вещь с собой. Надеюсь, она герметично запакована.

– Тетя Вера хотела ее постирать, – сообщила Майя. – Я ей не дала.

– Кстати, где она?

– Я убрала ее в ящик на балконе.

– Я имею в виду – где тетя Вера?

– Спит. С утра ходила по магазинам, умаялась.

– Так это она издает вот эти самые стоны? Как будто мучают мышь?

Майя ухмыльнулась и примирительно заметила:

– Да, она похрапывает. Ничего удивительного, если учесть, сколько раз ей приходилось ночевать на скамейках в зале ожидания.

Сильвестр неопределенно шевельнул бровью и бросил ручку на стол, позабыв про творчество:

– А что Мережкин? Тоже ушел в несознанку?

– Собирался уйти, – ответила Майя небрежным тоном. Этим тоном она обычно маскировала то, что довольна собой до невозможности. – Сразу сказал, что у него болит нога и он не может перемещаться. Я ответила, что раз гора не идет к Магомету... Дескать, мы приедем тогда-то и тогда-то – и точка.

– А тогда-то и тогда-то – это когда? – тотчас поинтересовался Сильвестр.

– Это сегодня. Вы же не хотели тянуть!

Тянуть Сильвестр точно не хотел и потому со вздохом поднялся на ноги. Встрепанная тетя Вера с тревожной красной щекой, которой она прикладывалась к обивке кресла, узнав о последних событиях, намылилась ехать с ними.

– Мало ли что, – приговаривала она, извлекая из пакета синий немнущийся костюм и прикладывая его к себе, словно не знала точно, подходит ли он по размеру. – Витечка грубиян. Но при мне он вряд ли осмелится вести себя скверно.

У нее были замашки провинциальной учительницы, верившей в хорошие манеры, и целеустремленность добермана. Сильвестр понятия не имел, хорошо или плохо, что тетя Вера едет с ними. Впрочем, отговаривать ее все равно было бессмысленно.

Когда их маленькая процессия вышла на лестничную площадку, возглавлявший ее Сильвестр неожиданно остановился. Женщины, выглянув из-за его спины, замерли в немом изумлении. Вся лестничная площадка оказалась завалена мешками с мусором. Мешков было не меньше десятка, они стояли вдоль стен прямо до самого лифта, и из каждого высыпались на пол объедки, смятые комки бумаги и вытекала вонючая жижа. Вероятно, Чепукин делал генеральную уборку. Или копил мешки у себя в квартире, а потом разом выставил под ноги соседям.

На стене, прилепленный комком жевательной резинки, висел самодельный плакат: «За Чепукиным мусор не выносить! Пусть он задохнется».

– Вот это да! – воскликнула Вера Витальевна. – Кто такой этот Чепукин? Местный Чубайс? Объект неконтролируемой народной ненависти?

– О да! – согласилась Майя. – Поганец мстит всем окружающим за то, что они продолжают спокойно жить, хотя в стране установлен преступный режим. Все время что-то выдумывает в отместку действующему правительству. Вот теперь мусор перестал за собой выносить.

Разговаривая, они не двигались с места, потому что пройти к лифту казалось проблематичным.

– Я б его убила, – покачала головой Вера Витальевна.

– Ха. Да его бы все убили, – усмехнулся Сильвестр. – Если бы смогли из квартиры выманить. Он, видите ли, в последнее время оттуда вовсе не выходит. Не знаю, как он добывает себе пропитание. Вероятно, умудряется улучшить время и сбежать в круглосуточный супермаркет перед восходом солнца, когда все нормальные люди спят.

В этот момент на лестнице послышались голоса, они стремительно приближались, и вот снизу наконец появилась большая группа людей, вооруженных чем попало.

– Ого, – сказала Майя. – Кажется, Чепукину пришел капут.

Рассерженные жильцы, держа в руках кто лыжную палку, кто поварешку, кто отвертку, все как один с грозными лицами, отодвигая пакеты ногами, двинулись на квартиру мятежного пенсионера.

– Он обнаглел окончательно, – не здороваясь, объяснила Сильвестру и его спутникам разъяренная жиличка со второго этажа. – Бросает из окна гнилую картошку в голубей! Кричит, что они засоряют окружающую среду и ему на его шестом этаже дышать нечем! Попал в маленького ребенка и, когда на него стали орать, сразу убежал.

– А у меня, – сообщил краснолицый дядька с бычьей шеей по фамилии Бабанов, – старушка-теща сидит на балконе, бедняжка двигаться не может. Так эта сволочь Чепукин спускает на веревке куриную косточку и начинает трясти у нее перед носом. И залиvisto при этом ржет. Разве не сволочь?

– Сволочь, – согласился нестройный хор.

– А поскольку он на разговор не идет и дверь не отпирает, мы решили эту дверь взломать, – закончила эксцентричная Алевтина, которая повсюду ходила со своей собачкой Джинервой. На голове у Джинервы был бант, и она смотрела на мир кровожадными маленькими глазками, как будто постоянно приценивалась, кого бы ей тяпнуть.

Завидев Алевтину с собачкой, Сильвестр досадливо крикнул, бросился обратно к своей квартире с ключом наперевес и скрылся внутри.

– Э-э-э... Вы здесь надолго? – спросила Майя, с тоской оглядывая толпу. Джинерва противно тьякнула.

– Как только выкурим эту сволочь!

– Вы серьезно собираетесь взламывать дверь? – удивленно спросила Вера Витальевна.

Вид у нее в немнущемся синем костюме и туфлях-лодочках был таким официальным и представительным, что все посмотрели на нее с опаской.

– Конечно, собираемся! – ответил за всех мощный Бабанов и выпятил нижнюю губу. – Добровольно он не откроет!

– Если он хотя бы на цепочку дверь отпер, – мечтательно заявила Алевтина, – мы бы сразу ее заблокировали. Просунули бы в щель что-нибудь...

– Вы его линчевать надумали? – продолжала допытываться Вера Витальевна.

– Да ну что вы! – возмутилась маленькая старушка, одетая в длинное цветастое платье и матерчатые шлепанцы. – Мы хотим вступить в переговоры. Но ведь он не желает же слушать!

– Вот мы его силой решили заставить. Пусть милицию вызывает, мы его той милиции и сдадим...

– По-моему, вы преувеличиваете, – заметила Вера Витальевна. – Как это – дверь не открывает? Ко всякому человеку можно подобрать ключик.

– К Чепукину нельзя, – сказала старушка. – У него механизм сломанный.

Она выразительно покрутила пальцем у виска.

– Ерунда! – уперлась Вера Витальевна. – Хотите, я вам помогу? Мне кое-что понадобится...

Ей стали протягивать всякие подручные материалы, но она решительно их отвергла.

– Мне потребуется мука или крупа... Майя, у тебя есть пакет пшена? Не жалко пожертвовать на народные нужды?

Майя молча отправилась к себе. Сильвестр, одетый для поездки, сидел в кабинете и стучал по клавиатуре компьютера.

– Босс, мы на минуточку задержимся! – крикнула ему Майя. – Я вас позову!

Он пробурчал что-то невразумительное, и она быстро прошла к шкафчику, где хранились запасы продовольствия.

– Крупы нет, есть горох, – сообщила она через минуту, снова появляясь на лестничной площадке. – Колотый. Как раз для горохового супа.

– Отлично! – одобрила Вера Витальевна.

Жильцы подъезда изнемогали от любопытства.

– Выгляни в окошко, дам тебе горошка? – с недоверием спросил Бабанов. – Что-то в этом роде?

– Вот именно, – с удовлетворением ответствовала Вера Витальевна.

– Тю-ю... На что ему горох? Он не откроет.

– Весь фокус в том, как предложить, – отрезала она и опустила палец на кнопку звонка.

Вся толпа замерла в ожидании. Кажется, никто не дышал, даже идиотская Джинерва перестала поскуливать, склонив голову на одну сторону.

В ответ на звонок послышались торопливые частые шажки, потом жидкий сварливый голос поинтересовался:

– Кто тут?

– Чепукин? – строго спросила Вера Витальевна. – Я от товарищей по партии. Вам положена продуктовая взаимопомощь.

– От какой такой партии? – озадачился за дверью мятежный Чепукин.

Все соседи в напряжении уставились на Веру Витальевну. Действительно – откуда она может знать, какой политической партии симпатизирует Чепукин? Может, он анархист. А может, монархист. Однако тетю Веру невозможно было сбить с толку.

– От *вашей* партии, Чепукин. Перестаньте дурака валять и заберите свой горох.

– Чего? – изумленно переспросил тот и завопил с замком. – Почему горох?

– Откуда мне знать, гражданин хороший? – строго заметила Вера Витальевна. – Партия решила поддержать своих верных членов продуктами питания. На вашу душу выписан килограмм колотого гороха. Или забирайте, или отказывайтесь в пользу бедных.

– Я тоже бедный! – немедленно заявил Чепукин и открыл дверь.

Замок щелкнул, и из щели высунулась тощая белая рука в синих прожилках. Ощущения жалости она не вызывала, оттого что выглядела жадной.

– Давайте сюда, – потребовала рука и пошевелила пальцами.

Вера Витальевна без раздумий вложила в нее толстенький пакет и уже вознамерилась было потребовать явиться пред ее светлы очи. Мол, вы должны расписаться в получении, и все такое... Однако несдержанный Бабанов неожиданно издал горловое восклицание и метнулся вперед, спикировав прямо на эту руку, как коршун на веселую полевку, промелькнувшую в траве. Кажется, он даже зарычал от избытка чувств и тотчас со всего размаху получил горохом по голове. Обалдевший, он отшатнулся, и в этот миг с пронзительным криком в образовавшуюся щель бросилась Алевтина с собачкой наперевес. Собачка залилась лаем, и ее алый бант отчаянно затрясся на макушке.

– Куси, куси его, Джинерва!

Уже в следующую минуту на лестничной площадке воцарился настоящий сумасшедший дом. Разорванные и растоптанные мешки с мусором отчаянно воняли, путающиеся в целлофане и поскальзывающиеся на обьедках соседи дружно вопили, Джинерва лаяла, бабушка,

прижатая к стене, кричала, как вождь краснокожих. Чтобы их не растоптали, Майя и тетя Вера метнулись к лестнице и поднялись на несколько ступенек, оказавшись над схваткой.

Заветная дверь некоторое время дрожала и ходила взад и вперед. Но, вероятно, Чепукин применил какой-то запрещенный прием, потому что раздалось сразу несколько вскриков, и она захлопнулась – окончательно и бесповоротно. Подъезд содрогнулся. На лестничной площадке повисла растерянная тишина, и тогда обретший цвет и силу голос Чепукина из-за двери мстительно сообщил:

– Ну что, выкусили, ироды? Погодите, я вам отомщу! Гороху дали... Самым святым хотели выманить. Расправу учинить... У-у, кровопийцы проклятые. Поплачете вы у меня.

В этот момент Сильвестр приоткрыл собственную дверь и громко спросил:

– Собака ушла?

– Она у нас сама не ходит, – ответил за всех раздосадованный Бабанов. – Эта королевна желает, чтобы ее непременно на руках носили, а она бы гавкала...

Тетя Вера на удивление болезненно восприняла провал своего блестящего плана по выкуриванию из квартиры пенсионера Чепукина. Как всякий полководец, она была в бешенстве из-за того, что солдаты бросились в бой без команды. Революционный мятеж провалился. Соседи разошлись по квартирам, а срочно вызванная на место происшествия приходящая уборщица, бранясь и причитая, собрала мусор и вымыла лестничную площадку.

Сильвестр, который весь извелся от бесцельного ожидания, пришел в дурное расположение духа и постоянно цеплялся к Майе. Тетя Вера тоже пребывала не в лучшем настроении. Поэтому когда вся честная компания, наконец, приехала к Мережкину, создалось впечатление, что в квартиру к нему вползла большая грозовая туча.

Мережкин выглядел мальчишкой с накладными плечами и пузом, сделанным из подушки. У него были густые волосы, торчавшие в разные стороны, нос картошкой и зубастая улыбка.

– Тетя Вера! – воскликнул он радостно. Потом опомнился и сразу же сделал скорбное лицо. – Теть Вер, заходите. И вы тоже...

Он суетился, предлагал тапочки, и Вера Витальевна принимала такое повышенное к себе внимание благосклонно. Она представила сначала Майю, а потом Сильвестра, в заключение безапелляционно похлопав того по животу:

– Это и есть тот самый человек, который расследует Андриюшину гибель. Его армейский друг. Ума не приложу, почему вы раньше не встречались.

– Я видел вашу фотографию, – тотчас вспомнил Мережкин, наставив на гостя указательный палец. – Андрей о вас много рассказывал.

Эту противную фразу Сильвестр ужасно не любил. Она всегда казалась ему какой-то двусмысленной. За скобками оставалось слишком много вопросов, в частности, что конкретно о тебе рассказывали. В ответ он неопределенно улыбнулся и тотчас снова сделался серьезным.

Хозяин провел их в гостиную и указал на диван и на кресла:

– Располагайтесь, прошу. Чувствую себя странно, – хмыкнул он, обращаясь к Сильвестру. – Впервые вижу частного детектива. Волнуюсь. Вдруг чего ляпну или не вспомню то, что нужно...

– Ерунда, – ответил тот. – Я же не инспектор, перед которым надо отчитываться. Я тоже друг Томилина, вот что главное.

Комната оказалась большой и светлой, с игривыми занавесками в рюшечках и большими застекленными шкапами. Все выглядело аккуратным. Однако это был не тот строгий порядок, который так бросался в глаза в жилище того же Томилина. И не тот, спартанский, который устроил у себя Сильвестр. Это был порядок эфемерный, возникший явно после генеральной уборки. Все здесь было сложено и распределено так, что сразу становилось ясно – как только гости уйдут, вещи окажутся совсем на других местах, и гармония будет нарушена.

– А где же твоя жена? – спросила Вера Витальевна, фанатично озабоченная личными взаимоотношениями всех своих знакомых. – У тебя же была жена, я хорошо помню.

– Она с дочкой отдыхает в Крыму, – охотно объяснил «ответчик» и сразу же перешел к делу, обратившись прямо к Сильвестру: – Скажите, почему вы решили, что Андрея убили?

Когда Майя разговаривала с ним по телефону, казалось, что он страшно нервничает. Сейчас все было иначе. Глаза его не бегали, руки спокойно лежали на подлокотниках кресла, желваки не ходили на скулах. Майе показалось, что он чертовски искренен. Однако она знала за собой такую слабость. Всякий, кто при знакомстве улыбался во весь рот, казался ей лучшим человеком на свете.

Сильвестр принялся объяснять, как и почему возникла идея расследовать гибель Андрея своими силами. И закончил извиняющимся тоном:

– Тетя Вера не успокоится до тех пор, пока не станет абсолютно ясно, что милиция ничего не пропустила.

Именно этот тон должен был показать Мережкину, что, мол, занимается он не настоящим расследованием, а сущей ерундой, чтобы потрафить несчастной пожилой женщине.

Рассказывать о том, что насторожило его в квартире Томилина, Сильвестр, разумеется, не собирался. Он начал задавать вопросы, и все шло вполне удовлетворительно до тех пор, пока он не добрался до фотографии на футболке. Здесь и произошло короткое замыкание. Мережкин заерзал на своем месте, начал тереть сначала щеку, потом нос и закончил коленкой.

– Странно, что у вас нет точно такой же. Обычно футболки заказывают чохом для всех, кто был на вечеринке, – небрежно заметил Сильвестр.

– А почему это у тебя, Витечка, полка в шкафу пустая? – неожиданно спросила тетя Вера и вся подалась вперед, как будто обнаружила важную улику.

– Что? – не понял Мережкин.

Потом повернул голову, посмотрел на совершенно лысую полку, которая выделялась среди других, как вырванный зуб.

– А, это! Жена хранит там свои книги по рукоделию. Они такие обтрепанные, мы решили убрать их подальше, а сюда поставим потом что-нибудь симпатичное. А что?

– Да ничего. Просто, когда я вижу нечто из ряда вон выходящее, мой мозг сразу подает сигнал тревоги.

Вероятно, тетя Вера решила поиграть в великую сыщицу. Сильвестр грозно посмотрел на нее, стараясь взглядом пригвоздить к месту. Он дошел до такого важного поворота в разговоре, и тут она, как всегда, влезла со своими глупостями.

– Так я насчет футболки и той фотографии, – повторил он. – Очень странный пейзаж на заднем фоне. Как будто где-то вдалеке, за вашими спинами, невысокие горы...

– Песчаные карьеры, – сразу же отмел его предположение Мережкин. Он принес из кухни кувшин с квасом, сок, несколько бутылок воды и теперь опорожнял уже третий стакан. – Это недалеко от Воскресенска, я могу показать на карте. Когда-то у моих стариков был домик в тех краях, с давних пор так и катаемся. Как говорится, по протоптанной дорожке.

– А что за кубок вы держали в руках? – не отставал Сильвестр. Майя внимательно смотрела на Мережкина, стараясь понять по его лицу, какие им владеют эмоции. Он просветлел и заулыбался:

– Кубок? Да, точно! Самый настоящий кубок. Это ребята расстарались. Вспомнил! Ну конечно, знаю. Вы бы сразу сказали про кубок! По случаю моего дня рождения была поездочка, как я не сообразил? Ребята купили эту самую вазу в спортивном магазине и сделали смешную гравировку на ней. А потом мы эту штуку в пруду утопили. Случайно. Ныряли за ней полчаса по очереди, да так и не нашли. Пьяные были, чего вы хотите?

Майя тихонько вздохнула. Если Сильвестр думал, что это какая-то ниточка, то, скорее всего, он ошибся. Кажется, босс и сам это понял. Он заметно расслабился, стал задавать общие

беззубые вопросы – про детство, про жизнь вообще, про дружбу с Томилиным, про девушек Томила. Упомянул Лиду, выслушал ее характеристику – не очень лестную, к слову сказать.

– У нее по отношению к Андрюхе были ну о-о-очень серьезные намерения. Только он не поддавался. В последнее время постоянно говорил, что не готов еще вить гнездо. Он любил вольную жизнь, походы, свободный полет... И денег он столько не зарабатывал, чтобы жену содержать, особенно такую привередливую, у которой амбиции и все такое...

– Он ведь хорошую работу потерял, насколько я понял, – заметил Сильвестр.

– И работу! – охотно подхватил Мережкин. – Это я о фонде говорю. Что-то у него там случилось такое... Говорить не хотел. Но сдастся мне, бабу он у начальника отбил. Не то жену, не то любовницу. В принципе неважно, кем она тому начальнику доводилась. Главное – разинул роток на чужой цветок. Начальство, когда на его собственность покушаются, звереть начинает. Ну, придумали какой-то повод, его выперли, он рвал и метал. Потом успокоился, тут ему другая работенка подвернулась, с часами. Ничего, приноровился, даже доволен был.

– Может, ему тот начальник отомстил? – угрюмо спросила Вера Витальевна. – Я о любви столько всего знаю, мама не горюй! А страстей вокруг этого – у-у-у!

– Вы же собираете любовные письма, – напомнила Майя, посмотрев на нее с недоумением.

– Ну да, – не стала спорить она. – Самые сливки снимаю, так сказать. Все, что положительно заряжено. Но если подумать, сколько темных-претемных эмоций она рождает, любовь...

– А фамилию начальника вы знаете? – поинтересовался Сильвестр. – Того, у которого Андрей женщину увел?

Вера Витальевна, обрадованная тем, что с ее теорией согласились, подалась вперед и ждала ответа, глядя на Мережкина с тем же кровожадным выражением, что и собачка Джинерва.

– Кажется, знаю, – с сомнением ответил тот. – Какая-то у него фамилия такая... домашняя. Ассоциируется с обстановкой в доме. С чем-то уютным. Сейчас, сейчас...

– Кошкин? – тотчас предположила Вера Витальевна. – Каминов? Может быть, Ватрушкин? Или Борщов? Что такое там еще у нас домашне-уютное? Диванов, может?

– А, вспомнил! Ковров. Ковров его фамилия. С ним вам надо разговаривать.

Перед уходом Сильвестр попросил поискать все же фотографии с того самого дня рождения, который проводили на природе под Воскресенском возле песчаных карьеров. Однако Мережкин принялся отнекиваться, мотивируя это тем, что фотографий у него таких все равно нет, он это помнит отлично, да у него вообще по жизни мало фотографий, он их специально не хранит, и где они сейчас находятся, даже сказать не может. На всякий случай он все же пробежался по шкафам, по верхним полкам стеллажа, но так ничего и не обнаружил. Пока шли поиски, Сильвестр прогулялся по комнате и попросил разрешения выйти на балкон. Увидев там несколько спортивных сумок, поставленных одна на другую, спросил, любит ли Мережкин ходить в походы.

– Мы все любим, – горячо заверил тот. – И Андрей любил. У нас походное снаряжение в сумках, все как положено – для костра, для непредвиденных обстоятельств. Обувь спортивная, куртки брезентовые, спрей от гнуса...

– Здорово, – похвалил Сильвестр. – Можно будет вам позвонить, если что-то спросить понадобится?

Мережкин разрешил звонить и отправился провожать гостей. Вид у него был такой, словно он только что закончил тяжелую работу.

– Я вам чем-нибудь помог? – спросил он с глупым видом перед тем, как закрыть за ними дверь.

– Еще бы, – ответила за всех тетя Вера. – Но ты не жалеяй. Тот, кто помогает людям, живет на два года больше, чем тот, кто не помогает. А может, даже на три. Ученые на самом деле спорят, на два или на три. В любом случае это полезно. Ляжешь сегодня спать в ладу со своей совестью. Такое редкое состояние!

Глава 8

Если хочешь быть здоров. Амебы, личинки и прочие паразиты

Аленочкин, одетый скромно, но по-прежнему элегантно, вошел в приемную частной клиники «Если хочешь быть здоров». Медучреждение, оформленное в стиле хай-тек, расположилось на небольшой улочке недалеко от его дома. На досуге Вячеслав почитывал журналы о путешествиях и знал, что в джунглях можно запросто подхватить какую-нибудь редкую заразу, которую ни один врач не сможет даже диагностировать, не то что вылечить. К тому же он много раз слышал, что в южные страны вообще не пускают без обязательных прививок. Чтобы окончательно прояснить ситуацию, он дал своей секретарше задание узнать все необходимое. Выяснилось, что никаких специальных уколов не нужно, но врачи настоятельно рекомендуют на всякий случай делать прививку от лихорадки. И заботливая секретарша записала босса на прием к доктору Скороспелову, который должен был проделать несложную процедуру.

Как всякий молодой и здоровый человек, Аленочкин не любил находиться в больницах, пусть даже престижных и комфортных, и лелеял надежду быстренько освободиться. Напрасно.

Для начала он получил в регистратуре новенькую медицинскую карту, которая радовала глаз отсутствием корявой врачебной тайнописи. Сопровождаемый медсестрой, больше похожей на фотомоделю, он прошел в нужный кабинет, попутно любуясь ее походкой и формами.

Из-за стола навстречу Аленочкину поднялся невысокий улыбчивый мужчина с аккуратной черной бородкой, в очках и традиционном докторском халате. Он поздоровался с новым пациентом, усадил его напротив, а сам принялся старательно заполнять карту. Эта поведенческая модель докторов всегда искренне поражала Вячеслава. По его мнению, сначала нужно разговаривать с больным и лишь потом приниматься за бумажки. Однако на карты жадно набрасывались все – простые участковые и заоблачные светила.

Воспользовавшись паузой, Вячеслав оглядел кабинет. Похоже, дизайнеры хотели, чтобы вся обстановка внушала пациентам непоколебимую веру в могущество современной медицинской науки. Стол доктора был сделан из стекла, на нем стоял ноутбук последней модели, от которого тянулись провода ко всевозможным дополнительным приборам и приборчикам. Слева стоял еще один стол, заставленный медицинским оборудованием, а на стеллажах хранилась целая коллекция ампул, склянок и пузырьков.

Доктор тем временем закончил свои манипуляции с бумагами и, радостно улыбаясь, произнес:

– Итак, вакцинация. От желтой лихорадки, правильно?

– Именно. От желтой, – сухо подтвердил Аленочкин. – То, что мне надо.

– К сожалению, – продолжил жизнерадостный эскулап, – этого может оказаться недостаточно. Вы ведь собираетесь путешествовать? Куда именно едете?

– В Центральную Америку. – Вячеслав вежливо, но твердо давал понять, что ценит свое время дорого и не желает заниматься пустой болтовней.

– А можно уточнить, в какую страну? – не отставал доктор.

У него были розовые щеки и весьма энергичный вид. Идеальный экземпляр для того, чтобы вызывать доверие и внушать оптимизм. Аленочкин, впрочем, не особенно вдохновился. Более того, он медленно закипал.

– В Мексику, – ответил, твердо решив, что это последнее слово, которое услышит от него доктор Скороспелов.

– О, понимаю, понимаю, – мелко закивал врач. – Океан, буйная растительность, смуглые красавицы... Приходил ко мне недавно один пациент, в Южную Америку поехал, отдохнуть. И решил построить на берегу замок из песка. Фантазия у него такая была. Ну и...

– И... что? – вырвалось у Аленочкина, который почувствовал в словах врача какой-то подвох.

– Построил, – успокоил его доктор. – Только вот личинки построили дом у него на ладонях. Прямо под кожей.

– Какие личинки? – насторожился Вячеслав, не очень понимая, к чему клонит его собеседник.

– Маленькие такие личинки. При контакте с человеком незаметно проникают под кожу и живут там припеваючи. Но вы не волнуйтесь, это неопасно, их легко вывести.

Тут Аленочкин представил копошащихся где-то внутри него личинок, и его передернуло от отвращения.

А неунывающий Скороспелов продолжал, как на лекции:

– Так вот. От лихорадки укольчик – первое дело. Потом, конечно, надо от гепатита кое-что... Ну это так, на всякий случай. А можно спросить, в какие штаты вы собираетесь?

– В южные, – осторожно ответил Аленочкин, предвидя очередную пакость.

– Прекрасно, – снова обрадовался врач. – Дикая природа, экзотика, аборигены – мечта путешественника. Но только не дай вам бог попасть в джунгли! – предупредил он дружеским тоном.

– Это почему же? – уже догадываясь, что сейчас услышит, спросил Вячеслав.

– Как вам сказать... Если не вдаваться в подробности, то главная опасность – комары. Один укус – и все земные печали позади.

– Что это за комары такие? – вытаращился Аленочкин.

– Малярийные. Но лучше опасаться любых, – бодро ответил врач. – Кто их разберет, малярийные они или нет. Кстати, от малярии нет прививок. Так что, если вас укусили, срочно в больницу.

– А если больницы поблизости нет? – Аленочкин решил разобраться с этой неприятной проблемой до конца.

– Ну, тогда в любой момент может начаться болезнь, и вы умрете за несколько дней.

– Так быстро? – поразился Аленочкин.

– Да, а чего вы хотели? – удивился врач. – У вас начнут склеиваться эритроциты в крови. Когда дело дойдет до мозга, вы впадете в кому и умрете. Один мой знакомый с этим столкнулся на собственном опыте. Ему поставили неправильный диагноз, и через неделю он уже был почти не живец.

– И как же быть, если я окажусь в такой ситуации? – Бизнесмен выглядел спокойным, но байки врача-оптимиста его порядком нервировали.

– Не беспокойтесь, я вам таблеточки пропишу. Будете пить каждый день, и в случае чего ваши шансы значительно увеличатся. Да, и соблюдайте меры предосторожности с водой и продуктами.

– Там тоже личинки? – недоверчиво спросил Аленочкин. Еще полчаса назад он и представить себе не мог, какой беспредел творят в жарких странах мелкие паразиты-насекомые.

– Нет, что вы, – отмахнулся врач, – просто амебы. Они селятся в кишечнике или в печени. Один мой пациент... – начал он очередной рассказ, но Аленочкин прервал его:

– Скажите, доктор, а дышать без противогаса в Мексике можно?

– Очень хорошо, что вы напомнили, – обрадовался тот. – Я совсем забыл предупредить вас о заболеваниях дыхательных органов. Есть такие маленькие червячки, которые пробираются в легкие. Был у нас в клинике случай...

– Вылечили? – перебил его Аленочкин.

– Конечно, – сказал доктор убежденно. – Мы почти всегда вылечиваем. А пока рукавчик закатайте. Начнем помаленьку.

– Может быть, наконец, и закончим, – пробормотал бизнесмен и прошел вслед за Скороспеловым к одному из стеллажей.

Вышел он из кабинета с испорченным настроением, исколотой рукой и тремя коробками эксклюзивных препаратов, которые должны были защитить его от микробов, паразитов, червей, комаров, амёб и прочей нечисти.

Да и счет, который ему выставили в регистратуре, произвел на него сильное впечатление. Зато теперь он мог быть относительно спокоен: благодаря такому медицинскому арсеналу ни одна вражеская личинка не проползет на территорию его организма.

Глава 9

Дело обрастает подробностями. «Ля фам» под иным углом зрения.

Взлеты и падения завхоза Томилина

В Фонде поддержки малых народов Америки Майе не повезло. Она записалась на прием к начальнику, уволившему Томилина, придумала себе легенду, долго выбирала платье, в котором сможет произвести благоприятное впечатление на Ивана Петровича Коврова. Она про него ничего не знала. Только то, что Ковров был директором административного отдела, у него увели любимую женщину, и он так рассердился, что выгнал виновного с работы. Впрочем, разве можно его за это осуждать? Сначала все мы – люди и лишь потом – начальники или подчиненные.

Секретарша, сидевшая в приемной, явно не годилась на роль той самой женщины. Ей было сильно за пятьдесят, а внешний вид ее говорил о том, что она давно позабыла про «все эти глупости». Сухой рот без следов помады, сухой взгляд из-под прямых бровей, маленькие сухие руки, шныряющие по столу. Как утверждала Вера Витальевна, любовь – это сок жизни, который питает нашу духовную начинку. А если сока нет, сердце становится черствым, как кусок мертвой древесины.

– У Ивана Петровича изменилось расписание, – сказал кусок древесины с плохо скрытым удовольствием. – Он не успевает с вами поговорить.

– Но как же так? – немедленно вознегодовала Майя. – Мне же было назначено! Вы даже не позвонили...

– Абонент был недоступен, – отрезала секретарша.

– Абонент ехал в метро! И это просто свинство какое-то.

В этот миг дверь кабинета отворилась, и из нее вывалилась в приемную плотная толпа мужчин в сбитых на сторону галстуках. Вероятно, закончилось какое-то совещание, проходившее слишком бурно. Возглавлял толпу высокий мужчина с большой головой. На его лице блистали светло-серые глаза, которые немедленно уперлись в Майю и просканировали ее.

– Кто вы? – спросил он, затормозив на секунду рядом с ней и пошевелив ноздрями. Казалось, что он обнюхивает посетительницу – как пес, которому важнее всего ощутить запах незнакомца.

– Я сестра Андрея Томилина, – выдала Майя заранее приготовленную легенду. – Мне просто необходимо с вами поговорить. И вы назначили мне время. – Она вскинула руку с часами к глазам. – И сейчас именно оно.

– Извините, я страшно занят, – четко отрапортовал Ковров и продолжил движение к выходу.

Мужчины потянулись за ним, бросая на Майю короткие заинтересованные взгляды.

– Это нечестно! – возмутилась та, преследуя своего собеседника. Ей приходилось бежать почти что вприпрыжку.

– Честно или нет, но мне не до вас.

Ковров уходил по коридору, нацеленный на что-то срочное и важное – в расстегнутом пиджаке, с горящими щеками, сердитый и абсолютно равнодушный к ее проблемам. Когда Майя сталкивалась с явной несправедливостью, с ней происходили странные метаморфозы. Она превращалась в другую женщину – без тормозов и ограничителей скорости.

– Ну вот что, – заявила она, обогнав Коврова и встав у него на пути. – Так не пойдет.

Он едва не смел ее, шагая широко и гулко. Затормозив, уставился вниз, как лев на клюнувшую его птичку.

– Что значит – не пойдет?

– Не пойдет – и баста. Мой брат умер, и я желаю знать, не вы ли подтолкнули его к краю.

– Умер? – удивленно спросил этот большой и, очевидно, холодный человек. – Он что, бросился вниз с какой-нибудь скалы? Что значит – я подтолкнул его к краю? Я к его горестям никакого отношения не имею, девушка. И разговаривать я с вами собирался, если честно, минуты три, не больше.

– И что бы я успела за эти три минуты? – вознегодовала Майя.

Ковров оглядел своих коллег, проявлявших разную степень заинтересованности, и потребовал:

– Отправляйтесь на рабочие места, договорим завтра.

Толпа неохотно рассыпалась, втянувшись в кабинеты, расположенные дальше по коридору. На улице ликовало солнце, вламывалось в окна, и Майя с Ковровым стояли по колено в солнечном свете, затопившем деревянный пол.

– У вас были личные счеты, – не понижая голоса, обвинила Майя своего визави. Она смело смотрела ему в глаза. Механизм ее смелости работал только на адреналине. Майя неожиданно быстро заводилась, но так же быстро сдувалась, пугаясь собственных выходов. Пока что она была на подъеме. – Андрей чем-то вам не угодил, и вы его уволили не моргнув глазом.

– Ну да! – насмешливо ответил Ковров. – Не моргнув глазом! Очень даже моргнув. Он сопротивлялся.

– А по какому праву вы его уволили? – не сдавалась Майя.

– По праву сильного. У вашего брата был один недостаток, который невозможно игнорировать.

– Личное обаяние. Андрей нравился женщинам.

Ковров посмотрел на нее с сомнением, как кот на дешевую колбасу, раздумывая – съесть или все же не экспериментировать.

– Хорошо, пусть будет так, – согласился он. – Я не желаю обсуждать вашего брата. Тем более, вы говорите, он умер.

– Может быть, он покончил с собой!

– Я здесь при чем?

– Если бы вы сдержали эмоции...

– Вы меня к своим проблемам не примазывайте! – Ковров медленно закипал, и раздражение отразилось в его льдистых глазах. – Советую вам оставить меня в покое. И меня, и вашего умершего брата. Это не дело – ходить по старым адресам и пытаться вытащить на поверхность какие-то совершенно неправдоподобные истории. Да, он работал на меня. Да, он получил наре-
кание. Да, он был уволен. Что тут такого... криминального? Если каждый уволенный работник будет накладывать на себя руки, в большинстве фирм сразу откроется куча вакансий. А у нас пока что, как вы знаете, с рабочими местами проблемы. Выводы делайте сами. На психически неустойчивую личность могло повлиять что угодно, даже собачий лай за стеной.

– Но мне сказали, что вы выгнали его... по личным соображениям!

– Ну и что с того? – Ковров дернул щекой. – Это когда было? Если бы ваш брат пришел домой и сделал с собой что-нибудь сразу после увольнения, ко мне тут же явилась бы милиция. Но меня никто в доведении сотрудника до самоубийства не обвинял. Уж извините! И вот что еще...

Ковров наклонился к Майе, и его лицо оказалось так близко, что она почувствовала запах лосьона для бритья. Его прямой нос почти упирался кончиком в ее собственный.

– Если вы продолжите свои... изыскания, получите в конце неприятный сюрприз. Поймите же, ваш брат уже не был тем милым кудрявым мальчиком, с которым вы вместе шалили во дворе. Он сильно изменился с тех пор. Так что лучше оставьте все как есть. Это мой по-настоящему искренний совет.

– Спасибо, добрый дяденька, – процедила Майя, сжав челюсти.

Она не поняла – угроза это или намеки на то, что с увольнением Томилина связано что-то такое, что может опорочить его самого. «Он уже не был тем милым кудрявым мальчиком», – напомнил ей Ковров.

Майя решила позвонить Сильвестру и обрисовать ситуацию. Пусть он сам решает, что делать дальше. Она вышла из здания фонда и нырнула в ближайшее кафе с офигительным названием «Сытый мерин». Заказала чашку какао и достала из сумочки мобильный телефон.

Сразу вслед за ней в кафе вошел невысокий мужчина в костюме и при портфеле. У него был трусливый и одновременно чересчур независимый вид – как у человека, только что ставшего в ресторане солонку. Он остановился прямо на пороге и уставился на Майю. Та поймала направленный на нее взгляд. Встретившись с незнакомцем глазами, она сразу же прервала звонок и отключила связь. Дело в том, что незнакомцем оказался один из тех мужчин, которые вслед за Ковровым выходили из кабинета после совещания и слышали часть их разговора.

И теперь он ей подмигивал. Совершенно точно – подмигивал. Причем не так, как это делают игривые мужчины, уверенные в своей неотразимости. Он подмигивал многозначительно, намекая на некую тайну. Выходит, за смертью Томилина все же что-то стоит? Неужели его действительно убили? Сильвестр до сих пор так и не сказал, что он думает об этом деле. В ответ на прямые вопросы отвечал: «Я пока не готов говорить на эту тему. Мне нужно больше информации».

Как раз сейчас Майя понимала, что может добыть для босса ту самую недостающую информацию. Она сделала умное лицо и кивнула головой, указав на соседний стул. Она приглашала этого типа за свой столик, чтобы выслушать его. Он быстро двинулся по проходу и сел, поставив портфель на пол.

– Я хочу вам кое-что сказать.

Говорил он вполголоса и наклонился вперед, обдав Майю табачным духом.

– Можете курить, – великодушно разрешила она, зная точно, что Сильвестр не одобрит ее пропахших волос и кофточки. Взяла пепельницу и пальцем подтолкнула ее к собеседнику.

– Благодарю вас. – Он молниеносно достал из кармана пачку сигарет и зажигалку. Закурил и по-джентльменски выпустил дым в сторону. – Я так понял, что вы сестра Томилина?

У него было белое лицо с нежными и влажными губами, живые глаза и очень маленький нос, делавший его похожим на воробья. Хохолок на макушке лишь усиливал забавное сходство.

– Да, и я ужасно расстроена. Вы знали моего брата?

– Угу.

– Как вас зовут?

У Майи было чистое лицо с большими зелеными глазами. Наплевать на такие глаза мог только человек без сердца. Мужчина сглотнул и, покусав нижнюю губу, все же выдавил из себя:

– Антон.

– А вы знаете, Антон, что мой брат погиб?

– Да, я случайно уловил... в коридоре. Поэтому, собственно, и решил вам кое-что, хм, сообщить. Чтобы вы зря время не тратили. Скажите, что ваш брат о своем увольнении говорил?

Майя раздумывала не больше секунды.

– Ничего не говорил! – воскликнула она с досадой. – Я пыталась побеседовать с ним по душам, но он дал понять, что дело очень тонкое. А потом я узнала, что они с начальником поссорились из-за женщины, и тот просто отыгрался на Андрюше...

– Чепуха. – Антон махнул рукой, прочертив сигаретой в воздухе белую пушистую линию. – Это просто камуфляж. Все это было придумано, чтобы скрыть правду. В деле действительно замешана женщина, однако...

Он замолчал и оглянулся на дверь, как будто боялся, что за ним наблюдают. Не заметив ничего подозрительного, наклонился вперед и продолжил:

– Однако не она была причиной увольнения вашего брата. Наоборот, она... она спасла его от позора и разбирательств.

Сердце Майи забилось быстрее. Она чувствовала, что сейчас узнает нечто такое, что может навести Сильвестра на след.

– От позора? Андрюша совершил какое-то... правонарушение? – осмелилась предположить девушка. – И кто такая эта «она»?

– Подруга Коврова. Работает у нас, и ее теплые отношения с начальником отдела, то есть с Ковровым я имею в виду, держатся в строжайшем секрете...

«Ну-ну, – подумала Майя. – Хорош секрет, если его можно узнать вот так, с бухты-бархты».

– В какой-то момент она действительно увлеклась... вашим братом. Он был красивым мужчиной. – Антон повел бровями, и сразу стало ясно, как не нравится ему собственная внешность и как бы он хотел изменить ее. – И когда все вскрылось, она умолила Коврова спустить дело на тормозах.

– Когда все вскрылось? – Майя тоже стала говорить вполголоса, невольно копируя своего собеседника. – Что – все?

Антон сделал еще одну затяжку – очень глубокую, чтобы дым проник в самые дальние уголки его легких. Потом быстро выдохнул и пожал плечами:

– Я понятия не имею.

Майя едва не подпрыгнула до потолка.

– Но как же так?! – уже в полный голос спросила она. – Вы заманили меня в кафе... – Это была неправда, но ее сейчас мало что волновало. – Обещали раскрыть тайну, объяснить непонятное и только все запутали! Может быть, вас ко мне Ковров подослал?

Антон моргнул и выронил сигарету. Она покатилась по полу, и за ней погнались сразу две бдительные официантки.

– Что вы молчите, говорите что-нибудь! – потребовала Майя.

Обычная женская практика – сделать виноватым того, кто хотел тебе помочь, но по каким-то причинам не сумел. Ему и нести груз вины за случившееся.

– Я не заманивал! Я просто хотел прояснить... Чтобы вы не... третируйте эту женщину. Не допытывались. Она ранимая и очень чувствительная...

Майя, которая только вошла во вкус и собиралась ураганить дальше, после этих слов мгновенно остыла. Так вот оно что! Ларчик просто открывался. Тип влюблен в «ту женщину». Догадался, что ей грозит новая серия расспросов, и решил предвосхитить события. Пресечь, не допустить, защитить...

– Но как же быть мне? – спросила Майя печально. Принцесса, заблудившаяся в лесу. Птичка, вылетевшая из клетки и не умеющая добыть себе пропитание. – Кто поможет мне?

Антон почти лег грудью на стол и нервно облизал губы, будто собирался целоваться.

– Вот что, – прошелестел он. – Вам нужен Геннадий Усков. Он врач, психолог, который сотрудничает с фондом. Кажется... Нет, я уверен, что заварушка связана с ним.

– С психологом? – изумилась Майя. – Но почему, ради всего святого? Врач способствовал увольнению Андрюши из фонда? С какой стати?

– Может быть, ваш брат употреблял наркотики? – предположил Антон. – Не нужно делать страшные глаза. Такое случается...

Майя потеряла руками виски. Антон достал из кармана смятую сотню и положил на блюдце.

– Не сдавайте меня Ускову, – попросил он. – Соврите, что вам рассказал об их ссоре брат. Так никому не будет обидно.

– Обещаю, – сказала Майя. – А как мне найти этого... Ускова?

– У меня есть его телефон. И я вам его сейчас продиктую.

* * *

Ускову Сильвестр позвонил сам. Майя не слышала, что он ему говорил, потому что успокаивала на кухне Веру Витальевну. Та разбирала свои последние приобретения, то бишь любовные письма, выпрошенные ею у какой-то старухи дремучих лет, читала их и плакала. Слезы были размером с мелкий виноград, и вид их приводил Майю в смятение. Она тоже сунулась в любовное послание, но почерк оказался неразборчивым, и это мешало ухватить смысл.

Когда она вошла в кабинет Сильвестра, то услышала, как тот говорит в телефонную трубку:

– Жду с нетерпением. Да, я сейчас дома. Я почти всегда дома. Буду вам чрезвычайно признателен.

– Вы общались с Геннадием Усковым? – спросила Майя. – Он обещал приехать сюда?

– Вот именно. Когда я сказал, что Андрей погиб и мы рассматриваем версию преднамеренного убийства, он обеспокоился, начал задавать вопросы.

– Ну, как всякий человек, которого огорошивают такими новостями, – пожала плечами Майя.

– Потом я на всякий случай обрисовал ситуацию так, как ее видит милиция, – продолжал гнуть свое Сильвестр. – Что Андрей покончил с собой. И тогда этот Усков неожиданно поцокал языком прямо мне в ухо и сказал, что желает поговорить со мной всенепременно и как можно скорее. Я ответил, что почти не выхожу из дому, и вот... Он направляется сюда.

– Нам же лучше, – обрадовалась Майя. – Ваши нервные поездки по городу, в прокуренных такси... Ужас!

На самом деле это было преувеличением. Заказывая машину, она всегда требовала некурящего водителя, который не пользуется одеколоном и не брызгает себе в рот мятный спрей, чтобы изо рта у него приятно пахло.

Усков появился через полчаса и, когда вошел в квартиру, сразу же произвел самое благоприятное впечатление на Веру Витальевну. Она любила таких мужчин – подтянутых, жили-

стых, с развернутыми навстречу жизни плечами. На вид ему можно было дать лет сорок пять. У него были умные глаза, которые мгновенно оценили Сильвестра и заискрились приятием.

– Геннадий, – представился он и протянул руку всем по очереди – сначала Вере Витальевне, затем Майе и только потом хозяину квартиры.

Усков сделал тете Вере комплимент – незамысловатый, но очень приятный. И та немедленно поплыла, как девочка, у которой самый красивый мальчик класса попросил точилку. Взгляд ее сделался масляным, на щеках появились ямочки, и она тотчас вознамерилась угощать гостя кексом собственного изготовления. Сильвестр от этих кексов уже на стенку лез, потому что Вера Витальевна обижалась, если каждое чаепитие не сопровождалось поеданием этих самых кексов, которые она насобачилась печь еще на заре туманной юности.

Усков согласился есть кекс, понимая, что нельзя так вот сразу отделаться от обеих женщин и что серьезный разговор последует потом, когда они с Сильвестром останутся одни. Вера Витальевна пригласила всех на кухню – как на свою собственную! – и вызвалась хозяйничать. Майя осталась не у дел, для нее это было непривычно и странно. Однако гость оказался любезным и довольно веселым. Рассказал несколько басен из своей практики и объяснил, что с Фондом поддержки малых народов Америки сотрудничает не слишком тесно. Тестирует сотрудников при приеме на работу, а также дает консультации, если кто-нибудь в них нуждается. У него есть свой кабинет, в котором он бывает по вторникам и пятницам лишь в первой половине дня.

– Зарплата не слишком высокая, да и не нужна мне она, – признался он, обращаясь непосредственно к Сильвестру, который отрекомендовался ему не только другом Томила, но и частным сыщиком. – Однако фонд дает мне другое – связи, возможности ездить, находить новых клиентов. Это еще один круг общения, необходимый всякому специалисту, работающему на себя. На самом деле я частный практикующий врач и львиную долю времени провожу в клинике. Просто не хочу, чтобы вы подумали, будто я какой-нибудь недоучка, отыскавший теплое местечко по благу.

Он широко улыбнулся, предлагая оценить шутку. Блестящий вид Ускова, его повадки лидера не позволяли такое даже предположить. Одет он был в вельветовые брюки и светлый пуловер, руки держал на виду, и были они у него красивые и спокойные, какие, вероятно, и должны быть у всякого доктора. Руки врача внушают уверенность, они властвуют над пациентом, и с этим приходится считаться.

Улыбаясь, Усков впервые посмотрел на Майю в упор. Конечно, он сразу обратил внимание и на ее хорошенькую мордашку, и на огромные зеленые глаза, однако вел себя деликатно и во время чаепития бросал на нее лишь короткие, хотя и весьма заинтересованные взоры.

– Вы женаты? – тотчас спросила тетя Вера, заметив его интерес. Она желала знать, какие карты на руках у противника, еще до начала игры.

Однако добыча легко ушла от ответа – в конце концов, тетя Вера имела дело с психологом.

– Смотря что под этим понимать, – усмехнулся Усков. – Штамп в паспорте или действительное положение вещей...

«Ясно, женат», – решила Майя, по достоинству оценив экстерьер гостя. Таких уверенных в себе, нерядовых расхватывают тепленькими прямо в вузе. А потом если и выпускают из рук, то лишь потому, что какая-то хищница вонзает когти и тянет на себя.

Когда Сильвестр замечал, что Майя на какого-то мужчину положила глаз, он становился мрачнее тучи. Это и понятно. Если Майя влюбится и, не приведи господи, выйдет замуж, супруг непременно уведет ее с собой, и он снова останется без помощницы. А хорошую – да что там! – просто вменяемую помощницу найти ой как непросто.

В данном случае мрачнеть ему было невыгодно, и он себя пересилил. В конце концов, этот Усков вскоре уйдет, и они его больше никогда не увидят. Женщины захлопотали, убирая

со стола, а Сильвестр повел гостя в кабинет, усадил на диван, а сам устроился в кресле напротив.

– Вы хотели мне что-то сказать, – напомнил он, имея в виду их телефонный разговор.

– На самом деле я хотел узнать, как продвигается ваше расследование. У вас есть какие-то подозрения?

Сильвестр печально улыбнулся, неопределенно пожав плечами:

– Моим подозрениям не хватает пищи. Мне нужна информация. Я собираю ее тщательно. И теперь вот как раз дошел до вашего фонда.

– Но ведь с момента ухода Томилина и до его гибели прошло много времени, – удивился Усков.

Он сидел, забросив ногу на ногу и откинувшись на спинку дивана. Не слишком расслабленно, но и не особо напряженно.

– Андрей проработал там немало времени и вдруг ни с того ни с сего ушел. Это неожиданное увольнение, нежелание рассказывать близким о его причинах не могут меня не тревожить. Я должен знать, почему он оставил работу, которая ему совершенно точно нравилась. Раз вы психолог, мимо вас вряд ли проходят увольнения сотрудников, верно?

– Вы поэтому захотели со мной поговорить? – прищурился Усков.

– А есть еще какая-то причина, которая могла бы меня на это подвигнуть?

– Да, есть. Именно я стал инициатором увольнения Томилина с работы. – Сильвестр присвистнул, сделав вид, что никогда об этом не слышал. – Вашему другу нужно было бы сказать спасибо, что руководство фонда не передало дело в компетентные органы, иначе...

– Что он натворил?

Сильвестр вспомнил Томилина, каким он был, когда они служили вместе. Дружелюбный, веселый, отважный... С мелкими недостатками, которые если и могли кого рассердить, то лишь щепетильную даму. Он любил к месту и не к месту рассказывать пошлые анекдоты и, причесываясь, всегда со свистом продувал расческу. Он форсил, перед девушками ходил гоголем и мог спокойно отбить подружку у приятеля. Серьезных грехов за ним не водилось, и Сильвестр с напряжением всматривался в лицо Ускова, который знал что-то такое, что не вписывалось в этот образ нормального парня.

– Мне не удалось схватить его за руку, но...

Предупрежденный, что курить в квартире нельзя, Усков тем не менее машинально похлопал себя обеими руками по нагрудным карманам, отыскивая сигареты. В рубашке, под пуловером их не оказалось, и он досадливо крикнул:

– В машине оставил. Специально, чтобы не соблазняться.

– Вы говорили про то, что Томилина не удалось схватить за руку, – напомнил Сильвестр.

– Да-да. Так вот. Вы должны знать, что фонд в том числе занимается сохранением культурного наследия малых народов. На частные пожертвования руководство снаряжает небольшие экспедиции, ведущие поиски, а порой и раскопки древних захоронений или культовых мест, которые упоминаются в древних рукописях. Есть сотрудники, которые с этими рукописями работают. Замечательные, к слову сказать, специалисты. С того момента, когда Томилинин устроился к нам на работу, экспедиции – одна за другой – стали терпеть неудачу.

– Не находили нужное место? – предположил Сильвестр, мозг которого лихорадочно работал. Впрочем, заметить это могла лишь Майя, которая знала босса как облупленного. А Майи в комнате не было. Так что со стороны он выглядел совершенно обычно.

– Находили, – покачал головой Усков и развел руками. – Только все самое ценное оттуда оказывалось уже... хм... изъято. Священные места были разграблены.

Он не стал расширять свою мысль, и в комнате на некоторое время воцарилась тишина.

– То есть вы обвинили Томилина в том, что он сливал кому-то информацию о старых могильниках и всяких древних кладках?

– Обвинил, – ответил Усков с печальной серьезностью. – Думаете, мне это было приятно? В конце концов, я не служба безопасности. Мало того, я полагаю, он сам участвовал в этих вылазках. Если бы вы знали, что творилось на месте захоронений, когда туда приезжали наши ребята! Я случайно обратил внимание. Как только наш Майский – это руководитель научной секции – объявлял о том, что экспедиция собирается ехать туда-то и туда-то, Томилин немедленно брал отгулы или несколько дней за свой счет и сваливал. Никому, кажется, и в голову не приходило, что у него рыльце в пушку. Только я один задумался, но не стал проверять эту версию. Томилин мне нравился...

Он хмыкнул с такой горечью, как будто обманули его лучшие надежды.

– Руководство засекретило информацию после нескольких провалов. Все же потеря средств, и немалая. Однако на деле вся эта секретность означала лишь то, что руководитель научной секции Майский со своими ребятами просто перестал оставлять бумажки на столе.

– Томилин работал завхозом? – на всякий случай уточнил Сильвестр.

– Вот именно. Для завхоза не существует препятствий в виде замков на входных дверях, запертых ящиков стола и так далее. Однако все это оставалось лишь на уровне подозрений до тех пор, пока я не услышал его разговор по телефону. Он вышел, знаете ли, на улицу, отошел от здания и остановился возле газетного киоска. Так получилось, что я оказался поблизости...

– Получилось? – с недоверием уточнил Сильвестр.

– Если вы думаете, что я следил за ним, то ошибаетесь, – повел бровью Усков. – Я действительно услышал разговор случайно. Его содержание не оставляло сомнений в том, что Томилин знает о последних изысканиях Майского и собирается опередить его со своей... командой.

– Андрей называл имя того, с кем разговаривал? – быстро поинтересовался Сильвестр. – Вы запомнили?

– Он говорил просто – привет, пока, сделай, позвони. Безлично. Однако его собеседником был мужчина.

– Вы обнаружили свое присутствие, когда поняли, что секретная информация только что куда-то уплыла?

– Нет, – покачал головой Усков. – Это было бы неправильно. Я вернулся на рабочее место и сразу же отправился к руководству. Томилина вызвали на ковер, и кажется, он прокололся, потому что его уволили прямо там, в кабинете. Вернее, он написал заявление по собственному желанию.

– Почему его пожалели? – Сильвестр подался вперед и смотрел на психолога с напряженным вниманием.

Тот пожевал губами, словно старик, раздумывающий, выпить ли ему еще рюмочку ликера или отправиться на боковую.

– Так почему?

Усков вскинул глаза и бесхитростно ответил:

– У Томилина нашлась покровительница. Он нравился некой женщине, которая, скажем так, имела влияние на одного из руководителей. Она попросила за Томилина. Иначе, боюсь, попал бы он под следствие. Впрочем, может, целее был бы... Так что с ним случилось, можете рассказать?

Сильвестр помедлил.

– Теперь, полагаете, ваша очередь спрашивать?

– Я же доктор, я привык к покладистым собеседникам, – улыбнулся Усков.

– Ну уж так и покладистым... Не думаю, что к психологу все как один приходят с готовностью вывернуть душу наизнанку.

– Да, встречаются и твердые орешки, – согласился тот. – Но вы не ответили на вопрос. Как Томилин погиб?

– Он утонул в собственной ванне.

– И?..

– У меня есть основания подозревать, что он не сам утонул – ему помогли. Например, тайком подсыпали снотворное в алкоголь и дали захлебнуться, когда он задремал в ванне, полной воды.

– Возможно, вы правы, – сказал Усков. – Я бы тоже стал искать убийц, а не сетовать на несчастный случай. Я решительно не верю в самоубийство этого человека.

Сильвестр склонил голову к плечу.

– Вот как? – спросил он.

– Да. Все же я врач, не забывайте. Если бы у Томилина были суицидальные наклонности, я бы понял. Есть совершенно определенные признаки, которые не могут остаться незамеченными в процессе общения. А мы с ним достаточно часто общались.

– С какой стати? Вы же сами сказали, что бываете в фонде всего два раза в неделю.

– Томилин приходил ко мне за консультациями. У него была девушка, с которой он очень давно встречался. Она хотела замуж, а он сильно сомневался в том, что готов к такому шагу. Впрочем, с девушкой расставаться тоже не хотелось. Он решил, что я буду ему хорошим советчиком. Так что я действительно общался с ним довольно плотно.

– И вы не верите в самоубийство?

– Не верю. Потому что не думаю, что после увольнения в его душе произошел какой-то надлом. Нет, Томилин был сильной личностью с устойчивой психикой. Я категорически против самоубийства. Собственно, это все, что я хотел вам сказать. Если потребуется, я дам показания в милиции. Странно, что они ко мне не приходили.

– Ничего странного. Следователь закрыл дело. Он не сомневается, что произошло самоубийство. Или несчастный случай.

– Эта версия мне тоже не нравится. Томилин не любил пить таблетки. Однажды у нас зашел разговор о лекарствах, и он сказал, что не принимает лекарств из-за того, что боится подделок. Вы же знаете, какая у нас ситуация с поддельными лекарствами. Никто ничего не гарантирует. Томилина это пугало.

– Возможно, у него был стресс и он изменил своим принципам. Если ему выписали снотворное...

– Снотворное ему вряд ли было прописано. Типы с таким богатырским здоровьем редко страдают бессонницей. Даже несмотря на стресс.

– Но его совесть была нечиста, – напомнил Сильвестр.

– Бросьте, – резко сказал Усков. – Томилин ни капли не испугался, когда его прижали к ногтю. И не раскаялся. Был раздосадован – это да. Но не более того.

– Он знал, что это вы его сдали?

– Кажется, ему сказала та женщина.

– Да-да, покровительница...

– Уходя, Томилин встретил меня в коридоре и коротко бросил: «Спасибо, док». Я не понял, была ли это ирония, потому что он знал, или он поблагодарил меня за все, что я вообще для него сделал.

– А что вы для него сделали? – уточнил Сильвестр.

– Я его консультировал, забыли? Бесплатно, как сотрудника фонда. Будь он моим рядовым пациентом, пришлось бы раскошелиться.

– Почему вы тратили на него столько времени? Ведь вряд ли это входило в ваши обязанности?

Усков снова похлопал себя по груди и бокам в поисках сигарет. Ничего не нашел и сложил руки перед собой шалашиком:

– Потому что я ему симпатизировал, я уже говорил. Он казался неплохим парнем, ваш Томилин.

«Раньше он и был неплохим», – подумал Сильвестр. С годами люди все же сильно меняются. Иной человек напоминает спелый плод, внутри которого сидит червоточина. Снаружи незаметно, но стоит раскусить его...

В дверь кабинета громко постучали. Сильвестр не успел ответить, когда она отворилась и на пороге появилась взволнованная тетя Вера.

– Сильвестр, я просто не могу с вами не поделиться. Знаете, как Чепукин отомстил соседям за то, что его едва не линчевали на лестнице? – Она посмотрела на него с пронзительным сочувствием. – Он купил баян.

– Баян? – обалдело переспросил тот.

– Но самое страшное в том, что он умеет на нем играть.

– Хотите сказать, это кваканье, которое доносится неизвестно откуда...

– Вот именно. Он фигачит на этом проклятом баяне ровно с одиннадцати утра. С короткими перерывами на то, чтобы сходить в туалет. Ест он, как я понимаю, не отрываясь от инструмента. Наверное, сидит прямо у холодильника.

– И что я должен делать? – растерялся Сильвестр.

– Подписать петицию. Четвертый этаж предлагает вызывать МЧС, а седьмой – снять с Чепукина скальп. Дети спустили ему на балкон кошку в авоське, она орет как оглашенная. Однако на этого типа ничего не действует. Он делает вид, что вокруг пустыня Сахара.

– Пожалуй, мне пора идти, – сказал Усков, поднимаясь. Он улыбался.

Сильвестр снова подумал – как хорошо, что у этого типа нет возможности поближе познакомиться с Майей. Однако он недооценил находчивость гостя. Уходя, Усков вручил его помощнице шершавую визитную карточку, на которой ручкой подчеркнул номер мобильного телефона. Майя зарделась от удовольствия.

Когда за психологом закрывали дверь, в коридор ворвались звуки вальса «На сопках Маньчжурии», и его помощница выразительно закатила глаза.

– Итак, – повернулся к ней Сильвестр. Взгляд его сделался жестким. – Мне просто необходим специалист, который разбирается в археологических находках. И как можно скорее!

Глава 10

Автобус как средство межнационального общения. Споемте, друзья!

Старенький автобус пробирался на юг, весело подпрыгивая на кочках. Дорога из Мехико занимала едва ли не больше времени, чем сам перелет. День близился к концу, а до Тутсла-Гутьеррес оставались еще многие километры пути. Это была столица южного штата Чьямпас, именно там назначили сбор экспедиции. Фонд держал в Мексике своих людей, платил им зарплату, и Майский всецело полагался на их компетентность и опыт. Эти-то ребята, отлично экипированные, как раз и ждали Аленочкина и его спутников в Тутсла-Гутьеррес.

Майский понятия не имел, что Аленочкин на самом деле собирается делать в Мексике. Он полагал, что цель экспедиции – древний Город художников. Да и с чего бы ему в этом сомневаться? Бизнесмен обнаружил отчет английской экспедиции, карту... Загорелся... Захотел приключений... С кем не бывает? С ним самим сто раз такое бывало.

На самом деле Город художников интересовал Аленочкина совсем по другой причине. И об этой причине он своему другу Майскому ничего не сказал. Друзей вообще лучше не посвящать в дела, имеющие отношение к бизнесу. Это всегда заканчивается одинаково плохо. На всякий случай Аленочкин попросил в сопровождающие биолога. В конце концов, ему могли

понадобиться консультации. Ведь он никогда в жизни не видел, как выглядят шоколадные деревья. А уж отличить на глаз новый сорт какао от уже известных он тем более не мог.

Для того чтобы застраховать себя от всяких случайностей, Аленочкин попросил Майского никому не говорить, что он принимает личное участие в экспедиции. И вообще о том, что он улетел в Мексику. Майский про себя удивился, но, конечно, пообещал.

С внутренними авиалиниями в Мексике было плоховато, и Аленочкину пришлось смириться с необходимостью тащиться через всю страну на колесах. Как ему сказали – обычное дело. Надеясь сохранить инкогнито, он отказался от туристических автобусов и решил ехать местным рейсом. Плодами своей осторожности он наслаждался уже десять часов кряду. Антикварный автобус, в котором оказался бизнесмен, по уровню комфорта находился где-то между крестьянской телегой и фургоном покорителей Дикого Запада. Жесткие сиденья на каждом ухабе норовили выкинуть ни в чем не повинных пассажиров, стекла отчаянно дребезжали, салон заполняла удушающая смесь дорожной пыли и тяжелого бензинового запаха.

Давно отвыкший от бытовых неудобств, бизнесмен пребывал в скверном настроении. Мексиканцы же, напротив, чувствовали себя превосходно, весело гомонили и смеялись. Темперamentное южное солнце припекало, все цвета вокруг казались нереально яркими, но у Аленочкина уже не было сил любоваться красотой окружающего мира. Прислонившись затылком к оконному стеклу, он закрыл глаза и вскоре задремал. Его спутники – молодой переводчик Паша Бочкин и биолог Семен Железякин – нашли себе занятия по интересам. Железякин с неподдельным интересом разглядывал пейзажи за пыльным автобусным окном, а Бочкин налаживал контакт с местными жителями.

В автобусе находились еще несколько европейских туристов, которых по какой-то нелепой случайности занесло в мексиканскую глушь. Они возбужденно переговаривались, размахивали камерами и фотографировали все подряд.

Когда Бочкину и Железякину предложили отправиться в Мексику в качестве сопровождающих Аленочкина, оба не раздумывая согласились. У начинающего переводчика было вполне естественное желание пообщаться с носителями испанского языка, на котором он специализировался. Ботаник Железякин еще ни разу не покидал пределов родной страны, тропические растения знал по справочникам и лабораторным образцам и теперь жадно впитывал новые впечатления.

Еще в самолете Аленочкина стало беспокоить поведение Бочкина. Он опасался, что прыткий молодой человек станет жертвой собственной неумной общительности. И не ошибся. Разговор Паши с пассажирами-мексиканцами становился все оживленней, к нему стали присоединяться новые участники. Минут через пять спорящие объединились и, перекрикивая друг друга, стали что-то горячо втолковывать Бочкину. Еще через несколько минут беседа велась уже на повышенных тонах.

Напрямую не участвовавшие в дискуссии мексиканцы поддерживали своих сограждан одобрительными выкриками. Обеспокоенный нарастающим шумом и не понимающий ни единого слова по-испански, Железякин, воспользовавшись короткой паузой, нервно спросил:

– Паша, все в порядке? Почему они на тебя кричат?

– Все в норме, – улыбнулся тот. – Политику обсуждаем. Тут так принято, не обращай внимания.

Но едва только успокоившийся Железякин захотел воспользоваться советом, как разразилась буря. Высокий человек, сидевший через проход от спорщиков, поднялся с места и окинул переводчика высокомерным взглядом.

– Ты! – воскликнул он и махнул рукой в сторону Паши. – Что ты о себе возомнил? – Он был похож на индейца, как их изображают в учебниках истории, и говорил по-испански со странным акцентом. Бочкин, с удивлением рассматривая странного индейца, подумал, что, вероятно, перед ним самый настоящий потомок майя. Или инков.

– Чертов гринго, думаешь, ты можешь вот так запросто разговаривать с нами? Какое право ты имеешь рассуждать о нашей стране, проклятый поработитель! – вещал индеец с величественным видом.

– Я не гринго, – начал оправдываться Паша.

– Ты мне не рассказывай! – перебил индеец. – Я вас, собак, нюхом чую!

– Гринго, – загомонили мексиканцы, которые, обретя жожака, вмиг утратили бывшее дружелюбие. – Мерзкие северяне!

– А что это твой дружок там отмалчивается?! – возопил индеец, ткнув пальцем в плечо Железякина. Тот вздрогнул и повернул голову.

– Что вы в меня тыкаете, гражданин? – сказал он по-русски, вложив в эту фразу все свое негодование. Индеец не понял смысла, но звучание иностранного языка привело его в ярость.

– Вот о чем я говорил! Железная пята глобализации вытаптывает нашу многострадальную землю! – Речь аборигена удивительно смахивала на предвыборные дебаты.

– Мы-то здесь при чем? – взвился Паша, но индеец величественным жестом отмахнулся от него.

– Прихвостни мирового империализма! Мы не сдадимся! Да здравствует Мексика!

– Ура! – взорвался криками автобус.

Тут индеец-популист гордо вскинул к грязному потолку автобуса горбоносое лицо, закрыл глаза и затянул:

– «Мексиканос, аль грито де герра, эль асеро апреста и эль бридон!»

Пел он медленно, с чувством. Аудитория тихо и восторженно подвывала, преданно глядя на поющего.

– Что это? – спросил шепотом Железякин. – Что он поет?

– «Мексиканцы, на рев войны сталь готовьте, коня, и в путь...» Ничего не понимаю, – тревожно отозвался Бочкин. – Хотя... Мотивчик знакомый. Сейчас, сейчас... Вспомнил! Это же гимн.

– Может, встать надо? – испуганно поинтересовался биолог. – А то еще бить начнут.

– И правильно сделают! – подал голос проснувшийся от пения Аленочкин. – Паша, я тебя, кажется, просил не устраивать нам проблем. Вот что он делает?

– Поет государственный гимн, – понуро ответил переводчик.

– Чем нам это грозит?

– В лучшем случае выкинут из автобуса, – сообщил Паша.

– Ну а в худшем? Учитывая, что певун этот все время в нас рукой тычет.

– Могут убить. И снять скальп.

– Дикость какая, – поморщился Аленочкин, – зачем им скальпы? Тем более Железякина. У него разве что со спины...

Практически лысый Железякин, невзирая на трагичность ситуации, негодуя глянул на генерального спонсора экспедиции, но огрызнуться не посмел.

– А чего вдруг они так возбудились? – спросил Аленочкин.

– Гринго мы, – ответил Паша.

– Кто?

– Гринго – белые, бледнолицые...

– Да? Пусть на себя посмотрят – по цвету как копченые куры. Что нам по этому поводу – гимн России им спеть?

– Интересно, что они станут делать, когда допоят? – задал вопрос по существу Железякин.

В этот момент индеец закончил петь первый куплет и сделал паузу, чтобы перевести дух.

– Так, парни. – Аленочкин понял, что надо действовать решительно. – Надо мириться с аборигенами. Причем быстро, нам тут еще жить и работать. Что бы такое сделать, чтобы этому Чингачгуку понравиться?

Потомок древнего и гордого народа тем временем затянул следующий куплет, грозно поглядывая в сторону совещающихся чужеземцев.

– Может, денег ему предложить? – робко высказался Железякин.

– Нет, этот идейный, только разозлится. Скажет – глобалистические гринго скупают их бессмертные души. Лучше бы напоить, только водки нет, – возразил виновник торжества Паша.

И оба грустно посмотрели на Аленочкина. Он вгляделся в их полные тоски глаза и вдруг радостно заявил:

– Будем петь! Ты, Паш, хоть несколько слов знаешь?

– По-испански?

– Нет, блин, по-румынски. Слова этого гимна, естественно. Покажем, что мы друзья, споем вместе. На всяких мероприятиях это очень сближает.

Паша, чувствуя свою вину и ответственность за происходящее, не дожидаясь приглашения, сорвался с места и, спотыкаясь о ноги других пассажиров, пробрался вплотную к самозабвенно поющему индейцу. Срывающимся голосом Бочкин заголосил:

– «Сина «О, Патрия!» ту съенес де олива...»

Аленочкин, которого никогда не покидало присутствие духа, уже успел разыскать на последней странице своего универсального путеводителя текст гимна, и они с Железякиным дружно грянули со своих мест:

– «Де ла пас эль аркангель дивино...»

Индеец замер. Такого поворота событий он никак не ожидал. Мексиканцы тоже притихли, но через несколько строк начали подпевать уже белым пришельцам. И вскоре гимн хором распевал весь автобус, включая водителя и европейцев, которые, кажется, готовы были участвовать в любых акциях, включая коллективное самосожжение.

– Теперь мы правильные гринго, – облегченно заметил Аленочкин, обращаясь к своим спутникам. – Во всяком случае, убивать нас пока не станут. Вон, вождь их совсем скис.

– Будем надеяться, – осторожно ответил Железякин. – Да, веселье пошло, только текилы не хватает.

Но текила вскоре появилась, и когда автобус въехал в город, его пассажиры были как одна большая дружная интернациональная семья.

* * *

Аленочкин, не привыкший расслабляться до конца, особенно в незнакомых местах, уже давно приметил в дальнем углу автобуса хмурого бородача с пронзительным взглядом. Он один не разговаривал, не пил и не улыбался и постоянно шарил глазами по сторонам, как будто выискивал что-то. Единственный раз встретившись взглядом с Вячеславом, он вздрогнул и демонстративно отвернулся.

Когда автобус остановился, именно этот пассажир первым выскочил наружу и торопливо зашагал прочь, то и дело оглядываясь. Хотя поведение мужчины выглядело немного странным, Аленочкин быстро забыл о нем – начинались более важные дела.

Автобус уехал, на прощание окутав членов экспедиции клубами синего дыма. Они стояли на центральной площади Тутсла-Гутьеррес. Однообразные белые дома, зелень, пыльные улицы – пейзаж довольно скучный. Зато радовало глаз отсутствие туристов и экспортной экзотики. Соседний Сан-Кристобаль, культурный центр штата, был, конечно, куда интереснее для путешественника, но Аленочкину хотелось быть поближе к цивилизации, и он выбрал деловую столицу. Их гостиница располагалась в нескольких минутах ходьбы от площади. Туда они и

направились, с трудом веря, что наконец удастся отдохнуть после двух дней пути. Из гостиницы бизнесмен позвонил Заварову – руководителю подготовленной здесь, на месте, экспедиции. Эти люди уже ждали гостей из Москвы и готовы были отправиться в путь по первому их слову.

Глава 11

Не ходите, гринго, в Мексику гулять.

Мы нашли его! Шоколадные будни

Экспедиция была оснащена по высшему разряду. Пять новеньких грузовичков везли в сердце джунглей гору самого современного оборудования. Все это было закуплено и доставлено в Тутсла-Гутьеррес накануне прибытия Аленочкина и его сопровождающих. Ученые собирались исследовать древний город и потому взяли с собой все, что хотя бы теоретически могло пригодиться. Выделенных денег хватило даже на новую походную одежду экстра-класса. Впрочем, Вячеслав не жалел о потраченных средствах, ведь они обеспечили комфортные условия не только археологам, но ему самому и его помощникам.

Где точно находится город, никто не знал – в распоряжении членов экспедиции находились лишь старые карты. Было известно, что руины расположены неподалеку от индейской деревушки, затерявшейся в тропических дебрях. Власти до сих пор не сподобились проложить до деревни более-менее приличную дорогу, и экспедиции пришлось довольствоваться старой разбитой просеккой, которая отходила от шоссе.

Они провели в пути двое суток, ночуя в стороне от дороги и выставя на ночь вооруженных часовых: кроме зверья, в этих краях можно было легко столкнуться с бандитами, и неизвестно еще, что хуже.

На третий день, ближе к полудню, на горизонте показался дымок. Аленочкин, сидевший в головной машине с начальником экспедиции Юлием Заваровым, молча ткнул пальцем в направлении дыма.

Известный археолог Заваров работал в мексиканской штаб-квартире фонда с момента его основания. Глубокий загар, выцветшие волосы и ранние морщины выдавали в нем человека, много лет прожившего на юге. Жизнь на чужбине сказалась и на его манере говорить: в его речи то и дело проскальзывали уже знакомые испанские интонации и странные туземные словечки. Мексиканцы, которые составляли добрую половину отряда, держали его за своего и называли Хулио.

Посмотрев в ту сторону, куда указывал Аленочкин, Юлий-Хулио сказал:

– Это деревня. Разместимся поблизости и будем выяснять обстановку.

– Как вы хотите найти нужное место? Вы доверяете старым картам? – поинтересовался Аленочкин. Он был представлен Заварову как спонсор экспедиции, но Вячеславу совсем не хотелось, чтобы его считали богатым туристом, которому охота поглазеть на красивые камни. Поэтому с самого начала он взял действия ученого под контроль и требовал, чтобы тот держал его в курсе происходящего. А так как Заварова то и дело сносило на покровительственный тон, Вячеславу приходилось его немного осаживать. Аленочкин хотел понять, как скоро удастся разыскать нужное место.

– Не слишком. Тем более что там указано лишь приблизительное местонахождение нашего объекта, – ответил Заваров, рассматривая что-то вдали.

– И каковы наши дальнейшие действия? – настаивал на определенности Аленочкин.

– Точное расположение города, мне кажется, мы выясним у жителей деревни. Они наверняка знают или, во всяком случае, слышали про него. Со стариками поговорим.

Примерно то же говорил и Майский, так что Аленочкин до некоторой степени был уверен, что пока они на правильном пути.

– Если все сложится удачно, – продолжал Заваров, – завтра можно выдвигаться в джунгли. Основной лагерь устроим здесь, а дальше будем решать в зависимости от того, как далеко окажется город.

– Вот и замечательно, – резюмировал Вячеслав.

Все шло, как и было задумано, сложностей не предвиделось. Машины обогнули селение и остановились на большой поляне, к которой вплотную подступали деревья. Пока шло обустройство лагеря, со стороны деревни подошли несколько человек и, остановившись на солидном расстоянии, стали наблюдать. Но когда почувствовали, что их заметили, поспешно удалились.

– С ними могут быть проблемы? – поинтересовался Аленочкин у Заварова.

– Вряд ли. Обычное любопытство, не более, – успокоил его начальник экспедиции. – Я сейчас кого-нибудь к ним отправлю, может, удастся найти для нас проводника.

Идти в деревню вызвался лихого вида усатый мексиканец Альварес, которому, видимо, не терпелось размяться после трех дней вынужденного бездействия. Вячеслав ничуть не удивился, когда Паша Бочкин попросился с ним. Открытый и дружелюбный, переводчик вызывал всеобщую симпатию, поэтому никаких возражений не последовало.

Вечером, когда все было готово, участники экспедиции разбрелись по своим местам, намереваясь отдохнуть перед завтрашним походом. Аленочкин, Заваров и Железякин сидели в штабной палатке и коротали время в ожидании Альвареса и Паши. Наконец они появились. Причем Альварес сел в углу на складной стул и стал пить из фляжки, а Бочкин принялся за рассказ, не дожидаясь вопросов. Терпеливо выслушав монолог, посвященный быту индейцев, Аленочкин прервал оратора, когда тот было собрался устроить им экспресс-урок языка майя.

– Все это очень интересно, но теперь хотелось бы услышать конкретные результаты вылазки в деревню.

– Мы нашли проводника, – затараторил как ни в чем не бывало Паша. – С трудом, правда, но нашли. Никто почему-то не хотел идти в этот город. Мы сначала даже не поняли, в чем дело: стоило спросить о развалинах, люди сразу мрачнели, отворачивались, начинали перешептываться. В итоге стало понятно, что они знают это место, но не желают о нем говорить. Мы обошли всю деревню, пока не отыскали человека, который согласился показать дорогу. Но непосредственно в город он идти наотрез отказывается, и никакими средствами его переубедить не удалось.

Альварес, внимательно слушавший Пашин монолог, одобрительно кивал головой, хотя ни слова по-русски не понимал.

– Значит, завтра выдвигаемся в шесть утра, – подвел черту Заваров. – К этому времени все должны быть готовы. В лагере остаются три человека для охраны.

– Отлично, – одобрительно кивнул Аленочкин. – Значит, в пять подъем, а сейчас отбой.

И вскоре лагерь, где постепенно погасли все огни, погрузился в таинственный мрак тропической ночи. Лишь в центре оставался гореть большой костер, поддерживаемый караульными.

* * *

Утро следующего дня выдалось тяжелым. Аленочкин быстро убедился, что он сильно недооценивал трудности, с которыми им предстояло столкнуться. Путь от лагеря до заброшенного города он почти не запомнил, поскольку все силы тратил на то, чтобы не отстать от остальных.

ных. Примерно так же, видимо, чувствовал себя и Железякин, который вообще был непривычен к жизни вне стен лаборатории. Паша держался молодцом, но и ему приходилось несладко.

Отряд несколько часов пробивался сквозь джунгли. Никаких дорог не было в помине – только тропы, которые мог разглядеть лишь их проводник. Ловкий, проворный, он уверенно вел их через дебри. Время от времени они делали короткие остановки, чтобы зафиксировать на картах изменения маршрута.

В какой-то момент Вячеслав заметил, что в зарослях виднеются высокие каменные столбы, врытые в землю. Они покосились от времени и заросли мхом, но выглядели величественно. Кажется, экспедиция приближалась к цели.

Вскоре проводник, издав короткий выкрик, остановился. Все сгрудились вокруг него. Индеец быстро заговорил, беспокойно оглядываясь по сторонам. Альварес, хорошо понимавший здешнее наречие, стал переводить на испанский, а Паша, втиснувшись между Аленочкиным и Железякиным, транслировал то же самое по-русски.

– Он говорит, мы дошли до старой дороги, которая ведет в город.

Вячеслав опустил глаза и увидел, что они действительно стоят на мощеной дороге. Камни глубоко ушли в землю и во многих местах были едва различимы, но когда-то здесь явно проходил большой и широкий тракт.

– Дальше он провести нас не может, – продолжал Бочкин. – Существует что-то вроде табу... Им запрещено приближаться к городу. И он пытается предостеречь нас... – Паша на секунду замолчал, прислушиваясь. – Если мы нарушим запрет и войдем в город, мы столкнемся со злой силой, которая наверняка нас погубит. Больше он ничего рассказать не может, потому что им не разрешается даже говорить об этом городе.

– А куда нам дальше идти, он не собирается объяснить? – спросил Аленочкин раздраженно. Мистический флер вокруг развалин начал ему надоедать.

– Вот сейчас как раз объясняет, – ответил Паша и замер в напряженной позе. – Уверяет, что эта дорога выведет нас напрямик к городу. Он сделал все, что было в его силах, и теперь возвращается домой, чтобы не навлечь беду на себя и своих близких.

Сказав что-то на прощание, индеец махнул рукой и исчез в зарослях.

Начальник экспедиции отдал команду, и отряд двинулся дальше по дороге. Люди выглядели подавленными. Конечно, научных работников тяжело испугать легендами, но все же туманные намеки проводника и неподдельная тревога на его лице подпортили настроение. Аленочкин был едва ли не единственным человеком, который испытывал не огорчение, а злость. Еще бы, какой-то индеец со своими суевериями не довел их до города. А вдруг они заблудятся?

– Паша, – окликнул Вячеслав переводчика, который шел немного впереди. Тот притормозил, дав шефу возможность поравняться с ним.

– Да?

– Хотел у тебя спросить. Проводник этот все время повторял «дьябло» или что-то в этом роде.

– Дьябло. Дьявол по-испански, соответственно.

– А к чему он это говорил? Ругался? – улыбнулся Вячеслав.

– Нет. Дело в том, что это место вообще-то называют Город художников, но местные именуют его не иначе, как Дом зла или Обитель дьявола. Ну, или что-то в этом роде.

Разговор угас, а спустя некоторое время экспедиция подошла к огромным каменным воротам, от одного вида которых захватывало дух. На самом верху находился барельеф, изображавший свирепый лик неведомого божества. Аленочкину хватило одного взгляда на него, чтобы понять – аборигены выбрали правильное определение.

* * *

Подогнать сюда машины было невозможно, поэтому пришлось разбить второй лагерь, в котором участники экспедиции собирались обосноваться на ближайшее время. Аленочкина их планы не особенно интересовали. Он собирался разыскать здесь то уникальное дерево, за которым, собственно, и забрался в такую даль. Действовать приходилось крайне осторожно, чтобы не привлечь внимание любознательных ученых.

В первый день ему с помощниками пришлось поучаствовать в коллективном осмотре города. Все было точно так, как описано в отчете первой и единственной экспедиции, только в реальности руины выглядели куда более устрашающими. Хаотические росписи, странные по исполнению и пугающие по содержанию, жутковатые барельефы, огромные здания, сверху донизу испещренные полустертыми изображениями и непонятными знаками, производили гнетущее впечатление. «Неудивительно, что отсюда все ушли», – подумал Аленочкин, проходя вслед за начальником экспедиции по широкой мощеной улице. Они вышли на центральную площадь... и Вячеслав замер на месте от неожиданности, хоть и догадывался, что увидит здесь. Посреди площади находился большой каменный бассейн, в центре которого возвышалась каменная же статуя – точная копия его деревянной статуэтки. Он заворуженно смотрел на изваяние, пока его не окликнул Заваров.

После этого потянулись на удивление однообразные дни. Ученые копошились среди камней, а Аленочкин с Железякиным методично прочесывали окрестности в поисках шоколадного дерева. Между ними, то появляясь, то исчезая, метался Бочкин. Бизнесмен не стал скрывать от биолога, что является владельцем кондитерской фабрики, и наплел ему всякой ерунды про контракты, сорта и планы, когда объяснял, для чего ему необходимо найти на территории Города художников шоколадные деревья. Впрочем, Железякин не особо интересовался причинами.

Поначалу все трое москвичей изрядно нервничали, шастая по лесу, но постепенно привыкли, и джунгли уже не вызывали у них ни любопытства, ни страха. Охотничий азарт Аленочкина подстегивал их, они обшаривали глухие заросли, пробирались в самые непроходимые места. Интуиция подсказывала, что предмет поисков где-то здесь, совсем рядом, и надо приложить еще немного усилий, чтобы до него добраться.

Наконец им повезло. Маршруты своих путешествий они отмечали на специальной карте, но Аленочкин прекрасно помнил это место безо всяких карт – они проходили здесь почти каждый день. Дотошный биолог на всякий случай поглядывал вокруг, заранее зная, что здесь им ничего не найти. Паша, не имевший представления о том, как выглядит какао, с беззаботным видом шел за шефом. Тут Железякин споткнулся о какой-то корень и полетел носом в заросли.

– Семен, вы в порядке? – крикнул Аленочкин.

– Да, в полном, – раздраженно отозвался биолог. – Порвал куртку, испачкался в чем-то помете, и еще меня укусили. А все из-за какао, которого тут нет... Есть!!!

* * *

Повозившись немного в импровизированной лаборатории, устроенной в лагере, биолог подтвердил – они нашли то, что искали. Теперь дело было за малым – превратить дикие заросли в сырье, что, кстати, требовало немалых усилий.

Теоретически он представлял, как можно организовать сбор какао-бобов, у него даже брошюрка соответствующая была с собой. Но вот на практике...

Приходилось импровизировать. Вечером Вячеслав вкратце объяснил переводчику свой план, и на следующее утро они уже покинули древний город, направляясь назад, к основному

лагерю. Теперь, когда авантюрный проект обрел материальную базу, Аленочкин не чувствовал ни усталости, ни напряжения. Он испытывал знакомый прилив сил – так бывало всякий раз, когда победа достигалась через преодоление серьезных препятствий.

Добравшись до основного лагеря, они выяснили, что в радиусе десяти километров есть еще две индейские деревни, до которых относительно легко добраться на машине. Позаимствовав экспедиционный внедорожник, они отправились в путь.

Общение с аборигенами, центральной фигурой которого стал Бочкин, дало ожидаемый результат: к вечеру у Вячеслава уже была команда из нескольких человек, готовая, невзирая на табу, отправиться в джунгли и приступить к работе. И дело тут было не в том, что они меньше других боялись проклятого места. Просто плата, предложенная Аленочкиным, была по их меркам просто фантастическая.

* * *

Вячеслав стоял рядом с небольшим деревянным ящиком и не мог скрыть довольной улыбки. Вот он, плод его усилий, детище его предприимчивости, энергии и интеллекта. Какао уникального сорта – собранное, ферментированное и готовое к отправке в Москву. Две недели он неусыпно следил за рабочими, собиравшими бобы прямо под носом у экспедиции. Никто так ничего и не заметил: индейцы добирались до места по другой дороге, шедшей в обход древнего города.

– В этих местах много лет назад пытались устроить вырубку леса, – пересказывал Паша информацию, полученную от индейцев майя. – Начали, а потом внезапно бросили. В джунглях с тех времен еще остались просеки. Они не отмечены на картах, но все окрестные жители о них знают.

Аленочкин хотел как можно скорее переправить какао домой, чтобы специалисты на фабрике могли, наконец, начать работу над новым сортом шоколада. Тем временем рабочие продолжают сбор урожая, и следующая поставка будет куда серьезнее.

Вячеслав достал телефон и набрал номер Майского.

– Саша, здравствуй! – сказал он бодро.

– Вячеслав! – обрадовался собеседник. – Ну как, все нормально, проблем нет?

– Все отлично, спасибо тебе, – искренне поблагодарил Аленочкин.

– А я пытался до тебя дозвониться, но у меня ничего не получилось...

– Да, со связью тут неважно, – быстро сказал Вячеслав. – Слушай, я уже закончил свои дела, скоро возвращаюсь. Заваров собирается послезавтра отправлять машину в Мехико. Хочет передать в фонд первые результаты, он считает, что они произведут фурор.

– Вот как? Ну, будем надеяться.

– Это, конечно, замечательно, но дело в том, что на машине приедут мои ребята с грузом. Наша договоренность еще в силе? – уточнил он. – Ты сможешь помочь с переправкой?

– Не беспокойся, – заверил его Майский. – Считаю, все сделано. Пусть привозят на наш склад. А сам когда возвращаешься?

– Через два дня уже буду в Москве, билеты мне забронировали. Прибытие в три часа дня, так что созвонимся.

– Сообщи свой рейс, я тебя встречу.

– Не стоит, сам доберусь. Не беспокойся.

Попрощавшись и повесив трубку, он погрузился в раздумья. «Если удастся наладить поставки через фонд, – рассуждал он, – тогда можно будет считать, что дело пошло». Он потратил столько сил, охотясь за этим какао, и теперь осталось совсем немного до того заветного мига, когда можно будет поздравить себя с триумфом.

Глава 12

Душевные страдания нетрезвого оперативника.

Любовные посредники: Труфальдино, Тристан и тетя Вера.

Сильвестр и Майя спешат на помощь

Ужинать с Геннадием Усковым Майя не пошла. То есть не то чтобы отказалась совсем. Он позвонил на следующий день и предложил сходить вечером в какое-нибудь уютное кафе, чтобы поболтать и познакомиться поближе. Майя сначала встрепенулась, а потом неожиданно скисла. И сказала, что с удовольствием примет приглашение, только... потом. Позже.

Вера Витальевна, которая подслушивала их телефонный разговор под дверью, насупилась. Экая несправедливость: обаятельная девушка, и до сих пор одна, как та птичка, которую заперли в клетке именно потому, что она хороша во всех отношениях – и поет, и скачет, и взор улаживает.

На лестничной площадке в это время как раз начался митинг. Лидеры из числа жильцов, имевших несчастье быть прописанными в квартирах, непосредственно примыкавших к жилищу пенсионера Чепукина, требовали принятия немедленных и решительных мер вплоть до штурма и общественного суда в прилегающем сквере. Майю позвали тоже, и она вышла, набросив на плечи кофточку.

Вера Витальевна решила воспользоваться моментом. Движимая чувством глубокой уверенности в том, что всякому росту любви нужно помочь пробиться сквозь асфальт непонимания, она вошла в комнату Майи и отыскала в секретере ее записную книжку. Имя того старшего лейтенанта, по которому сохла бедная девочка, тетя Вера запомнила отлично. Стас Половцев. Тетя Вера обнаружила на нужной страничке не только телефон, но и адрес. А также аккуратную схему, на которой крестиками был помечен дом Сильвестра и самый короткий путь от него до дома Половцева. Выходит, старший лейтенант живет где-то здесь, совсем рядом!

Тете Вере это показалось знаком судьбы. Говорить с человеком о нежных чувствах лучше с глазу на глаз, а не по телефону. Тем более, по всему выходило, что эти двое между собой до сих пор еще так и не объяснились. Задача предстояла непростая. Легче мирить рассорившихся влюбленных, чем сводить тех, кто не осознал своего счастья. Однако оставить все как есть было бы неправильным. Как все подвижники, Вера Витальевна решила: «Если не я, то кто же?» Майя так и будет ждать этого типа, орошая слезами подушку. А тот будет думать, что он ей не нужен или еще какую-нибудь глупость. Если верить Сильвестру, Половцев положил на его помощницу глаз. А не верить Сильвестру просто нельзя! Значит, дело это правое, даже сомневаться нечего.

Вера Витальевна дождалась вечера, того самого часа, когда оперативники, по ее представлениям, возвращаются домой. Майе и Сильвестру она сказала, что отправляется на прогулку по супермаркетам – искать немецкий маргарин, который сделает ее кексы еще более рассыпчатыми. Возражать никто из них не посмел, и она улизнула, прихватив с собой бумажку с перерисованной схемой.

Дверь в квартиру Половцева оказалась светлой, с красивой металлической ручкой. Прежде чем позвонить, Вера Витальевна приложила к ней ухо и прислушалась. Внутри было

тихо. Не раздумывая больше, она нажала на кнопку звонка. Долгое время ничего не происходило, так что визитерша подумала, будто номер не удался. Однако затем совершенно для нее неожиданно раздался щелчок замка, дверь распахнулась, и на пороге возник довольно нетрезвый тип в драных джинсах. Кроме джинсов, на нем больше ничего не было, и тетя Вера смогла по достоинству оценить его физические данные. Они были более чем приемлемыми.

Зато физиономия претендента на сердце Майи выглядела никуда не годной. Небритая, опухшая, мрачная. Впрочем, Сильвестр предупреждал, что старший лейтенант пьет. Однако Вера Витальевна решила, что если этот парень все еще ходит на работу, значит, особой трагедии в этом нет. Главное – вырастить в его сердце цветок любви, а остальное как-нибудь наладится.

Половцев, разумеется, понятия не имел, что в его сердце задумали что-то растить. А тетя, которую он увидел на пороге, показалась ему чудной. Она была маленького роста, в юбке и в кедах. Кроме того, у нее был такой воинственный вид, как будто она собиралась немедленно напасть на хозяина квартиры.

– Кто вы? – спросил Половцев замогильным голосом. – Что вам нужно?

– Мне нужно войти, – ответила та барским тоном, который Стас ненавидел. И еще ручкой махнула.

– Мало ли что вам нужно, – заплетаящимся языком парировал он и сделал шаг вперед, готовый защищать свои рубежи от набега.

Вернее, он хотел сделать шаг, но земля внезапно качнулась, притиснув его к косяку.

– Мне необходимо с вами поговорить по очень важному делу, – строго сказала гостья и неожиданно сильной рукой отпихнула Стаса в сторону. Проскользнула мимо него и очутилась в коридоре.

– Да кто вы такая?! – вознегодовал тот, расстраиваясь, что никак не может сконцентрироваться.

– Не волнуйтесь, все нормально. Я – друг вашего друга.

Половцев надолго задумался, тяжело сопя. Потом серьезно потребовал:

– Поясните.

– Вы знакомы с Сильвестром Бессоновым?

– А-а-а... – обреченно протянул Стас. – Это вон оно кто такое...

Он был пьян, но так привык к этому состоянию, что посторонний человек не мог понять, до какой степени он вышел из строя. Со стороны казалось, будто он вполне связно мыслит и говорит. На самом деле Стас говорил и делал совсем не то, что хотел.

– Так вот. У Сильвестра Бессонова в молодости был друг. А я – его тетя.

– Тетя? – тупо переспросил тот и пробормотал себе под нос: – Тетя... Тетя Мотя...

– Не Мотя, а Вера Витальевна, – наставительно сказала та. – Теперь ваша очередь представиться.

– Стас Половцев, – поразмыслив, ответил хозяин квартиры.

– Вы знаете, что пить вредно?

– Лучше б я не знал, – с чувством ответил Половцев и посмотрел на себя в зеркало, висевшее на стене. Потом оттянул нижние веки вниз и исторг из груди вздох. – Грехи мои тяжкие...

Квартира была полупустой и прокуренной. Но отнюдь не запущенной. В коридоре даже стояла вазочка с искусственными цветами. Вера Витальевна спросила:

– Можно я войду в комнату? – И не дожидаясь ответа, быстро заглянула в спальню.

Окинула взглядом обстановку, оценила люстру, тюлевые занавески и ковер. Кровать была готова к тому, чтобы принять хозяина в свои объятия. Постельное белье выглядело чистым, и это решило дело. Вера Витальевна поняла, что с объектом можно работать.

– Вот что, – сказала она твердо. – Нам с вами нужно поговорить.

– Мы уже... того... говорим, – напомнил Стас, глядя на нее из-под нахмуренных бровей. – Значит, вас Сильвестр... прислал? Местная командировка...

– Не совсем, – призналась Вера Витальевна. – Не предложите мне чаю?

– Предложу, – пообещал Половцев, пробурчав: – Как не предложить такой приятной даме?

Шатаясь, он побрел на кухню. С первого взгляда становилось ясно, что принадлежит она холостяку, который режет хлеб прямо на столе и редко моет хоть что-нибудь, кроме тарелок. Вера Витальевна отстранила хозяина квартиры от плиты и сама поставила чайник на огонь. Принесла две чашки и взгромоздилась на табурет. Устроилась капитально, как будто собиралась сидеть здесь целую вечность.

– Ну? – спросил Половцев, вперив в нее мутный взор.

– Не стану ходить вокруг да около, – решительно сказала тетя Вера и хлопнула руками по столу. – Скажу все как на духу.

– Валяйте, – разрешил он.

– Сначала я задам вам вопрос. Только – чур! – отвечать искренне.

Половцев хрюкнул. В глубине души он понимал, что зря выпустил тетку в квартиру, что сейчас она начнет его волновать и будоражить. А вот как раз именно этого он особенно не любил – когда его волновали и будоражили. С другой стороны, ему было любопытно, чего ей надо. Отвечать искренне? Половцев ухмыльнулся. Давно прошли те времена, когда он был искренним с кем бы то ни было. Но знать ей это ни к чему.

– Клянусь, – сказал он, мужественно сдержав отрывку.

– Скажите, дорогой Стас, – паточным голосом спросила Вера Витальевна, – вы влюблены?

– Я?! – Половцев так изумился, что чуть не свалился с табуретки, на которой кое-как утвердился, прислонившись плечом к стене. – Я... чего?

Он несколько раз моргнул, потом повернул голову и посмотрел на чайник, из носика которого уже вырывалась мощная струя пара. Вероятно, воды там было как раз на пару чашек.

Вера Витальевна тоже посмотрела на чайник, проворно встала и в минуту наполнила обе чашки кипятком. Опустила в них по мятому пакетику заварки, а Половцеву, не спрашивая, положила вдобавок три ложки песка с верхом и размешала ложкой. Он поднял чашку за маленькую ручку, поднес ко рту и проглотил половину содержимого, не обратив внимания на то, что пьет почти кипяток.

– Какая-то хрень, – выдавил он из себя, неаккуратно облизав губы. – Что это на вас нашло?

– А разве... – Тетя Вера сделала многозначительную паузу, после чего вкрадчиво закончила: – ...Майя совершенно вам безразлична?

У гостя был такой проникновенный вид, которому мог бы позавидовать любой психотерапевт. Перед мысленным взором Стаса появилась помощница Сильвестра, какой он обычно привык видеть ее – строгая и неприступная.

– Зеленоглазая, – пробормотал он, внезапно охваченный теплым чувством. – Я таких глаз в жизни не встречал!

Тетя Вера задрала брови и строго спросила:

– И?

– Что – и? И все.

Алкоголь шумел в его голове, словно ураган, нахватавший с земли всякого хлама. Внутри то и дело раздавался треск и происходили какие-то столкновения. Истинная степень его опьянения оставалась тайной для тети Веры, которая вела с ним свою интеллектуальную игру, не подозревая, что имеет дело с мешком костей, озаренных лишь искрой разума.

– Вот и плохо, что все, – сказала она и похлопала его по руке своей маленькой птичьей лапкой, в которой таилась мощь носорога. – Так жить нельзя.

Стас тоже знал, что так, как живет он, жить нельзя. Это была не жизнь, а сплошная оперативная работа – чудовищная, захватывающая и привычная, сменяющаяся периодами черной усталости, алкогольных провалов и чугунного сна. Душа, о которой Стас иногда вспоминал, лежа в постели с очередной не важной для него женщиной, жила какой-то своей параллельной жизнью. Она, словно заброшенная псина, боролась за существование, питаясь теми крохами человеческих эмоций и поступков, которые ее хозяин иной раз все еще испытывал и совершал.

– Вам нужна жена, – резюмировала Вера Витальевна и постаралась поймать взгляд собеседника, чтобы передать ему силу своей убежденности. – Женщина, которая каждый вечер будет ждать вас дома, любить и жалеть. И прощать, конечно, за все ваши глупости.

– Фигня, – сказал Половцев, который силой воли заставил себя сосредоточиться и уловить смысл сказанного. Он знал наверняка, что такой женщины не существует.

Вера Витальевна возразила, что никакая это не фигня и что если он любит Майю, он должен с ней объясниться. Причем не откладывая дела в долгий ящик, иначе все это затянется на годы, и вместо вина любви он будет тянуть жиденький компот быстро проходящих удовольствий.

Столь сложная метафора прошла мимо сознания Половцева, однако насчет любви и Майи он все понял правильно и мрачно поинтересовался:

– Это Сильвестр сказал?

Вера Витальевна твердо выдержала его взгляд, но ничего не ответила. Поэтому Стас решил, что, разумеется, Сильвестр. Спорить с Сильвестром ему не хотелось, к этому типу он относился с уважением и даже опаской, поэтому посчитал правильным со всем согласиться.

– Ну, допустим, я объяснюсь...

– Зачем – допустим? Нужно просто взять – и решить этот вопрос одним махом! – Маленькая женщина рубанула воздух ладонью, едва не опрокинув на себя чашку. Ойкнула, поднесла ее ко рту и жадно выпила чай маленькими глотками. – Нужно написать Майе письмо. В нем вы во всем признаетесь.

– Думаете, стоит? – засомневался Половцев, удивляясь про себя, куда это у них ушел разговор. – Зачем мне это надо?

Вера Витальевна тяжело вздохнула и ответила вопросом на вопрос:

– Вы принимаете витамины?

Половцев ничего не понял про витамины и смотрел на нее тупо, как козел, которому вместо морковки предложили старую тряпку.

– Так я и думала. Мужчина, который пьет витамины, имеет более насыщенный цвет лица. Если бы у вас была жена, она бы заботилась о вашем здоровье.

– Но я никогда не писал писем... – вяло запротестовал Половцев. Его тело как раз перешло в какое-то новое состояние, когда в голове ненадолго проясняется и все становится таким легким и понятным.

– Вам и не нужно писать письма. Жизнь – это конверт с одним-единственным любовным посланием. У вас есть почтовый набор?

– Почтовый... кто??

– Неважно, я все принесла.

Она действительно извлекла из сумки небольшую коробку, в которой лежали конверты, изукрашенные цветами, и листы бумаги с узорчатой каймой. Ручку она тоже притащила с собой и теперь положила все это добро перед Половцевым.

– Вот, – сказала она. – Не нужно никаких длиннот. Напишите коротко и внятно все, что вы чувствуете.

– А что... я чувствую? – с неподдельным любопытством спросил Половцев.

Все-таки он был симпатичным парнем, невзирая на щетину и помятую физиономию. Поэтому Вера Витальевна была с ним терпелива, как хорошо оплачиваемая нянька.

– Вы напишете, что пришла пора объясниться, и попросите немедленного свидания для того, чтобы сказать о своей любви. Если вы решили жениться на женщине, не стоит тянуть и смущаться, верно? Пообещайте мне, что вы будете искренним и честным.

Половцев пообещал и выставил ее из кухни, потому что отнесся к предстоящему делу с удивительной серьезностью. Он взял ручку, занес ее над листом бумаги и задумался. Слова тети Веры о жизни и любви прорвались через укрепленные позиции Стаса и теперь разбойничали в его голове. И еще перед его мысленным взором стояла Майя – в своем любимом воздушном сарафанчике, с босыми ногами, растрепанная и чудесная. Он представил, как она будет встречать его на пороге вот этой самой квартиры, обнимать за шею и прижиматься маленьким горячим ртом к его губам. Она не разрешит ему пить водку натошак и станет кормить яичницей с луком. А потом, ночью, он будет любить ее, страстно, как не любил ни одну женщину до нее.

Он будет приносить ей ромашки по праздникам и выходным, а она выберет в аптеке коробочку с витаминами и положит ему в карман, чтобы Стас напивался здоровьем и никогда не болел.

Витамины прочно засели у него в голове, и слова тети Веры о том, что ему нужна жена, которая станет о нем заботиться, и то, что необходимо потребовать немедленной встречи, чтобы сказать все это своими словами.

С сильным нажимом, крупным, уверенным, но очень пьяным почерком Стас написал через весь лист: «Майя! Приходите немедленно. Мы должны поговорить о витаминах. Половцев». Сложил лист пополам и втиснул в конверт, замяв один угол. Впрочем, разве это имело значение? Облизав ободок конверта языком, он приклеил хвостик и громко позвал:

– Эй! Как вас там? Мотя... Все готово.

– Меня зовут Вера Витальевна, – напомнила посланница Сильвестра, впорхнув в кухню на ангельских крылышках.

Увидев, что конверт запечатан, она искренне расстроилась, потому что собиралась прочитать написанное, однако делать было нечего. Накинув на себя жакет, она похлопала Половцева по плечу, как боевого товарища, пообещала ему неземное счастье в самом скором времени и слиняла, захлопнув за собой дверь.

Оставшись один, Стас некоторое время сидел оглушенный собственным откровенно дурацким поступком, о котором он, как ни странно, ни чуточки не жалел. Потом достал из шкафчика початую бутылку водки и налил себе стопку. Дядька, который приезжал иногда к Стасу в гости из далекого зауральского городка, обнаруживая в его доме недопитые бутылки, всегда говорил: «Выглядишь как алкоголик, но раз не досасываешь пузырь до конца, считай, что еще на коне». Стас пожимал плечами. Он просто запивал свою работу и свое одиночество, вот и все.

Стас махнул рюмку, и приятное тепло разлилось по его телу. Руки и ноги стали тяжелыми, он добрал до кровати и повалился на нее, не выключив свет.

* * *

Тем временем Вера Витальевна решала сложный вопрос – прочитать письмо или нет? Можно было разорвать конверт, на котором Половцев размашисто начертал: «Майе», изучить послание и потом запечатать его в другой, чистый. Однако ей не хотелось останавливаться и искать для этого подходящее место. На улице накрапывал дождь, а в подъезде постоянно роились жильцы, озверевшие от Чепукина, который давал концерты на баяне практически без антрактов.

На лестничной площадке действительно оказалосьлюдно. Вера Витальевна была немедленно втянута в революционную борьбу и через некоторое время объявлена лидером движения античепукинцев. У нее оказалась куча идей и предложений, которые соратники не только обсуждали, но и пытались претворить в жизнь. Незаметно прошло несколько часов, и Вера Витальевна не сразу сообразила, насколько она увлеклась и забылась. Когда уставшие соседи, наконец, выпустили ее на волю, она с трудом переключилась обратно на проблемы Майи и Половцева.

Позвонив в квартиру Сильвестра, Вера Витальевна соорудила на лице подходящее случаю невинное выражение и, когда Майя отворила дверь, радостно сообщила:

– А вам тут письмо, знаете ли. Личное. Его кто-то прямо на ручку пристроил, глядите!

Удивленная Майя взяла конверт, на котором было написано ее имя. Уже сто лет как она не получала писем, написанных от руки. Поэтому сразу же разволновалась и пошла в свою комнату, на ходу разрывая конверт. Развернула вложенную в него записку и прочитала: «Майя! Приходите немедленно. Мы должны поговорить о витаминах. Половцев».

Некоторое время Майя стояла, изумленно глядя на это творение рук человеческих и пытаясь постичь суть написанного. Половцев прислал ей письмо. Половцев! Мало того, он не отправил его по почте. Неужели сам приходил? Или... Неожиданно страшная мысль посетила Майю и толкнула ее прямо в сердце. Что, если Стас в беде? И эта странная записка – крик о помощи? «Приходите немедленно...»

Она бросилась в кабинет Сильвестра и постучала в дверь. Когда он буркнул «Можно!», она вошла, пытаясь проглотить комок, застрявший в горле. Сильвестр отстукивал очередную рецензию, обложившись развернутыми журналами и альбомами с фотографиями звезд. Он обожал вставлять в свои статьи пассажи о внешности и манерах актеров и делал это с блеском знатока, чуткого к деталям.

– Босс! – шепотом позвала Майя.

Тот мгновенно обернулся и увидел ее стоящей возле двери с листком бумаги, прижатым к груди. Глаза ее были расширены, точно у маленькой девочки, отломавшей голову у новой куклы.

– Что? – с тревогой спросил он. – Тетя Вера отравилась немецким маргарином?

Майя отрицательно помотала головой. Подошла и протянула Сильвестру листок.

– Вот, – сказала она дрожащим голосом. – Лежало возле нашей двери.

Сильвестр схватил письмо, бросил на него один взгляд, потом озадаченно поднял брови и вчитался как следует.

– Действительно странно. – Сильвестр нажал пальцами на глаза, стараясь сосредоточиться. – «Мы должны поговорить о витаминах». Если Половцев что и пьет, то уж точно не витамины. Позвони ему.

– Я звонила, – призналась Майя, зардевшись. – Он не берет трубку.

– Может, просто не в состоянии?

Майя смотрела на босса с тревожной надеждой. Тот почесал затылок и сам у себя спросил вслух:

– Не идти же к нему на ночь глядя? – Посмотрел на свою помощницу и обреченно добавил: – Надо идти.

С чувством выполненного долга Вера Витальевна сладко спала перед телевизором в гостиной, уронив голову на грудь. На нижней губе надувался и опадал пузырек слюны. Майя и Сильвестр вышли, осторожно прикрыв за собой дверь. Пенсионер Чепукин как раз закончил свое выступление, точно зная, до какого часа по закону он может петь и плясать в собственной квартире. Толпа «фанатов» только что разошлась, оставив на месте сбора растоптанные окурки. Чтобы не надыхаться дыма, Сильвестр пулей пронесся к лифту.

– Пойдемте быстрее, – торопила его Майя, когда они очутились на улице.

Дождь закончился, успев наплакать большие лужи. Но ни Сильвестр, ни его помощница этого не замечали, работая ногами. По дороге почти не разговаривали. Благо идти было всего ничего.

На первые несколько звонков Половцев не открыл. Сильвестр, который еще внизу заметил, что в квартире горит свет, вознамерился звонить дежурным по городу, но Майя принялась плакать, и тогда он решил на свой страх и риск ломать дверь. Разбежался и изо всех сил стукнул ногой в замок. Дверь содрогнулась, и немедленно из глубины квартиры послышался рев проснувшегося медведя:

– Ща я тебе как стукну!

Сильвестр вполголоса выругался, а Майя схватила его за рукав, потрясла и с изумленной радостью воскликнула:

– Он жив!

Половцев действительно был жив. Он лежал на постели в джинсах, одурманенный последней рюмкой водки, которая оказала на его организм поистине волшебное действие, смотрел в потолок и плыл по волнам своих личных галлюцинаций. Когда начали звонить в дверь, сумбурные, но прекрасные картины в его голове смешались, и он недовольно прислушался. Вот звонки затихли, но потом неожиданно раздался громкий стук. Дверь задрожала. Мозг старшего лейтенанта воспринял это как сигнал опасности.

Половцев поднялся на ноги, вообразив, что на лестничной площадке стоит какая-то шпана. Добрел до двери и заглянул в «глазок». Каково же было его изумление, когда за дверью обнаружился Сильвестр Бессонов собственной персоной. Да не один, а со своей зеленоглазой помощницей.

Картина быстрого протрезвления промелькнула перед мысленным взором Половцева. Ледяной душ, чашка черного кофе, густого и вязкого, как сургуч... Он понимал, что просто так к нему вряд ли пришла бы такая делегация, да еще на ночь глядя. Отворив дверь, он буркнул:

– Идите на кухню и сварите мне кофе. Сможете?

А сам, кряхтя и вполголоса матерясь, отправился в ванную комнату.

Первым делом Майя открыла на кухне окно, чтобы Сильвестр смог дышать свежим воздухом, потом сварила кофе и налила в чашку, подумала и добавила сахар. Еще обнаружила пакетик сливок в холодильнике. С жалостью заметила попутно, что кроме половинки луковицы и двух плавленых сырков, там ничего больше нет.

Половцев появился через несколько минут во вполне приличном тренировочном костюме. Мокрые волосы зачесаны назад, взгляд осмысленный.

– Что случилось, господа? – спросил он аристократическим тоном. – Царь убит, правительство пало? – И уже нормальным голосом уточнил: – Какого черта вы приперлись среди ночи?

Майя показала ему глазами на чашку, он, кивнув в знак благодарности, проглотил кофе и крякнул. Потом повернулся к Сильвестру и спросил, как недавно Веру Витальевну:

– Ну?

– Майя получила от вас письмо, которое ее расстроило, – объяснил Сильвестр, все это время пытавшийся понять, в чем соль записки, которую они принесли с собой.

– Письмо? От меня? – изумился Стас.

Вообще-то он кое-что помнил. И приход маленькой настырной женщины, и почтовый набор, и бумагу с завитушками... Он что-то такое писал, без сомнения. Кажется, любовное письмо. Блин! Любовное письмо.

– Я действительно писал, – сказал он мрачно, кося на Майю налившимся кровью глазом. – Только не вам, а ей. Вот с ней я и буду разговаривать.

– Ладно, – легко согласился Сильвестр, хмыкнув. – Я в комнату пойду, телевизор посмотрю.

– И включите его погромче, – посоветовал Стас.

Майя стояла ни жива ни мертва. Она понятия не имела, что происходит. Записка лежала у нее в кармане, и там было по-русски написано, что нужно прийти немедленно, чтобы поговорить о витаминах. Чего в этом такого секретного? И почему – приходите скорее?

Стас не помнил о том, как он сформулировал свои мысли, полагая, что написал все, о чем размышлял – о любви, женитьбе, страстных поцелуях, яичнице. Он готов был даже пообещать бросить пить, если Майя согласится разделить с ним жизнь. Или он не писал так подробно, а только намекнул?

Собравшись с силами, он посмотрел девушке в глаза и увидел, что она смущена. Это его немного приободрило.

– В общем, конечно, нужно было сказать это устно, – промямлил он, не представляя, как выкарабкаться из сложившейся ситуации. Попадись ему эта тетка, он бы ее... – Хотелось бы узнать ваше мнение. Об этом.

– О чем? – тотчас спросила она.

– Ну... О том, что я написал.

– Но я не очень хорошо в этом разбираюсь, – призналась Майя, имея в виду те самые витамины, о которых он приглашал ее поговорить.

– Так это просто замечательно! – одобрил Стас. – Но решение-то принять вы можете, правда?

– Сейчас этого добра так много, что просто глаза разбегаются, – продолжала Майя, силясь понять, зачем он прогнал Сильвестра.

Стас озадачился. «Какого добра? – подумал он. – Мужиков, предлагающих руку и сердце, что ли?»

– Ну, я ж не кто-нибудь, – сказал он, пробуя храбриться, хотя на душе было паршиво, и щеки начали подозрительно гореть, как в седьмом классе, когда его изловил директор школы возле женской раздевалки.

– Понятное дело, – согласилась Майя, тоже почему-то раздумываясь.

Стас вел себя странно, нельзя было не признать. Непохоже, что у него белая горячка. И он значительно протрезвел после ледяного душа. Майя знала, что душ был ледяным, потому что уже не в первый раз присутствовала при «самовытрезвлении» старшего лейтенанта.

– Я посуду умею мыть, – сказал тот. – Пол могу протереть мыльной тряпкой. Картошку опять же почистить. И курить стану на балконе. И пить перестану. Ну, сокращу то есть.

Выглядело это так, будто он себя расхваливает как товар на ярмарке. Майя смотрела на него во все глаза.

– Это правильно, – осторожно заметила она наконец. – Пить не надо. Это дело такое – смешаешь то и то, получится дрянь какая-нибудь.

«Чего смешаешь-то? – подумал Стас. – Женщину с водкой? Действительно, лучше не смешивать».

– Ну, тогда давайте я вас поцелую, что ли? – спросил он неловко, не представляя, что нужно делать дальше. Никогда прежде он не думал, что станет затесываться в женихи таким вот странным способом.

– Вы меня поцелуете? – не поверила Майя. – Зачем?

– Как – зачем? – неожиданно рассердился Стас. Не привык он выглядеть дураком. Никогда никому не позволял над собой смеяться. – Разве мы не пришли к соглашению?

– О витаминах? – на всякий случай уточнила Майя, решив, что кто-то из них точно сошел с ума.

– О каких витаминах? – удивился старший лейтенант.

– О которых мы должны были срочно поговорить.

Половцев молчал целую минуту. Но, в конце концов, он все же работал оперативником, хотя в настоящее время и находился слегка не в форме. Поэтому, когда минута прошла, он попросил:

– Дайте-ка мне ту записку, которая привела вас сюда в столь поздний час. И вообще, не пора ли нам перейти на «ты». А то глупость какая-то выходит – почти поцеловались, а все «выкаем».

– Ладно, – легко согласилась Майя, которая и сама об этом давно подумывала. – Разрешаю говорить мне «ты».

И она протянула ему записку.

Половцев развернул, прочитал и неожиданно громко выругался:

– Твою мать!

– Старший лейтенант! – возмутилась Майя, при которой никогда еще не ругались так нагло и откровенно. – Что это вы себе позволяете?

– Мы перешли на «ты», – напомнил он, повеселев.

Да, он испытал огромное облегчение, потому что написал вовсе не то, чего от него ждали. Однако, как ни странно, к этому облегчению примешивалось и разочарование. А что, если бы все получилось? Неужели он действительно мог бы жениться? Вот на этой самой девице, которая смотрит на него, как медсестра на больного, самовольно отцепившего от себя «лишние» трубки.

– Стас, что ты себе позволяешь? – спросила Майя. Ей было непривычно называть Половцева по имени и на «ты», но ей это понравилось. Пожалуй, ради такого дела стоило прогуляться ночью по улице. – И объяснишь ты мне наконец, что за срочность разговаривать про витамины? И почему ты Сильвестра прогнал?

Половцев, прознав, что он не сделал предложения руки и сердца, заметно ожил, охамел и снова стал похож сам на себя.

– Хотел тебя поцеловать, – сказал он уже безо всякой робости. Ибо сейчас это было как бы не всерьез. Он бравировал, а за бравадой легко спрятать подлинные чувства.

– Ну, ладно, поцелуй, – неожиданно для него согласилась Майя. – Надеюсь, от тебя не слишком несет перегаром?

Половцев с сияющими глазами подступил к ней, сильной рукой обнял за талию, как будто собирался вести ее в вальсе, и сказал:

– Если не понравится, стукни меня по голове.

В самую последнюю секунду, когда она подняла к нему лицо и уже закрыла глаза, сердце Стаса неожиданно рухнуло вниз – так падает с огромной высоты что-то тяжелое и мощное, для того чтобы в конце пути разлететься на мелкие кусочки. Она нравилась ему безумно. И понравилась сразу – в тот самый миг, когда он ее увидел. Однажды они уже целовались – и тогда он тоже был почти пьян. Однако воспоминание об этом поцелуе частенько возвращалось и вертелось внутри, словно умищающаяся кошка. Теперь уж его никогда не выгнать.

Он не знал, что чувствовала Майя, но ему было чертовски хорошо. И когда Сильвестр постучал в дверь и их довольно жаркие объятия распались, все никак не мог прийти в себя. Они стояли и смотрели друг на друга, словно увидели впервые.

– Эй, ребята! – позвал Сильвестр. Парнем он был тактичным, так что Стас сразу понял, что Сильвестр просто не догадывается о том, чем они тут занимались. – Время уже не детское. Я спать хочу.

– Входите, входите, – разрешил Половцев, а сам отошел к столу, чтобы у того не возникло никаких подозрений. Зачем зря расстраивать такого приятного человека?

В том, что Сильвестр расстроится, если узнает об их зарождающемся романе, он даже не сомневался. И то сказать – кому охота делить свою помощницу с оперативником? А потом, возможно, вообще ее потерять.

– Ну и что? – спросил Сильвестр, поглядев на Стаса пристально. – Какого черта мы явились сюда на ночь глядя? Что там с этими витаминами?

– Э-э-э... – протянул «виновник торжества» задумчиво. – Это был просто предлог.

– Предлог для чего?

– Для того чтобы вы пришли.

– Но вы были пьяны в стельку, когда мы пришли.

– Ну и что? Это к делу не относится.

Сильвестр смотрел на него озадаченно.

– Так зачем вы записку-то писали?

– Хотел проверить, могу ли я называть вас своими друзьями, – на ходу сочинил старший лейтенант. – И положиться на вас.

– Ну и как? – не без любопытства поинтересовался Сильвестр.

– Ну... Учитывая, что вы пытались выломать дверь... Вероятно, могу.

Майя хихикнула.

– Вот спасибо! – сказал ее босс с большим чувством. – Теперь я засну спокойно. Новый друг обретен, что еще нужно человеку для счастья?

Когда они с Майей возвращались домой, Сильвестр все никак не мог успокоиться.

– Интересно, он сам бегал к нам, чтобы сунуть эту записку под дверь?

– Какая разница? – ответила Майя, подставляя лицо ветру и улыбаясь во весь рот.

– К этому типу стоило сходить просто для того, чтобы ты пришла в такое прекрасное расположение духа, – ворчливо заметил он.

Тетя Вера встретила их на пороге. Она была взъерошенной и очень взволнованной.

– Где же вы были? Я на секундочку прикорнула, глаза открываю – их уже нет.

– Ходили к нашему *другу* старшему лейтенанту Половцеву, – ответил Сильвестр, с иронией произнеся слово «друг».

– Вдвоем? – почему-то ужаснулась Вера Витальевна. – Зачем же вы пошли?

Она имела в виду, зачем Сильвестр пошел, но он ее понял неправильно и честно ответил:

– Половцев прислал Майе странное письмо про витамины, мы очень удивились и решили выяснить, что случилось.

Майя достала и молча подала злополучную записку Вере Витальевне. Та прочитала и вытаращила глаза:

– Он вам вот это вот написал?! Но почему?!

– Ну, выпил человек больше положенного, – ответил Сильвестр. – С кем не бывает?

– Жизнь дается человеку один раз, – сердито заметила тетя Вера, возвращая записку. – Скотина это знает, но все равно живет черт знает как.

Глава 13

Тяжелые раздумья и мутные перспективы. В ожидании Аленочкина

Аленочкин ехал в гостиницу паковать вещи – завтра он намеревался вылететь домой. Майский снова предложил встретить его на машине и помочь вывезти груз с таможни, но он снова отказался. Потому что отлично знал: в это дело ни при каких обстоятельствах нельзя впутывать посторонних.

Его состояние можно было сравнить с состоянием боксера, который в первом же раунде получил нокаут и теперь судорожно пытается сообразить, стоит ему продолжать неудачно начатый бой или признать поражение, не дожидаясь более тяжелых для здоровья последствий.

То, что произошло накануне в джунглях, поставило крест на его бизнес-проекте, на его мечте. Он бессилён что-либо изменить. Придется смириться.

Звонок телефона оторвал Вячеслава от нелегких раздумий. Номер телефона, высветившийся на дисплее, был ему незнаком.

«Интересно, кто это?» – равнодушно подумал Аленочкин и приложил трубку к уху.

Раскаленный мексиканский воздух словно прорезал свежий московский ветерок:

– Вячеслав? Алле, алле! Вячеслав?

– Господи, это вы. – Он узнал голос своего независимого эксперта, которому отдал зерна из фигурки ещё до отъезда. – Не кричите так, я отлично слышу.

– Извините, я буквально на минутку. Просто есть интересные результаты, хотел с вами поделиться. И спросить, нельзя ли дать мне больше материала для дальнейших исследований. В смысле – зерен этих. Того, что вы дали, к сожалению, маловато, чтобы делать окончательные выводы.

– Нельзя, – мрачно отрезал Аленочкин. – Пока, во всяком случае. Потом посмотрим. Я завтра возвращаюсь в Москву, тогда поговорим.

– Поверьте, результаты действительно очень любопытные. Просто я подумал – может быть, заказать их побольше...

– Вряд ли получится, – ответил вконец раздосадованный Аленочкин. – Материал вообще-то есть, но... Просто дождитесь меня, ладно? Тогда мы все с вами обсудим.

* * *

Майский с таким нетерпением ждал возвращения экспедиции из Мексики, что просто не мог сдержать эмоций. Ходил по кабинетам и доставал всех разговорами.

– Думаю, через несколько дней ребята уже переправят в Москву документацию, записи, пленки, кое-какие образцы, – рассказывал он Коврову, который слушал ученого вполуха, а сам продолжал заниматься своими делами. – Потрясающе интересно. Вы представляете, какое богатство попадет к нам в руки?

– Не представляю, – ответил Ковров холодно. – Хотя тоже очень хочу, чтобы ребята поскорее вернулись. И привезли назад Аленочкина.

– Откуда вы знаете, что Вячеслав в Мексике? – опешил Майский.

Бизнесмен скрывал, что отправляется вместе с экспедицией фонда, и просил никому об этом не рассказывать. Как же случилось, что Ковров в курсе?

– Да ладно, секрет Полишинеля, – бросил тот. – Я знаю, что в Мексику поехала экспедиция фонда, и слышал один раз, как ты в коридоре с Аленочкиным по телефону разговаривал. Ну и, так сказать, сопоставил факты.

«Вот тебе и тайна, – растерянно думал Майский, выходя из кабинета. – Интересно, это только Ковров такой умный? Или им с Аленочкиным вообще не удалось замаскироваться? Тот с него шкуру спустит. Скажет – ты разболтал, не оправдаешься».

Сердитый, он ввалился к Ускову, который как раз собирался уходить.

– Не знаешь, где сейчас Аленочкин? – с ходу спросил Майский.

– Ты его тоже потерял? – удивился психолог, собирая со стола бумажки и довольно небрежно засовывая их в папку.

– Почему – тоже?

– Потому что я лично его найти не могу. У меня для него информация срочная. Когда я с ним в последний раз по телефону разговаривал, он ничего обсуждать не захотел. Сказал, все потом. Обидно до чертиков. У меня больше дел нет, как до него дозваниваться. Наверняка весь вечер на это уйду.

– И не пытайся, – махнул рукой Майский. – Его в стране нет. Он только завтра в три часа дня прилетает из... Европы.

– А завтра в три я занят, – отрезал Усков. – Мне пациентку новую нужно принять в клинике. – Он понизил голос и спросил: – Знаешь, о ком речь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.